IAkubovich, Petr Filippovich

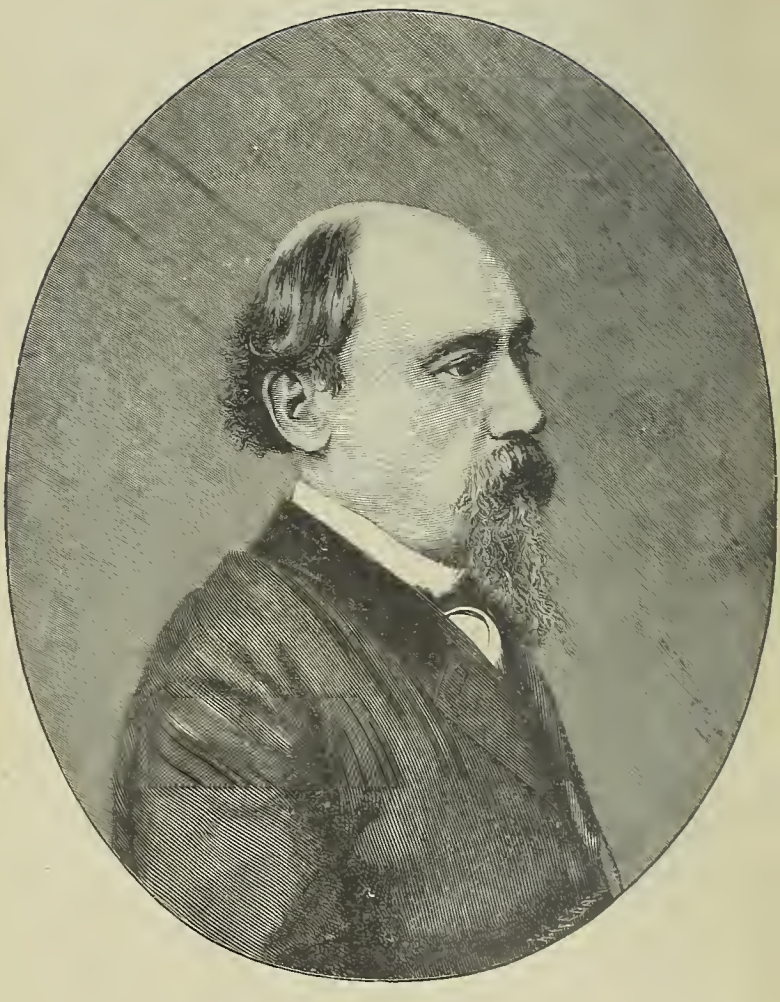
N.A. Nekrasov, ego zhizn' i literaturnaia dieiatel'nost' ; kritiko-biograficheskii ocherk.

891.71
N418ZI

DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY

Некрасов



Н. А. Некрасовъ

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ.

БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Н. А. НЕКРАСОВЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

КРИТИКО-БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Л. Мельшина (П. Ф. Якубовича).

съ портретомъ Н. А. Некрасова, гравированнымъ въ Петербургѣ К. Адтомъ.

ЦѢНА 25 КОП.

International Book Store
A. WASSERMAN.
45 Clinton St. New York

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Ю. Н. Эрлихъ, Садовая, № 9.
1907.

891.71
N4'8ZI

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

I. Неудачный литературный дебютъ 5

II. Грустное дѣтство. Мать и отецъ. — Удаленіе изъ гимназіи 15

III. Тяжелая рабочая юность. Не умирающій идеалъ. — Смерть матери. 24

IV. Гуманная школа Бѣлинскаго. — Неизгладимое вліяніе режима „ежевыхъ рукавицъ". Герой-рабъ 36

V. Поэтъ находитъ свое призваніе 52

VI. Основныя черты некрасовскаго лиризма. — Мелкіе недостатки и великія достоинства 59

VII. Некрасовъ, какъ пѣвецъ трудящихся и обездоленныхъ 75

VIII. Критики и читатели. — Болѣзнь и смерть. — Прочность славы Некрасова. 85

IX. Объ изданіяхъ Некрасова 93

Digitized by the Internet Archive
in 2020 with funding from
Duke University Libraries

https://archive.org/details/nanekrasov01piap

I.

Неудачный литературный дебютъ.

25 іюля 1839 года петербургскій цензоръ Фрейгангъ подписалъ къ выпуску въ свѣтъ тетрадь стихотвореній, имѣвшихъ общій заголовокъ «Мечты и звуки». Автору ихъ было всего лишь 17 лѣтъ отъ роду, хотя передъ тѣмъ онъ успѣлъ уже напечатать, за полной своей подписью—Н. Некрасовъ, цѣлый рядъ стихотвореній въ «Сынѣ Отечества», въ «Литературной Газетѣ» и въ «Прибавленіяхъ къ Инвалиду». Нѣкоторые изъ этихъ юношескихъ опытовъ даже обратили на себя вниманіе любителей поэзіи.

Послѣ цензурнаго разрѣшенія можно было приступить къ печатанію книги, но, какъ разсказывалъ впослѣдствіи самъ Некрасовъ, имъ овладѣли тревожныя сомнѣнія, и онъ рѣшилъ показать раньше свою рукопись признанному королю тогдашнихъ поэтовъ—Жуковскому. Послѣдній отнесся къ юному собрату съ теплымъ сочувствіемъ, увидавъ въ его стихахъ несомнѣнные задатки поэтическаго дарованія,—однако, печатать книгу не совѣтовалъ. Къ сожалѣнію, было уже поздно: среди знакомыхъ Некрасова была открыта на сборникъ его стиховъ подписка, и часть полученныхъ отъ нея денегъ израсходована.

— Въ такомъ случаѣ,—сказалъ Жуковскій,—не выставляйте, по крайней мѣрѣ, полнаго вашего имени на книгѣ. Ограничьтесь инціалами.

Совѣтъ этотъ Некрасовъ принялъ къ свѣдѣнію, и въ началѣ слѣдующаго года «Мечты и звуки» явились въ свѣтъ за скромной подписью Н. Н.

Книгъ выходило въ тѣ времена, сравнительно, немного, и кругъ вопросовъ, которыхъ журналы имѣли право касаться, былъ до чрезвычайности узокъ; почти о каждой напечатанной книжкѣ, какъ бы ничтожно ни было ея значеніе, непремѣнно появлялись, поэтому, болѣе или менѣе пространныя рецензіи. «Мечты и звуки» Некрасова не составили исключенія изъ общаго правила и вызвали цѣлую кучу отзывовъ: въ «Литерат. Газетѣ», въ «Отечеств. Запискахъ».

въ «Современникѣ», въ «Сѣв. Пчелѣ», даже въ «Русскомъ Инв
лидѣ» и въ «Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія» (изъ видныхъ ори
новъ промолчалъ, кажется, одинъ только «Сынъ Отечества» Пол
вого, быть можетъ, потому, что на его страницахъ Некрасовъ
преимуществу печаталъ свои стихи). Въ «Журн. М. Н. Пр.» стих
творецъ Менцовъ, очевидно знавшій о возрастѣ автора «Мечтан
и звуковъ», далъ одинъ изъ наиболѣе сочувственныхъ отзывов
рецензентъ исходилъ изъ того мнѣнія, что при разборѣ сочинен
столь юнаго поэта задача критики не въ опредѣленіи ихъ литер
турной цѣнности и значенія, а лишь въ рѣшеніи вопроса—есть
у поэта признаки таланта, обѣщаетъ ли онъ въ будущемъ созда
произведенія, достойныя вниманія и памяти. «И потому да не
вятся читатели,—замѣчалъ Менцовъ,—если мы будемъ судить
Некрасова (критикъ считалъ возможнымъ разоблачить инициал
снисходительнѣе, нежели, можетъ быть, слѣдовало бы: похвала
умѣренными и справедливыми мы имѣемъ цѣлью ободрить его п
красный талантъ и поощрить къ дальнѣйшимъ трудамъ въ поль
отечественной словесности». Далѣе рецензентъ осыпалъ похвала
отдѣльныя пьесы сборника, защищалъ юнаго автора отъ возмо
ныхъ упрековъ въ подражательности и, въ заключеніе, предрека
Некрасову завидную извѣстность и почетное мѣсто въ исторіи р
ской литературы, подъ тѣмъ, впрочемъ, условіемъ, если онъ буде
«развивать свое прирожное дарованіе изученіемъ твореній поэтов
признанныхъ великими отъ всего просвѣщеннаго міра, и чтеніе
лучшихъ Теорій Изящнаго».

Такою же мягкостью проникнута была и коротенькая замѣт
«Современника», написанная, вѣроятно, самимъ Плетневымъ.

Здѣсь не только *мечты и звуки*, какъ выразился поэтъ, но
мысли, и чувства, и картины. Книжка, заключающая въ себѣ поч
одни лирическія стихотворенія, исполнена разнообразія. Въ кажд
пьесѣ чувствуется созданіе мыслящаго ума или воображенія. На
эпоха такъ скудна хорошими стихотвореніями, что на подобныя
ленія смотришь съ особеннымъ удовольствіемъ. У г. Н. Н. замѣ
только нѣкоторая набрежность въ отдѣлкѣ стихотвореній.

Плетневъ, несомнѣнно, тоже хорошо зналъ, кто скрывается по
таинственными инициалами; но авторъ третьей рецензіи, помѣщ
ной въ «Сѣв. Пчелѣ», прямо заявляетъ, что имя поэта ему «во
неизвѣстно», что оно, «кажется, въ первый разъ является въ
шей литературѣ». И, тѣмъ не менѣе, подобно «Журналу М. Н. П
рецензентъ «Сѣв. Пчелы» начинаетъ съ положенія, что снисхо
тельность—одно изъ главныхъ условій критики, имѣющей пер

бою первые опыты юношескаго пера, особенно когда въ нихъ
римѣтно дарованіе, которое впослѣдствіи можетъ развернуться;
рованіе же Н. Н., по мнѣнію критика, не подлежитъ никакому
мнѣнію и возбуждаетъ самыя пріятныя надежды. Какъ и Менцовъ,
ъ ставитъ лишь на видъ юному поэту необходимость «образовать
вой талантъ долгимъ изученіемъ искусства и безпрерывнымъ на-
люденіемъ за самимъ собою».

Далеко не такъ легко и снисходительно отнесся къ «Мечтамъ и
вукамъ» анонимный критикъ «Литерат. Газеты» (гдѣ Некрасовъ
е разъ помѣщалъ передъ тѣмъ свои стихи), а равно и Бѣлинскій
ь «Отеч. Запискахъ». Оба отзыва до того сходны по мыслямъ, по
ону и самому слогу, что и въ первомъ изъ нихъ можно было бы
подозрить перо Бѣлинскаго (тѣмъ болѣе, что послѣдній сотрудни-
алъ и въ «Литерат. Газетѣ»), если бы не существовало прямыхъ
казаній на принадлежность этой рецензіи Галахову.

«Особенность подобныхъ г-ну Н. Н. поэтовъ и писателей во-
ще,—говорилось въ рецензіи,—заключается въ томъ, что они *суть*
что до тѣхъ поръ, пока не издадутъ полнаго собранія своихъ со-
неній: тогда они становятся *ничто*». «Названіе *Мечты и звуки*
вершенно характеризуетъ стихотворенія г. Н. Н.: это не поэтиче-
ія созданія, а *мечты* молодого человѣка, владѣющаго стихомъ и
роизводящаго звуки правильные, стройные, но не поэтическіе».

Почти то же и почти въ тѣхъ же выраженіяхъ высказалъ и
Бѣлинскій въ «Отеч. Зап.» Если проза можетъ еще удовлетворяться
адкой формой и банальнымъ содержаніемъ, то «стихи рѣшитель-
не терпятъ посредственности». Читая такіе стихи, вы чувствуете
огда, что авторъ ихъ человѣкъ, несомнѣнно, благородный и
искренній, но въ то же время видите, что эти благородныя чувства

акъ и остались въ авторѣ, а въ стихи перешли только отвлечен-
ія мысли, общія мѣста, правильность, гладкость и—скука. Душа
чувство есть необходимое условіе поэзіи, но не ими все оканчи-
ется: нужна еще творческая фантазія, способность внѣ себя осу-
ествить внутренній міръ своихъ ощущеній и идей и выводить во
ѣ внутреннія видѣнія своего духа».—«Прочесть книгу стиховъ,
трѣтить въ нихъ все знакомыя и истертыя чувствованьица, общія
ѣста, гладкіе стишки и много-много, если наткнуться иногда на
ихъ, вышедшій изъ души въ кучѣ риомованныхъ строчекъ,—воля
ша, это чтеніе или, лучше сказать, работа для рецензентовъ, а
для публики, для которой довольно прочесть о нихъ въ журналѣ
вѣстіе, вродѣ: выѣхалъ въ Ростовъ».

Мы потому съ такой подробностью остановились на шумѣ, вы-
анномъ въ литературѣ первымъ поэтическимъ выходомъ Некра-

сова, что шумъ этотъ, несомнѣнно, оказалъ большое и существен вліяніе на дальнѣйшую судьбу поэта. Авторитетный отзывъ Бѣл скаго, высказанный въ мартѣ мѣсяцѣ 1840 г., сразу заглуш всѣ сочувственные голоса, и о «Мечтахъ и звукахъ» установил съ тѣхъ поръ прочное мнѣніе, какъ о книжкѣ стиховъ, до посл ней степени ничтожныхъ и безталанныхъ.

Интересъ книжки въ томъ,—читаемъ въ энциклопедическ словарѣ Брокгауза и Ефрона (въ статьѣ С. А. Венгерова),—что здѣсь видимъ Некрасова въ сферѣ совершенно ему чуждой, въ р сочинителя балладъ съ разными страшными заглавіями, вродѣ «З духъ», «Ангелъ смерти», «Воронъ» и т. п. «Мечты и звуки» хар терны не тѣмъ, что являются собраніемъ плохихъ стихотворе Некрасова и какъ бы *низшей* стадіею въ творчествѣ его, а тѣмъ, что *никакой стадіи* (курсивъ словаря) въ развитіи таланта Н. собою представляютъ. Некрасовъ, авторъ книжки «Мечты и звуки», и красовъ позднѣйшій—это два полюса, которыхъ нѣтъ возможно слить въ одномъ творческомъ образѣ.

На самого поэта приговоръ Бѣлинскаго и Галахова подѣйс валъ, между тѣмъ, самымъ угнетающимъ образомъ: съ этого, крайней мѣрѣ, момента,—какъ будто увѣрившись въ своей поэ ческой бездарности,—онъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ пиш стихи только юмористическаго характера, главнымъ же образомъ пытаетъ силы въ области прозы. Какъ извѣстно, въ роли беллетри и критика Некрасовъ далеко не пошелъ, и въ смыслѣ непосредств ной цѣнности литературное творчество его за пятилѣтіе 1840— является совершенно безплоднымъ. Другое дѣло—незримая, п спудная, такъ сказать, работа таланта, когда, сдерживаемый сильно въ извѣстныхъ рамкахъ, онъ судорожно бился въ поиск своей настоящей дороги: въ такомъ смыслѣ и указанные годы и ли, конечно, огромное значеніе для опредѣленія основного харак ра некрасовской поэзіи. Объ этомъ, впрочемъ, ниже; теперь же ос новимся на минуту на возникающемъ невольно вопросѣ: наскол былъ правъ или неправъ Бѣлинскій въ суровомъ осужденіи п выхъ поэтическихъ опытовъ Некрасова? И вѣрно ли держащееся сихъ поръ мнѣніе, будто опыты эти не стоятъ рѣшительно ни какой связи съ позднѣйшимъ обликомъ «музы мести и печал

Взятая сама по себѣ, книжка «Мечты и звуки», несомнѣн очень слаба, такъ что у Бѣлинскаго (къ тому же, только что реѣхавшаго изъ Москвы въ Петербургъ и не подозрѣвавшаго, Некрасовъ еще такъ зеленъ) было очень мало данныхъ для т чтобы отнестись къ ней какъ-нибудь иначе. Другое дѣло—крит нашихъ дней. Для насъ «Мечты и звуки»,—если бы это бы

дѣйствительно вполнѣ бездарная въ художественномъ отношеніи книга,—имѣютъ интересъ совершенно особаго рода: это—первый опытъ поэта съ могучими поэтическими силами, и крайне любопытно знать, нѣтъ ли въ этомъ опытѣ, хотя бы и въ зачаточномъ видѣ, элементовъ того настроенія, которое такъ ярко сказалось въ его позднѣйшемъ творчествѣ. Подходя къ вопросу съ такой точки зрѣнія, разсматривая «Мечты и звуки» съ высоты почти 70 лѣтъ, мы должны признать черезчуръ суровымъ приведенный выше отзывъ С. А. Венгерова. Прежде всего, нельзя сказать, что въ «Мечтахъ и звукахъ» Некрасовъ является въ роли сочинителя страшныхъ балладъ, такъ какъ балладъ этихъ (не по заглавію только страшныхъ) въ книжкѣ ничтожное меньшинство, всего 2—3 изъ общаго числа 44 пьесъ; а затѣмъ нужно замѣтить, что уже самая нелѣпость содержанія и примитивность формы обличаютъ ихъ принадлежность къ наиболѣе раннему, отроческому періоду творчества Некрасова. Со словъ сестры поэта извѣстно, что, покидая 16-ти лѣтнимъ мальчикомъ отцовскій домъ, онъ увезъ съ собою толстую тетрадь съ *дѣтскими* стихотворными упражненіями («за славой я въ столицу торопился»—вспоминалъ онъ на смертномъ одрѣ). Это было 20 іюля 1838 года, а съ сентябрьской книжки «Сына Отечества» за тотъ же годъ стихи Некрасова уже стали печататься.

Позволительно также предположить, что молодой поэтъ, уже сумѣвшій передъ тѣмъ написать незаурядное стихотвореніе «Жизнь», и помѣстилъ-то эти баллады въ свой сборникъ единственно ради внѣшняго его округленія, а быть можетъ, и ради... умилостивленія безмѣрно строгой тогда цензуры. Слѣды ея властной руки можно видѣть въ этомъ сборникѣ не въ видѣ только разбросанныхъ тамъ и сямъ точекъ. Такъ, въ стихотвореніи «Поэзія» читаемъ:

Я владѣю чуднымъ даромъ,
Много власти у меня,
Я взволную грудь пожаромъ,
Брошу въ холодъ изъ огня:
Разорву покровы ночи,
Тьму вѣковъ разоблачу,
Проникать земныя очи
Въ міръ надзвѣздный научу...
Возложу вѣнецъ лавровый
На достойнаго жреца,
Или въ мигъ запру въ оковы
Поносителя вѣнца.

Не надо обладать особенной проницательностью, чтобы догадаться, что послѣдній стихъ въ первоначальномъ текстѣ читался,

по всей вѣроятности: «*Я носителя вѣнца*», и что печатной своей нелѣпостью онъ обязанъ мнительности цензора Фрейганга, которому всякій «вѣнецъ» (хотя бы то былъ вѣнецъ Нерона) казался чѣмъ-то неприкосновеннымъ. Быть можетъ, объ этой именно остроумной цензорской поправкѣ вспоминалъ Некрасовъ двадцать пять лѣтъ спустя, когда въ уста не въ мѣру ретивого стража печати вкладывалъ слѣдующее признаніе:

Да! меня не коснутся упреки,
Что я платы за трудъ васъ лишалъ.
Оставлялъ я страницы и строки.
Только вредную мысль исключалъ.
Если ты написалъ: «Равнодушно
Губернатора встрѣтилъ народъ»,
Исключу я три буквы: «Ра-душно»
Выйдетъ... Что же? Три буквы не счетъ! *)

Если, за одно со «страшными» балладами, выключить изъ сборника и нѣкоторое количество просто безцвѣтныхъ и безсодержательныхъ дѣтскихъ стишковъ, вродѣ «Турчанки» (у которой кудри—«вороновы перья, черны, какъ геній суевѣрья, какъ скрытой будущности даль»), или «Ночи» («Ахъ туда, туда, туда—къ этой звѣздочкѣ унылой чародѣйственною силой занеси меня, мечта!»), то большинство пьесъ книги окажется проникнуто весьма опредѣленнымъ взглядомъ на жизнь, на достоинство и призваніе человѣка, поэта въ особенности,—взглядомъ, который ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать «полюсомъ, противоположнымъ» позднѣйшей некрасовской поэзіи.

Вотъ, напр., діалогъ, въ которомъ душа, въ отвѣтъ на соблазны тѣла, гордо заявляетъ:

Прочь, искуситель! Не напрасно
Безсмертьемъ я освящена!
. . . . . .
И хоть однажды, трупъ безсильный,
Ты мнѣ уступишь торжество!

Въ другомъ стихотвореніи великолѣпный нѣкогда, а теперь разрушенный Колизей находитъ утѣшеніе въ мысли, что хотя онъ и

*) Тургеневъ вспоминаетъ: «Особеннымъ юморомъ отличался цензоръ Ф., тотъ самый, который говаривалъ: «Помилуйте, я всѣ буквы оставлю, только духъ повытравлю». Онъ мнѣ сказалъ однажды, съ чувствомъ глядя въ глаза: «Вы хотите, чтобъ я не вымарывалъ? Но посудите сами: я не вымараю—и могу лишиться 3,000 р. въ годъ, а вымараю—кому отъ этого какая печаль? Были словечки, нѣтъ словечекъ... Ну, а дальше? Какъ же мнѣ не марать?! Богъ съ вами!» («Литерат. и жит. воспом.»)—Очевидно, Тургеневъ имѣлъ въ виду того же Фрейганга.

погибъ, но уже много столѣтій стоитъ, не обрызганный живой человѣческой кровью. Или—стихотвореніе «Мысль»:

Спитъ дряхлый міръ, спитъ старецъ обветшалый...
. . . . . .
Скрой безобразье наготы
Опять подъ мрачной ризой ночи!
Поддѣльнымъ блескомъ красоты
Ты не мои обманешь очи.

Все это выражено, правда, по дѣтски, въ неяркихъ и подчасъ аляповатыхъ стихахъ; однако, сквозитъ во всемъ этомъ серьезное, вдумчивое отношеніе къ жизни; уже и здѣсь передъ нами не просто лишь созерцательная поэтическая натура, непосредственно и безразлично отдающаяся «всѣмъ впечатлѣньямъ бытія», а мыслящая душа, предъявляющая къ жизни свои требованія и запросы.

Вотъ какія негодующія строки находимъ, напр., въ стих. «Жизнь»:

Изъ тихой вечери молитвъ и вдохновеній
Разгульной оргіей мы сдѣлали тебя
(т. е.—жизнь).
И гибельно парятъ надъ нами злобы геній,
Еще въ зародышѣ все доброе губя.
Себялюбивое, корыстное волненье
Обуреваетъ насъ, блаженства ищемъ мы,
А къ пропасти ведетъ порокъ и заблужденье
Святою вѣрою нетвердые умы.
Поклонники грѣха, мы не рабы Христовы;
Намъ тяжекъ крестъ скорбей, даруемый судьбой:
Мы не умѣемъ жить, мы сами на оковы
Мѣняемъ всѣ дары свободы золотой.
. . . . . Искусства намъ не новы:
Не сдѣлавъ ничего, спѣшимъ мы отдохнуть:
Мы любимъ лишь себя, намъ дружество—оковы,
И только для страстей открыта наша грудь.
И что же, что онѣ безумнымъ намъ приносятъ?
Презрительно смѣясь надъ слабостью земной,
Священнаго огня намъ искру въ сердце бросятъ
И сами же зальютъ его нечистотой!
За наслажденьями, по ихъ дорогѣ смрадной,
Слѣпѣе, мы идемъ и ловимъ только тѣнь;
Терзаютъ нашу грудь, какъ коршунъ кровожадный,
Губительный порокъ, бездѣйственная лѣнь.
И послѣ буйнаго минутнаго безумья,
И чистый жаръ души, и совѣсть погубя,
Мы съ тайнымъ холодомъ невѣрья и раздумья
Проклятью предаемъ нещадно тебя!

Стихи эти, правда, слишкомъ явно навѣяны страстнымъ обви-

неніемъ, которое великій поэтъ бросилъ передъ тѣмъ въ лицо рус скому обществу («Дума» Лермонтова появилась въ янв. книг «Отеч. Зап.» того же 39 года, т. е. за полгода всего до цензорскаг разрѣшенія «Мечтаній и звуковъ»); и, тѣмъ не менѣе, нельзя от рицать, что въ «Жизни» Некрасова слышится и оригинальная нота искренній религіозный пафосъ; нѣкоторые стихи не лишены и из вѣстной красоты и силы выраженія. Во всякомъ случаѣ, такъ мо жетъ «подражать» далеко не всякій 17-лѣтній стихотворецъ...

Самую миссію поэта юный Некрасовъ понимаетъ въ возвышен номъ, почти экзальтированномъ смыслѣ:

Кто духомъ слабъ и немощенъ душою,
Ударовъ жребія могучею рукою
Безстрашно отразить въ чьемъ сердцѣ силы нѣтъ,
Кто у него пощады вымоляетъ,
Кто передъ нимъ колѣна преклоняетъ,
Тотъ не поэтъ!

Кто юныхъ дней губительныя страсти
Не подчинилъ разсудка твердой власти,
Но, волю давъ и чувствамъ, и страстямъ,
Пошелъ, какъ рабъ, во слѣдъ за ними самъ,
Кто слезы лилъ въ годину испытанья
И трепеталъ подъ игомъ тяжкихъ бѣдъ
И не сносилъ безропотно страданья,
Тотъ не поэтъ!

На Божій міръ кто смотритъ безъ восторга,
Кого сей міръ въ душѣ не вдохновлялъ,
Кто предъ грозой разгнѣваннаго Бога
Съ мольбой въ устахъ во прахъ не упадалъ,
Кто у одра страдающаго брата
Не пролилъ слезъ, въ комъ состраданья нѣтъ,
Кто продаетъ себя толпѣ за злато,
Тотъ не поэтъ!

Любви святой, высокой, благородной
Кто не носилъ въ груди своей огня,
Кто на порокъ презрительный, холодный
Смѣнилъ любовь, святыни не храня;
Кто не горѣлъ въ горнилѣ вдохновеній,
Кто ихъ искалъ въ кругу мірскихъ сустъ,
Съ кѣмъ не бесѣдовалъ въ часы ночные геній—
Тотъ не поэтъ!

Не думаемъ, чтобы эти мысли были плодомъ одного только по ражанія романтической школѣ: въ значительной степени это искрен нія юношескія мечты о высокомъ призваніи писателя. Изъ другог стихотворенія («Изгнанникъ») мы узнаемъ, что уже рано дѣйстви

ельность грубою рукою прикоснулась къ свѣтлымъ мечтаніямъ оэта, и онъ «очутился на землѣ».

Ты осужденъ печать изгнанья
Носить до гроба на челѣ,—

казалъ ему тогда таинственный голосъ:

Ты осужденъ цѣной страданья
Купить въ странѣ очарованья
Рай недоступный на землѣ!

поэтъ не теряетъ бодрости; онъ даже полюбилъ свой крестъ:

Теперь отрадно мнѣ страдать.
Ломами жесткой власяницы
Несчастій потъ съ чела стирать!

За туманно-романтической формой, какъ-будто, чуется здѣсь и ѣчто автобіографическое (печальное дѣтство; разрывъ съ отцомъ, росившій юношу-поэта почти нищимъ на мостовую большого го-ода), какъ-будто слышится искренняя нота горделивой увѣренности, го, и «очутившись на землѣ», онъ не утратилъ стремленіе къ иде-лу: хотя бы «цѣной страданья», онъ придетъ все же въ обѣтован-ую землю!

Красавица не пой веселыхъ пѣсенъ мнѣ!
Онѣ плѣнительны въ устахъ прекрасной дѣвы.
Но больше я люблю печальные напѣвы...—

итаемъ въ другой пьесѣ, интересной въ томъ отношеніи, что здѣсь ервые выступаетъ образъ матери Некрасова, воспѣтый имъ позже ъ такихъ чудныхъ трогательныхъ стихахъ. Унылый напѣвъ,— ъясняетъ поэтъ,—въ особенности милъ ему потому,

Что въ первый жизни годъ родимая съ тоской
Смиряла имъ порывъ ребяческаго гнѣва,
Качая колыбель заботливой рукой:
Что въ годы бурь и бѣдъ завѣтною молитвой
На томъ же языкѣ молилась за меня;
Что, побѣжденъ житейской битвой,
Во власть ей отдался я, плача и стеня...

Слѣдуетъ еще отмѣтить печать глубокой религіозности, харак-ризующей сборникъ «Мечты и звуки». Въ каждомъ почти стихот-реніи встрѣчаемъ упоминаніе о Богѣ, о молитвѣ, о необходимости уть къ знаньямъ вѣрой освѣтить» и «разлюбить родного сына за ступленье отъ Творца». Духъ сомнѣнія представляется Некра-ву злымъ духомъ, и онъ совѣтуетъ не ввѣрять сердца «его всегда доброму внушенью».

Порывъ души въ избыткѣ бурныхъ силъ,
Святой восторгъ при взглядѣ на творенье.

Размахъ мечты въ полетѣ вольныхъ крылъ,
И юныхъ думъ кипучее паренье
И юныхъ чувствъ не омраченный пылъ—
Все осквернитъ печальное сомнѣнье!

Напомнивъ еще разъ читателю, съ какой точки зрѣнія оцѣни ваемъ мы «Мечты и звуки», резюмируемъ теперь наше общее впе чатлѣніе. Книжка эта является, по нашему мнѣнію, не столько про дуктомъ сознательнаго литературнаго подражанія романтическо школѣ, сколько—зеркаломъ дѣтски-неопытной и наивной, но глу боко-искренней, религіозно и поэтически настроенной юной души Слабые въ художественномъ отношеніи, стихи эти обнаруживаютъ тѣмъ не менѣе, богатый запасъ нетронутой душевной силы и свѣ жаго чувства. Позднѣйшему, знаменитому Некрасову,—кромѣ пло хой формы,—положительно нечего въ нихъ стыдиться: по альтру истически-повышенному настроенію своему «Мечты и звуки являются именно подготовительной, «низшей стадіей» его творчества отнюдь не звучащей въ немъ диссонансомъ. И намъ кажется, чт знакомство съ этой дѣтской книжкой Некрасова дѣлаетъ, какъ-будто менѣе страннымъ фактъ «внезапнаго», какъ обыкновенно думаютъ превращенія посредственнаго разсказчика и куплетиста въ перво степеннаго лирика.

Отмѣтимъ, въ заключеніе, одну любопытную черту, касающуюся внѣшней формы стиховъ сборника «Мечты и звуки». Оказывается, что уже въ эту раннюю пору Некрасовъ не питалъ такого исклю чительнаго пристрастія къ ямбу, какъ Пушкинъ и поэты его школы изъ 44 пьесъ сборника ямбомъ написана лишь половина, друга половина—амфибрахіемъ, дактилемъ и хореемъ (нѣтъ только излю бленнаго впослѣдствіи Некрасовымъ анапеста). Встрѣчаются уже столь характерныя для позднѣйшаго Некрасова трехсложныя рифмы

Мало на долю мою безталанную
Радости сладкой дано·
Холодомъ сердце, какъ въ бурю туманную,
Ночью и днемъ стѣснено.
Въ свѣтѣ какъ лишній, какъ чѣмъ опозоренный,
Вѣчно одинъ я грущу...

Довольно часты также рискованныя рифмы, которыми поэтъ впослѣдствіи не брезговалъ: «буду—минуту», «слѣпо—небо «брата—отрада» и т. п.

II.

Грустное дѣтство. Мать и отецъ. — Удаленіе изъ гимназіи.

Кто же былъ этотъ юноша-идеалистъ, потерпѣвшій такое жестокое крушеніе при первой же попыткѣ выйти въ треволненное литературное море?

Николай Алексѣевичъ Некрасовъ родился 22 ноября 1821 года въ какомъ-то захолустномъ мѣстечкѣ винницкаго уѣзда Подольской губерніи, гдѣ квартировалъ полкъ его отца, поручика Алексѣя Сергѣевича Некрасова, богатаго ярославскаго помѣщика. Этотъ внѣшне-блестящій и не лишенный природнаго ума офицеръ былъ, въ сущности, заурядным армейцемъ двадцатыхъ годовъ, выросшимъ въ мрачныхъ условіяхъ крѣпостного права,—«красивымъ дикаремъ», едва умѣвшимъ подписать свое имя и больше всего на свѣтѣ интересовавшимся картежной игрой, псовой охотой, женщинами и кутежами. Карты были, впрочемъ, родовой страстью Некрасовыхъ: по семейному преданію, прадѣдъ поэта (воевода) и дѣдъ (штыкъ-юнкеръ въ отставкѣ) проиграли въ карты нѣсколько тысячъ «душъ» крестьянъ; какъ извѣстно, не чуждъ былъ той же слабости и самъ поэтъ...

Въ 1817 году «красивымъ дикаремъ»-поручикомъ увлеклась, однако, красавица-полька Елена Андреевна Закревская, и, такъ какъ родители послѣдней, очевидно, неблагосклонно относились къ этому увлеченію,—состоялся тайный увозъ молодой дѣвушки и тайный же бракъ. Такова семейная легенда, извѣстная читающей Россіи по стихамъ нашего поэта... Легендѣ этой, какъ будто, нѣсколько противорѣчитъ ставшая теперь извѣстной выписка изъ метрической книги Успенской церкви, Винницкаго повѣта, о бракѣ «адъютанта-поручика 28 егерскаго полка, 3-й бригады, Алексѣя Сергѣева сына Некрасова греко-россійскаго исповѣданія съ дочерью титул. совѣтника Андрея Семенова Закревскаго Еленою, *того же исповѣданія, по учиненіи троекратнаго извѣщенія и по взятіи обыска*». На первый взглядъ, эта выписка категорически опровергаетъ и преданіе о тайномъ, торопливо совершенномъ обрядѣ вѣнчанія, и даже о польскомъ аристократическомъ происхожденіи матери Некрасова... Но мы не рѣшились бы на такой скороспѣлый выводъ: вѣдь въ православіе Елена Закревская могла перейти передъ самой свадьбой,—при желаніи священника, это могло быть дѣломъ одного дня... И, при такомъ же желаніи (а богатый офицеръ Некрасовъ безъ труда могъ его вызвать), въ

метрическую книгу могли быть записаны также совершенно фантастическія свѣдѣнія объ «учиненіи троекратнаго извѣщенія и о взятіи обыска»... Какъ бы то ни было,—пуская въ свѣтъ «легенду», поэтъ основывался не только на воспоминаніяхъ ранняго дѣтства, но и на знаменитомъ «письмѣ», содержаніе котораго онъ разсказываетъ въ одной изъ задушевнѣйшихъ своихъ поэмъ («Мать») и которое онъ, несомнѣнно, держалъ въ рукахъ, уже будучи юношей:

Я разобралъ хранимые отцомъ
Твоихъ работъ, твоихъ бумагъ остатки
И надъ однимъ задумался письмомъ.
Оно съ гербомъ, оно съ бордюромъ узкимъ;
Исписанъ листъ то *польскимъ*, то французскимъ,
Порывистымъ и страстнымъ языкомъ.

Бракъ родителей Некрасова, бракъ по страстной любви, оказался, къ сожалѣнію, несчастнымъ... Прекрасно воспитанная, рѣдко образованная по тому времени женщина, мать Некрасова была необычнымъ, рѣдкимъ явленіемъ въ мало-культурномъ русскомъ обществѣ, случайной, экзотической его гостьей; напротивъ, отецъ,—не представлявшій, правда, чего-либо исключительно-чудовищнаго на фонѣ мрачной эпохи 20—30-хъ годахъ—былъ самымъ типичнымъ тогдашнимъ помѣщикомъ, въ достаточной степени умѣвшимъ отравлять жизнь не только своимъ крѣпостнымъ, но и собственной семьѣ, хотя, надо сознаться, сынъ не пожалѣлъ темныхъ красокъ для его обрисовки: дикарь, угрюмый невѣжда, деспотъ и даже палачъ—такъ и мелькаютъ въ тѣхъ мѣстахъ стихотвореній и поэмъ Некрасова, которыя посвящены воспоминаніямъ объ отцѣ.

Послѣдній бросилъ военную службу, когда будущій поэтъ былъ еще очень малъ. Некрасовы переселились послѣ того въ родовое помѣстье Грешнево (Яросл. губ.), и здѣсь потекла та удушливая, мрачная жизнь, съ которою мы такъ хорошо знакомы по «Родинѣ», «Несчастнымъ», «Матери» и другимъ поэмамъ и мелкимъ стихотвореніямъ. Отецъ бражничалъ или пропадалъ цѣлыми днями на охотѣ, мать, оскорбленная и униженная въ лучшихъ своихъ чувствахъ, жила одинокой, замкнутой жизнью... Число дѣтей быстро росло (у Некрасова было 13 человѣкъ братьевъ и сестеръ), но вмѣстѣ съ тѣмъ отношенія родителей становились все холоднѣе и отчужденнѣе...

«Твой властелинъ»,—обращается поэтъ, уже умирая самъ, къ покойной матери:

. . . . наслѣдственные нравы
То покидалъ, то буйно проявлялъ;

Но если онъ въ безумныя забавы
Въ недобрый часъ дѣтей не посвящалъ.
Но если онъ разнузданный свободы
До роковой черты не доводилъ.—
На стражѣ ты надъ нимъ стояла годы.
Покуда мракъ въ душѣ его царилъ.

А въ «Несчастныхъ» находимъ и болѣе подробную картину семейной жизни (хотя въ общемъ герой поэмы и не можетъ быть отождествленъ съ авторомъ, но изображеніе его дѣтства и юности, несомнѣнно, автобіографично):

Рога трубятъ ретиво,
Пугая ранній сонъ дѣтей.
И воютъ псы нетерпѣливо...
До солнца сѣли на коней—
Ушли... Орды вооруженной
Не видитъ глазъ, не слышитъ слухъ.
И бѣдный домъ, какъ осажденный,
Свободно переводитъ духъ.

. . . . . .

Осаду не надолго сняли...
Вотъ вечеръ—снова рогъ трубитъ.
Примолкнувъ, дѣти побѣжали,
Но мать остаться имъ велитъ:
Ихъ взоръ унылъ, невнятенъ лепетъ...
Опять содомъ, тревога, трепетъ!
А ночью свѣчи зажжены,
Обычный пиръ кипитъ мятежно,
И блѣдный мальчикъ, у стѣны
Прижавшись, слушаетъ прилежно
И смотритъ жадно (узнаю
Привычку дѣтскую мою)...
Что слышитъ? Пѣсни удалыя
Подъ топотъ пляски удалой:
Глядитъ, какъ чаши круговыя
Пустѣютъ быстрой чередой:
Какъ на лету куски хватаютъ
И ротъ захлопываютъ псы...

. . . . . .

Смѣются гости надъ ребенкомъ,
И чей-то голосъ говоритъ:
«Не правда-ль, онъ всегда глядитъ
Какимъ-то травленымъ волченкомъ?
Поди сюда!» *Вздыхаетъ мать:*
Волченокъ смотритъ—и ни шагу.
«Упрямство надо наказать—
Поди сюда!»—Волченокъ тягу...
«А-ту его!» Тяжелый сонъ...

Николай Алексѣевичъ, первенецъ въ семьѣ, былъ, повидимо
много старше своихъ многочисленныхъ братьевъ и сестеръ, и о
нокое дѣтство его протекало въ невыносимо-душной нравствен
атмосферѣ. Чтобы получить объ ней понятіе, достаточно проче
«Родину» или другое стихотвореніе того же періода—«Въ не
домой глуши», которое авторъ, по не совсѣмъ понятнымъ для н
мотивамъ, не хотѣлъ признавать оригинальнымъ. Первоначал
стихотвореніе было озаглавлено: «Изъ Ларры», позже—«Подраж
Лермонтову», причемъ въ авторскомъ экземплярѣ сдѣлано б
такое примѣчаніе: «Сравни: Арбенинъ (въ драмѣ *Маскарадъ*).
желаю, чтобы эту поддѣлку раннихъ лѣтъ считали, какъ че
моей личности». И еще слѣдовало ироническое добавленіе: «Б
влюбленъ и козырнулъ». То есть: порисовался демоническимъ
щемъ сильнаго, много испытавшаго, во всемъ разочаровавша
человѣка...

Позволительно, однако, усомниться въ полной искренности э
примѣчанія.

Сходство стихотворенія съ монологами Арбенина очень сла
чисто-формальное; самый мотивъ разработанъ въ немъ съ так
пластически-реальными подробностями и въ такомъ оригинальн
освѣщеніи, что «подражаніемъ» назвать эти стихи невозмо
Несомнѣнно, что поэта смущали слѣдующія строки его пьесы:

Я въ мутный рынулся потокъ
И молодость мою *постыдно и безумно*
Въ развратъ безобразномъ сжегъ.

И дѣйствительно, по отношенію къ личной его біографіи
абсолютная неправда! Если и были въ молодости Некрасова
совсѣмъ безгрѣшныя увлеченія, то, конечно, въ ней было во сто
больше непосильно-тяжелаго труда, мученій бѣдности, благородн
юношескихъ стремленій... Начало стихотворенія даетъ за то вп
вѣрную картину растлѣвающаго вліянія на юную душу—отцовс
дома съ его рабовладѣльческими нравами и инстинктами:

Въ невѣдомой глуши, въ деревнѣ полудикой,
Я росъ средь буйныхъ дикарей.
И мнѣ дала судьба, по милости великой,
Въ руководители псарей.
Вокругъ меня кипѣлъ развратъ волною грязной.
Боролись страсти нищеты
(т. е. разоренныхъ и озлобленныхъ рабовъ-крестьянъ).
И на душу мою той жизни безобразной
Ложились грубыя черты.

И прежде, чѣмъ понять разсудкомъ неразвитымъ,
Ребенокъ, могъ я что-нибудь,
Проникъ уже порокъ дыханьемъ ядовитымъ
Въ мою младенческую грудь.

Вѣдь это почти то же, что разсказывается и въ знаменитой Родинѣ», гдѣ Некрасовъ, несомнѣнно уже, говоритъ о самомъ себѣ:

И вотъ они опять, знакомыя мѣста,
. . . . . .
Гдѣ было суждено мнѣ Божій свѣтъ увидѣть,
Гдѣ научился я терпѣть и ненавидѣть.
Но ненависть въ душѣ постыдно притая,
Гдѣ *иногда бывалъ помѣщикомъ и я*;
Гдѣ отъ души моей, *довременно-растлѣнной*,
Такъ рано отлетѣлъ покой благословенный,
И не ребяческихъ желаній и тревогъ
Огонь томительный до срока сердце жегъ...

Какія тяжелыя, поистинѣ кошмарныя воспоминанія вынесъ этъ изъ своего дѣтства, видно изъ заключительныхъ строкъ той е «Родины»:

И, *съ отвращеніемъ* кругомъ кидая взоръ,
Съ *отрадой* вижу я, что срубленъ темный боръ и т. д

Послѣ этого отнюдь не кажется преувеличеніемъ страдальческій рикъ:

Всему, что, жизнь мою опутавъ съ первыхъ лѣтъ,
Проклятьемъ на меня легло неотразимымъ,
Всему начало здѣсь, въ краю моемъ родимомъ!

По счастью, въ томъ же родномъ краю и въ томъ же раннемъ тствѣ Некрасова лежитъ начало и всему, что было благословеніемъ о жизни. Это—обоятельно-свѣтлый образъ рано умершей мученицы-матери, навсегда воплотившей для него идеалъ любви и гуманности! Безъ преувеличенія можно сказать, что болѣе трогательнаго, болѣе поэтическаго образа не знаетъ не только русская поэзія, , быть можетъ, и вся русская литература... Смягчая и просвѣтляя рачные звуки некрасовской лиры, образъ этотъ не разъ спасалъ и маго поэта отъ конечнаго паденія...

Повидайся со мною, родимая,
Появись легкой тѣнью на мигъ!
Всю ты жизнь прожила, нелюбимая,
Всю ты жизнь прожила для другихъ.
Съ головой, бурямъ жизни открытою,
Весь свой вѣкъ подъ грозою сердитою
Простояла ты. грудью своей
Защищая любимыхъ дѣтей.
. . . . . .

Треволненья мірского далекая,
Съ неземнымъ выраженьемъ въ очахъ,
Русокудрая, голубоокая,
Съ тихой грустью на блѣдныхъ устахъ.
Подъ грозой величаво-безгласная
Молода умерла ты, прекрасная,
И такой же явилась ты мнѣ
При волшебно-свѣтящей лунѣ.
Да! я вижу тебя, блѣднолицую,
И на судъ твой себя отдаю.
Не робѣть передъ правдой-царицею
Научила ты музу мою:
Мнѣ не страшны друзей сожалѣнія,
Не обидно враговъ торжество,
Изреки только слово прощенія
Ты, чистѣйшей любви божество!
. . . . . .
Увлекаемъ безславною битвою.
Сколько разъ я надъ бездной стоялъ,
Поднимался твоею молитвою,
Снова падалъ—и вовсе упалъ!..
Выводи на дорогу тернистую!
Разучился ходить я по ней,
Погрузился я въ тину нечистую
Мелкихъ помысловъ, мелкихъ страстей.
Отъ ликующихъ, праздно болтающихъ,
Обагряющихъ руки въ крови.
Уведи меня въ станъ погибающихъ
За великое дѣло любви!

Читатель, конечно, десятки разъ перечитывалъ эту безконеч трогательную молитву-жалобу—и, тѣмъ не менѣе, мы увѣре онъ не посѣтуетъ на насъ за длинную выписку...

«Если бы Некрасовъ ни одной строки больше не написалъ, кро этого изумительнаго стихотворенія,—говоритъ Н. К. Михайловс по поводу «Рыцаря на часъ»,—то оно одно уже обезпечивало бы е «вѣчную память»; едва ли кто-нибудь, по крайней мѣрѣ, въ мо дости, могъ читать его безъ предсказанныхъ поэтомъ «внезапно хл нувшихъ слезъ съ огорченнаго лица». Мнѣ вспоминается одн вечеръ или ночь зимой 1884 или 1885 года Я жилъ въ Люба ко мнѣ пріѣхали изъ Петербурга гости, большею частью уже не лодые люди, въ томъ числѣ Г. И. Успенскій. Поговорили о пет бургскихъ новостяхъ, о томъ, о семъ; потомъ кто-то предложи по очереди читать. Г. И. Успенскій выбралъ для себя «Рыцаря часъ». И вотъ: комната въ маленькомъ деревянномъ домѣ; на ули занесенной снѣгомъ, мертвая тишина и непроглядная тьма; въ к

тѣ, около стола, освѣщеннаго лампой, сидитъ нѣсколько человѣкъ, вторяю, большею частію немолодыхъ; Глѣбъ Ивановичъ читаетъ; всѣ слушаемъ съ напряженнымъ вниманіемъ, хотя наизусть знаемъ хотвореніе. Но вотъ, голосъ чтеца слабѣетъ, слабѣетъ и—обры-ется: слезы не дали кончить... Простите, читатель, это маленькое чное воспоминаніе. Но вѣдь оно, пожалуй, даже не личное. По ей Россіи вѣдь разсыпаны эти маленькіе деревянные домики на молвныхъ и темныхъ улицахъ; по всей Россіи есть эти комнаты, читаютъ (или читали?) «Рыцаря на часъ» и льются (или ли-ь?) эти слезы»...

Для насъ важно сейчасъ констатировать, что эта способность дить въ читателяхъ «благіе порывы», въ свою очередь, зало-на была въ душу Некрасова его матерью.—Полька по проис-жденію и воспитанію, противъ воли родителей вышедшая за рус-аго офицера, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ походной жизни она очути-сь въ чужой ей до тѣхъ поръ, грубой обстановкѣ захолустнаго мѣщичьяго дома, окруженная «роемъ подавленныхъ и трепет-хъ рабовъ», и здѣсь, одинокая, оскорбленная, увядала, какъ та зочная царевна, которую жестокій колдунъ держитъ и терзаетъ плѣну. Но въ сказкѣ,—съ горечью говоритъ Некрасовъ въ своихъ есчастныхъ»,—придетъ благородный витязь, убьетъ злого вол-бника и вмѣстѣ съ клочьями его негодной бороды броситъ къ самъ освобожденной красавицы свою руку и сердце; дѣйствитель-сть была ужаснѣе. Безъ конца и безъ надежды на освобожденіе, юбя, прощая, чуть дыша», «святая женская душа» цѣлыхъ адцать лѣтъ провела въ своей пустынѣ,—всю молодость, всю знь!

По счастью, мать Некрасова умѣла не только плакать и «легкой ньею» бродить по липовымъ аллеямъ грешневскаго сада; не умѣя роться активно, она въ высокой степени обладала способностью ьбы пассивной, она была «горда и *упорна*» (качество, всецѣло слѣдованное и ея сыномъ-первенцемъ). Она могла терпѣть, не-свой крестъ «въ молчаніи рабы», но жила и дѣйствовала все-и по своему, такъ, какъ подсказывало ей любящее сердце. Ея нъ и пѣвецъ разсказываетъ, что, осужденная сама на страданія, страданія же полюбила она и свою новую родину.

Несчастна ты, о, родина, я знаю,—

гаетъ онъ въ ея уста обращеніе къ Польшѣ начала тридцатыхъ овъ, эпохи перваго польскаго возстанія:

Весь край въ крови, весь заревомъ объятъ,
Но край, гдѣ я люблю и умираю.
Несчастнѣе, несчастнѣе стократъ!

И въ продолженіе двадцати долгихъ лѣтъ она была ангелом
хранителемъ не только для собственныхъ дѣтей, но и для крѣпо
ныхъ рабовъ. «Ты не могла голодному дать хлѣба, ты не мо
свободы дать рабу; но лишній разъ не сжало чувство страха
души, но лишній разъ изъ трепета и праха онъ поднялъ взоръ б
рѣе къ небесамъ». И не можетъ быть никакого сомнѣнія въ то
что сѣмена любви къ несчастному порабощенному народу посѣя
были въ душѣ нашего поэта именно рукою его страдалицы-мате
Рисуя впослѣдствіи (въ поэмѣ «Пиръ на весь міръ») симпатичн
образъ семинариста Гриши, Некрасовъ, быть можетъ, не объ одно
Добролюбовѣ вспоминалъ, когда говорилъ:

И скоро въ сердцѣ мальчика
Съ любовью *къ бѣдной матери*
Любовь ко всей вахлачинѣ
Слилась—и лѣтъ пятнадцати
Григорій твердо зналъ уже,
Что будетъ жить для счастія
Убогаго и темнаго
Родного уголка...

Если не жить для счастья убогаго и темнаго люда, то работ
для него, несомнѣнно, мечталъ и юноша-Некрасовъ. Гуманное в
ніе матери заключалось не въ одномъ лишь примѣрѣ, но и
непосредственномъ возлѣйствіи. Она была человѣкомъ образов
нымъ; на поляхъ оставшихся послѣ ея смерти польскихъ кн
привезенныхъ когда-то съ далекой родины, сынъ ея—поэтъ наш
впослѣдствіи рядъ замѣтокъ, обнаруживавшихъ пытливый ум
глубокій интересъ къ предмету чтенія. Уходя мыслью къ времен
ранняго дѣтства, онъ припоминаетъ, какъ въ зимнія сумерки
догорающаго камина, она держала его на колѣняхъ и ласковы
мелодическимъ голосомъ разсказывала, подъ завываніе вьюги, с
ки «о рыцаряхъ, монахахъ, королякъ».

Потомъ, когда читалъ я Данте и Шекспира,
Казалось, я встрѣчалъ знакомыя черты:
То образы изъ ихъ живого міра
Въ моемъ умѣ напечатлѣла ты.

Такимъ образомъ, и первая искра любви къ поэзіи была з
нена въ душу Некрасова тоже матерью; извѣстно. что семи л

гъ роду онъ уже писалъ стихи, и даже сохранилось его дѣтское
тверостишіе, обращенное къ матери:

Любезна маменька, примите
Сей слабый трудъ
И разсмотрите.
Годится ли куда нибудь.

Изъ всего этого видно, что чуткая, нервно-впечатлительная ду-
а будущаго поэта, на зарѣ сознательной жизни, находилась подъ
вумя рѣзко противоположными вліяніями: и, быть можетъ, эти-
вліянія и послужили фундаментомъ при созданіи загадочно-слож-
аго, полнаго такихъ удивительныхъ контрастовъ, характера поэта
его одновременно—реальной и идеалистической музы.

Мы проходимъ мимо гимназическаго періода жизни Некрасова,
акъ какъ въ литературѣ имѣются пока лишь глухія, отрывочныя
часто противорѣчивыя свѣдѣнія объ этихъ годахъ. Каковы были
го учителя, товарищи? Какой уровень знаній и нравственнаго
азвитія давала тогдашняя ярославская гимназія своимъ ученикамъ?
акъ жили, что дѣлали и читали эти послѣдніе внѣ стѣнъ учебна-
заведенія? Возстановить полную картину этихъ лѣтъ жизни Некра-
ова врядъ ли уже удастся. Одно не подлежитъ сомнѣнію, что пре-
ываніе въ гимназіи въ значительной степени сняло съ Некрасова
етупція путы отцовскаго деспотизма и рано развило въ его харак-
рѣ черту самостоятельности. Въ родительскую деревню онъ пріѣз-
алъ въ эти годы только на рождественскія, пасхальныя и лѣтнія
аникулы, все же остальное время жилъ съ младшимъ братомъ въ
ородѣ на частной квартирѣ, пользуясь почти безграничной свобо-
ой. Правда, къ нему съ братомъ приставленъ былъ крѣпостной
ядька, но надзоръ этотъ ограничивался лишь матеріальной сторо-
ой жизни молодыхъ барчуковъ, а никакъ не умственной или нрав-
твенной. Существуетъ указаніе (оппрающееся, кажется, на раз-
казъ сестры поэта), будто Некрасовъ-гимназистъ злоупотреблялъ
той свободой, участвуя въ товарищескихъ пирушкахъ и другихъ
ездоровыхъ развлеченіяхъ, учась плохо и къ гимназическому
ачальству относясь непочтительно (между прочимъ, онъ писалъ
атирическіе стихи на учителей,—обстоятельство, повліявшее, буд-
о бы, и на невольное удаленіе его изъ четвертаго или пятаго
ласса)...

Семейное преданіе это не слѣдуетъ, однако, принимать съ абсо-
ютнымъ довѣріемъ. Извѣстно, вѣдь, какъ относится обыкновенно
емья къ исключенному изъ училища юношѣ: обвиняютъ во

всемъ его одного, охотно преувеличиваютъ и раздуваютъ до гра діозныхъ размѣровъ его шалости, его распущенность... Что послѣ няя не доходила у Некрасова до чего-нибудь отталкивающаго, безо разнаго, порукой служатъ намъ тѣ же «Мечты и Звуки», составл шіеся, главнымъ образомъ, изъ стихотвореній, писанныхъ въ ги назическіе годы и, однако, проникнутыхъ свѣтлымъ идеализмо и глубокимъ религіознымъ чувствомъ. Не такова была натура Не расова, чтобы систематически предаваться лѣни, шалопайству тѣмъ болѣе, распутству. Шестнадцатилѣтнимъ юношей очутил онъ на еще большей свободѣ, въ Петербургѣ, совсѣмъ уже вдал отъ родительскаго глаза,—и это ничуть не помѣшало ему (да если и бывали временами увлеченія и ошибки) упорно трудиться идти по разъ намѣченному пути. Природная искра Божія и идеал стическое вліяніе матери, очевидно, были крѣпкимъ щитомъ пр тивъ всѣхъ недобрыхъ и темныхъ силъ жизни.

III.

Тяжелая рабочая юность. Неумирающій идеалъ.—Смерть матери.

За тяжелой порою дѣтства и отрочества, омраченной ранним знакомствомъ со всей грязью и ужасомъ крѣпостного строя русско жизни, послѣдовала еще болѣе безрадостная и мрачная юност Вскорѣ она затмила собою самыя ужасныя воспоминанія ранних лѣтъ, и, какъ это часто случается, юношѣ начало даже казаться что позади остались одни лишь «ручейки, долины, холмики, лѣс и все, чѣмъ *въ долѣ беззаботной въ деревнѣ счастливъ зем ледѣлъ*, чему-бъ теперь опять охотно душой предаться я хотѣлъ («Мечты и звуки»).

Я былъ несчастнѣй,—

сравниваетъ онъ дальше свою долю съ долей земляка-товарищ тоже попавшаго въ Петербургъ:

Я пилъ дольше
Очарованье бытія,
За то потомъ и плакалъ больше,
И громче жаловался я.

Какъ извѣстно, благодаря ссорѣ съ отцомъ, — сынъ богатаг сравнительно помѣщика, Некрасовъ очутился одинъ-одинешенек

а улицахъ огромнаго города, въ положеніи почти нищаго; но на сихологическую сторону этого превращенія какъ-то мало обращаось до сихъ поръ вниманія. По исключеніи изъ гимназіи, поэту розила серьезная опасность пойти по слѣдамъ предковъ, въ раннія оды поступавшихъ въ военную службу и тамъ, въ душной атмосферѣ казармы, доканчивавшихъ свое воспитаніе или, лучше сказать, азвращеніе, начатое въ рабовладѣльческой усадьбѣ. Военщина влялась въ тѣ времена не только послѣднимъ прибѣжищемъ для сѣхъ недорослей изъ дворянъ, неудачниковъ на другихъ путяхъ изни, но и окружена была въ глазахъ обывателя извѣстнымъ ореомъ, какъ одна изъ наиболѣе завидныхъ жизненныхъ карьеръ. такой карьерѣ для сына мечталъ отецъ; толкали юношу на проренный путь и матеріальныя затрудненія родителей; семья ихъ е росла, а денежныя средства, благодаря широкимъ привычкамъ авы дома, все таяли (одно время Некрасова-отца соблазнила даже лжность исправника): на продолжительную и значительную ддержку изъ дому юноша разсчитывать, поэтому, не могъ. И тъ, лѣтомъ 1838 года *) его отправили съ рекомендательнымъ исьмомъ къ жандармскому генералу Полозову въ Петербургъ, я поступленія на казенный счетъ въ одинъ изъ кадетскихъ корсовъ.

Въ Петербургъ Некрасовъ явился, письмо Полозову передалъ, —вмѣсто корпуса—сталъ готовиться къ экзаменамъ въ университетъ и, какъ бы бросая вызовъ ненавистному прошлому, въ сенбрьской книжкѣ «Сына Отечества» напечаталъ первое свое стиотвореніе «Мысль»:

Спитъ дряхлый міръ, спитъ старецъ обветшалый!...

Біографы поэта утверждаютъ, что все это вышло случайно: красовъ познакомился, молъ, съ студентомъ Глушицкимъ, и тотъ съ «увлекъ его разсказами о преимуществахъ университетскаго разованія», что мысль о корпусѣ была брошена. Въ дѣйствительсти, врядъ ли произошло это такъ ужъ случайно: вѣдь не Глушицкій же заставилъ Некрасова, почти на другой день по пріѣздѣ Петербургъ, понести свои стихи въ журналъ Полевого. Очено, и самъ поэтъ, не хуже другихъ, понималъ всѣ преимущества

*) Самъ Некрасовъ называлъ 1837 г., годъ смерти Пушкина, но точное ваніе сестры его (20 іюня 1838 г.), повидимому, болѣе соотвѣтствуетъ дѣйтельности.

интеллектуальной карьеры передъ фронтовой шагистикой. Знаком
ство съ студенческимъ кружкомъ сыграло, по всей вѣроятност
въ его рѣшеніи лишь роль послѣдней капли, переполнившей чаш

Съ легкой или, вѣрнѣе, тяжелой руки Достоевскаго, утверя
дается нерѣдко, что «аннибаловой клятвой» Некрасова, данной им
себѣ въ юности, была клятва «не умереть на чердакѣ». Самъ Д
стоевскій высказываетъ эту странную мысль въ довольно грубой
ядовитой формѣ: «Милліонъ—вотъ демонъ Некрасова... демонъ, к
торый осилилъ, и человѣкъ остался на мѣстѣ и никуда не пошелъ (?
Этотъ демонъ присосался еще къ сердцу ребенка, ребенка пятна
цати лѣтъ, очутившагося на Петербургской мостовой, почти бѣ
жавшаго отъ отца... Тогда-то и начались, быть можетъ, мечтан
Некрасова, можетъ быть, и сложились тогда же на улицѣ стих
въ карманъ моемъ—милліонъ! (Изъ поэмы «Секретъ»)»!

Никто другой изъ русскихъ писателей не страдалъ столько от
клеветы и сплетней мракобѣсовъ и личныхъ недруговъ, какъ Н
красовъ. Это былъ, можно сказать, какой-то организованный походъ.
И думается, — при всѣхъ недостаткахъ характера и ошибках
жизни нашего поэта—главное основаніе, главную пищу этим
сплетнямъ дали его многочисленныя публичныя самообвиненія, е
горячія покаянныя пѣсни, плодъ высоко-развитой, исключительн
чуткой совѣсти... Теперь, когда факты жизни Некрасова,—его з
слуги и его «вины», болѣе или менѣе общеизвѣстны, мы, конечн
вправѣ назвать грубые намеки Достоевскаго, по меньшей мѣр
необдуманными. Конечно, никакого права не имѣлъ онъ отожд
ствить уродливаго героя Некрасовской сатиры («И вотъ тебѣ, *ко
шунъ*, награда за жизнь *воровскую* твою!») съ самимъ ся авторо
Не имѣлъ онъ права утверждать и вообще, что жажда матеріал
наго самообезпеченія («демонъ *милліона*!») была, будто бы,
юныхъ лѣтъ главнымъ двигательнымъ нервомъ духовной дѣятел
ности Некрасова... Не говоря уже о томъ, что никакого «милліона»,
какъ мы теперь знаемъ,—Некрасовъ къ концу жизни не стяжал
утвержденіе это во всѣхъ отношеніяхъ абсурдно—оно разлетает
въ прахъ при первомъ прикосновеніи критики. Какъ, въ само
дѣлѣ, странно поведеніе Некрасовскаго «демона»!

Придается огромное значеніе «аннибаловой клятвѣ» Тургене
выразившаго свой протестъ противъ крѣпостного права въ сво
ственной ему формѣ мягкихъ художественныхъ образовъ, котор
такъ восхищаютъ насъ въ «Запискахъ Охотника»; но развѣ
можно сравнивать этотъ «прекраснодушный», въ сущности, п

тестъ съ дѣйствительно пламеннымъ протестомъ Некрасова, всю жизнь буквально горѣвшаго «святымъ безпокойствомъ» за судьбы народа? Здѣсь передъ нами всеобъемлющая страсть, о которой поэтъ имѣлъ бы полное право сказать словами лермонтовскаго героя:

Я зналъ одной лишь думы власть,
Одну, но пламенную страсть:
Она, какъ червь, во мнѣ жила,
Изгрызла душу и сожгла!
Я эту страсть во тьмѣ ночной
Вскормилъ слезами и тоской.

Эта страсть проникла въ душу Некрасова еще въ раннемъ отрочествѣ, на волжскомъ берегу, при видѣ шедшихъ бичевою и пѣвшихъ заунывныя пѣсни бурлаковъ.

О, горько, горько я рыдалъ,
Когда въ то утро я стоялъ
На берегу родной рѣки,
И въ первый разъ ее назвалъ
Рѣкою рабства и тоски!
Что я въ ту пору замышлялъ.
Созвавъ товарищей-дѣтей,
Какія клятвы я давалъ—
Пускай умретъ въ душѣ моей.
Чтобъ кто-нибудь не осмѣялъ! *)

Цѣлыхъ восемь лѣтъ (1838 — 1846) человѣкъ подвергается опасности зачахнуть отъ непосильной и неблагодарной работы, даже буквально умереть съ голоду, а между тѣмъ—стоило ему вернуться на лоно благонамѣренности и, помирившись съ отцомъ, поступить въ корпусъ, и онъ снова былъ бы сытъ, обезпеченъ, и будущее улыбалось бы ему въ видѣ, можетъ быть, блестящей военной карьеры. «Онъ былъ бы, если бы захотѣлъ. — говоритъ Н. К. Михайловскій, — блестящимъ генераломъ, выдающимся ученымъ, богатѣйшимъ купцомъ. Это мое личное мнѣніе, которое, я думаю, впрочемъ, не удивитъ никого изъ знавшихъ Некрасова». Однако, мы знаемъ, что за всѣ годы своей тяжелой юности онъ ни разу не подумалъ ни объ одной изъ подобныхъ возможностей «самообезпе-

*) Несмотря на подзаголовокъ «Дѣтство Валежникова», сразу видно, что въ поэмѣ «На Волгѣ» Некрасовъ рисуетъ собственное дѣтство. По первоначальному плану, стихотвореніе это составляло часть большой поэмы «Рыцарь на часъ», и пьеса, теперь извѣстная подъ этимъ заглавіемъ, называлась въ прежнихъ изданіяхъ: «Изъ поэмы *Рыцарь на часъ*, гл. VI: Валежниковъ въ деревнѣ».

ченія»... Рисуя впослѣдствіи въ «Несчастныхъ» душевное состояні юноши, заброшеннаго въ столичный омутъ, поэтъ писалъ:

Счастливъ, кому мила дорога
Стяжанья, кто ей вѣренъ былъ
И въ жизни ни однажды Бога
Въ пустой груди не ощутилъ
Но если *той тревоги смутной*
Не чуждо сердце—пропадешь!
Въ глухую полночь, безпріютный
По стогнамъ города пойдешь.

Такъ именно и было съ Некрасовымъ. Не «дорога стяжанья» плѣняла его; душой его владѣла иная властная сила, иная «смутная тревога», — страстная любовь къ родинѣ и народу, которая могла вылиться въ единственно возможную въ тѣ времена форму служенія родной литературѣ,—и, несмотря на всѣ частныя ошибки и, быть можетъ, даже паденія, сила эта всегда брала въ его душѣ верхъ. Ниже мы помѣщаемъ записку Г. З. Елисеева, чрезвычайно интересно и оригинально освѣщающую эту сторону личности Некрасова; пока же ограничимся сказаннымъ и вернемся къ юнымъ годамъ поэта, къ тѣмъ обстоятельствамъ, при которыхъ окончательно сформировались его личность и поэзія.

Первые годы пребыванія Некрасова въ Петербургѣ совпали с однимъ изъ самыхъ печальныхъ и мрачныхъ періодовъ русской журналистики вообще, и петербургской въ особенности. Впослѣдствіи самъ Некрасовъ такъ охарактеризовалъ этотъ періодъ.

Въ то время пусто и мертво
Въ литературѣ нашей было.
Скончался Пушкинъ—безъ него
Любовь къ ней публики остыла.
Ничья могучая рука
Ее не направляла къ цѣли:
Лишь два задорныхъ поляка
На первомъ планѣ въ ней шумѣли...

И въ самомъ дѣлѣ, со смертью Пушкина литературный діапазонъ сразу рѣзко понизился... Лучшіе элементы пріуныли и пали духомъ, худшіе — подняли голову и обнаглѣли... Что касается общества, то оно еще помнило, какъ разсказываетъ Тургеневъ в «Лит. и жит. воспоминаніяхъ», «ударъ, обрушившійся на самых видныхъ его представителей лѣтъ двѣнадцать передъ тѣмъ; и из всего того, что проснулось въ немъ впослѣдствіи, особенно посл 55 г., ничего даже не шевелилось, а только бродило — глубоко, н

смутно—въ нѣкоторыхъ молодыхъ умахъ. Литературы, въ смыслѣ живого проявленія одной изъ общественныхъ силъ, находящагося въ связи съ другими, столь же и болѣе важными проявленіями ихъ—не было, какъ не было прессы, какъ не было гласности, какъ не было личной свободы; а была словесность—и были такіе словесныхъ дѣлъ мастера, какихъ мы уже потомъ не видали».

Дѣйствительно, не только въ талантливыхъ, но даже и въ геніальныхъ представителяхъ литературы въ концѣ 30-хъ годовъ не было недостатка: загоралась яркая звѣзда Лермонтова; къ голосу Бѣлинскаго уже прислушивалась вся юная Россія; Гоголь былъ признаннымъ главою «натуральной школы»; живъ еще былъ и Жуковскій... Но Бѣлинскій лишь въ самомъ концѣ 39 г. переѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ, и въ письмахъ отсюда къ московскимъ пріятелямъ долгое время жаловался на полное одиночество. Жуковскій жилъ при дворѣ и отъ журнальнаго міра всегда стоялъ въ сторонѣ. Лермонтовъ,—когда не находился въ ссылкѣ,—вращался также въ высшемъ обществѣ и къ литературѣ относился съ показнымъ пренебреженіемъ. Наконецъ, Гоголь, въ которомъ въ это время начинался уже печальный внутренній переломъ въ сторону піэтизма, жилъ большею частью въ Римѣ и лишь рѣдкими наѣздами бывалъ въ Москвѣ и Петербургѣ.

Во времена Пушкина—кромѣ него самого, издававшаго «Современникъ», — во главѣ журналистики стоялъ такой даровитый и смѣлый боецъ за правду, какъ Полевой, но къ концу 30-хъ годовъ отъ этого смѣлаго бойца уже оставалась одна жалкая тѣнь. Жизнь заставила его пойти на компромиссы, и, сильно подавшись вправо, сдѣлавшись поставщикомъ псевдо-патріотическихъ драмъ и фактическимъ редакторомъ грече-булгаринскаго «Сына Отечества», онъ низко подошелъ къ направленію «Сѣверной Пчелы». Духъ «двухъ жалкихъ поляковъ», т. е. Булгарина и Сеньковскаго, занялъ вообще въ эти годы непропорціонально-большое мѣсто въ петербургской журналистикѣ. Несомнѣнно, Сеньковскій былъ чище Булгарина, даровитѣе и умнѣе, но умъ его, по остроумному выраженію баснописца Крылова, былъ «какой-то дурацкій», свободный отъ всякихъ принциповъ. Его, гремѣвшая въ 30-хъ годахъ и имѣвшая до 7000 подписчиковъ, «Библіотека для чтенія» сѣяла въ умахъ читателей легкомысленное, «веселое» отношеніе рѣшительно ко всѣмъ явленіямъ литературы и жизни... Въ этомъ смыслѣ рука объ руку съ «Библ. для Ч.» шли довольно многочисленные въ эти годы альманахи, сборники и другіе полу-лубочныя изданія, едини-

ственною причиною возникновенія которыхъ былъ разсчетъ изд
телей-барышниковъ на пробуждавшуюся въ русской публикѣ охо
къ чтенію. Пушкинскій «Современникъ» въ рукахъ корректна
но скучноватаго профессора эстетики Плетнева влачилъ жалк
существованіе; «Отеч. же Записки», послѣ продолжительнаго пер
рыва возобновленныя въ январѣ 1839 г., лишь съ конца это
года, съ переѣздомъ Бѣлинскаго въ Петербургъ, когда и всѣ е
московскіе пріятели (Боткинъ, Грановскій, Кудрявцевъ, Герцен
перекочевали въ этотъ журналъ, стали пріобрѣтать постепен
значеніе боевого либеральнаго органа.

Въ такое-то время явился въ Петербургъ Некрасовъ, полны
радужныхъ юношескихъ мечтаній и горячей вѣры въ литературу
какъ въ единственно-возможную въ то время форму разумной
свободной дѣятельности. Неопытный новичокъ-провинціалъ, ма
развитой въ литературномъ смыслѣ юноша, онъ не умѣлъ е
разбираться въ тогдашнихъ литературныхъ партіяхъ и направ
ніяхъ, и, по всей вѣроятности, какой-нибудь Гречъ или Сеньк
скій ничѣмъ ровно не отличался въ его глазахъ отъ Полевого и
Краевскаго. По крайней мѣрѣ, стихи Некрасова начали появлять
безразлично въ «Литерат. Газетѣ», «Библіотекѣ для Чт.» «Сы
Отечества», «Прибав. къ Инвалиду» и пр.; только собствен
природное чутье привело его, въ концѣ концовъ, въ кружокъ Б
линскаго. Но случилось это, къ сожалѣнію, не такъ скоро...

«За славой я въ столицу торопился»,—вспоминалъ позже поэ
И дѣйствительно, едва успѣвъ напечатать въ журналахъ десято
другой дѣтскихъ стихотвореній, едва успѣвъ ознакомиться съ дев
выми лаврами и дорогими терніями литературной дороги (въ вп
холода, голода и одиночества въ большомъ городѣ), ровно годъ спу
по прибытіи въ Петербургъ, онъ уже сдалъ, какъ мы видѣли, въ це
зуру книжечку своихъ стихотвореній. Въ біографіяхъ Некрасова со
щается обыкновенно, что къ этому времени нужда уже настоль
выпустила его изъ когтей, что онъ сумѣлъ даже сдѣлать кой-ка
сбереженія для выпуска въ свѣтъ книги. Но это, конечно, не
разумѣніе. Деньги на изданіе собраны были Бенецкимъ по подпис
и настоящая нужда Некрасова съ осени 39 г., т. е. съ поступле
его въ вольнослушатели университета и окончательнаго разры
съ отцомъ, еще только начиналась: съ этого именно времени,
теченіе двухъ-трехъ лѣтъ, у него шла непрерывная борьба за су
ствованіе въ буквальномъ смыслѣ слова,—съ ночевками въ ночле
ныхъ пріютахъ, жизнью въ сырыхъ углахъ и подвалахъ, корпѣ

мъ за черной литературной работой, едва спасавшей поэта отъ олодной смерти *).

О неудачномъ литературномъ дебютѣ Некрасова мы уже гово-или **). Собственныхъ признаній поэта насчетъ впечатлѣнія, какое роизвело на него это событіе, у насъ, къ сожалѣнію, нѣтъ. Все оворитъ, однако, за то, что здоровое критическое чутье Некрасова, ила его большого природнаго ума подсказали ему, что если приго-оръ Бѣлинскаго и былъ нѣсколько рѣзокъ по формѣ, то по существу ключалъ въ себѣ много правды: на почвѣ абстрактныхъ лириче-кихъ изліяній Некрасовъ не могъ бы пойти далеко. Несравненные удожники слова—Пушкинъ и Лермонтовъ умѣли, конечно, превра-ать въ настоящіе брилліанты поэзіи все, къ чему ни прикасались. акъ, Лермонтовъ, уже въ очень ранніе годы, несмотря на поверхно-ное знакомство съ жизнью, на основаніи лишь «внутреннихъ ви-ѣній своего духа» (выраженіе Бѣлинскаго) могъ создавать вещи ородѣ «Ангела» или «Паруса», не уступающіе позднѣйшимъ его ше-едврамъ. Но это—завидное право генія, являющагося, можетъ быть, азъ въ столѣтіе... На свое счастье, Некрасовъ рано понялъ это; нъ принялъ свою неудачу, какъ вполнѣ заслуженную, и съ чисто-ношескимъ ригоризмомъ рѣшилъ, что онъ совсѣмъ не поэтъ. По райней мѣрѣ, мы знаемъ, что послѣ плачевнаго опыта съ «Мечтами Звуками» онъ надолго оставилъ лирику, а къ самой этой книжкѣ гнесся съ безпощадной свирѣпостью; всѣ уцѣлѣвшіе отъ продажи кземпляры (а они составляли, вѣроятно, значительнѣйшую часть зданія) немедленно уничтожилъ; во всѣ позднѣйшія изданія сво-хъ стихотвореній никогда не включалъ изъ «Мечтаній и Звуковъ» ни одной пьесы и до конца жизни не любилъ даже вспоминать о нихъ. Наконецъ, ни малѣйшаго непріязненнаго чувства не сохра-илъ онъ и къ своему неумолимо-строгому судьѣ Бѣлинскому, къ оторому, наоборотъ, съ перваго же дня личнаго знакомства сталъ

*) Въ воспоминаніяхъ Бѣлоголоваго о гр. Лорисъ-Меликовѣ, который въ ности (именно въ началѣ 40-хъ годовъ) жилъ одно время съ Некрасовымъ, водится любопытное показаніе гр. Лориса о томъ, что мать поэта изрѣдка, йкомъ отъ мужа, присылала сыну небольшія суммы денегъ.

**) До чего мало знакомы у насъ съ біографіей Некрасова, показываетъ дующая цитата изъ одной недавней юбилейной статьи: «Мечты и Звуки— къ назывался первый сборникъ, доставившій Некрасову нѣкоторую *извѣстность порядочную* матеріальную выгоду. Но уже *раньше того* (?!) онъ писалъ въ мыхъ разнообразныхъ жанрахъ, стихами и прозою, *начиная съ водевилей* заканчивая критическими разборами ученыхъ книгъ» («Научное Обозр.», 903, янв.).

относиться съ благоговѣніемъ самаго преданнаго и вѣрнаго ученн
(и благоговѣніе это донесъ до могилы). Можно думать, что, вращая
въ студенческихъ кружкахъ Петербурга, Некрасовъ уже и въ м
ментъ выпуска своей злополучной книги хорошо зналъ имя Бѣли
скаго и высоко его цѣнилъ,—оттого-то и принялъ онъ такъ къ серд
приговоръ великаго критика.

Чего, однако, стоило этому гордому, замкнутому, «съ сама
начала жизни раненому» сердцу подобное безмолвное и, повидимом
спокойное отреченіе отъ завѣтной юношеской мечты? Объ этом
повторяемъ, свѣдѣній мы не имѣемъ, хотя и не трудно представи
себѣ внутреннюю бурю, пережитую поэтомъ. Инстинктъ тянулъ
литературѣ и поэзіи, продолжая, быть можетъ, подсказывать: «здѣ
твое призваніе, законное мѣсто!» А разсудокъ и опытъ жизни к
ворили другое: «Стой! ты—не поэтъ, а всего только мечтатели
Войти въ этотъ храмъ ты недостоинъ».

Это была, разумѣется, тяжелая внутренняя драма; въ тече
нѣсколькихъ лѣтъ рефлексія одерживала верхъ надъ инстинктом
и Некрасовъ шелъ по дорогѣ литературнаго чернорабочаго. Н
съ другой стороны, именно въ томъ обстоятельствѣ, что онъ
бросилъ все-таки литературы, сказалась могучая сила инстинк
настоящаго таланта. Въ лицѣ Некрасова мы имѣемъ яркій примѣ
того, что значитъ крупное литературное дарованіе: точно стихійн
сила, рано или поздно оно неудержимымъ потокомъ прорвется н
ружу, несмотря ни на какія искусственныя преграды и плотин
Несмотря на всю тяжесть нужды, Некрасовъ никуда не пошелъ о
литературы. Не удалось въ качествѣ признаннаго жреца войти
храмъ,—онъ остался у воротъ храма, въ качествѣ простого подм
тальщика сора, рецензента, куплетиста, фельетониста, лишь бы бы
возлѣ литературы! Даже умирая съ голоду, не покидалъ онъ свое
поста, пока, наконецъ, терпѣніе, упорный трудъ, горячая любо
случай (въ видѣ знакомства съ Бѣлинскимъ), а главное—разве
нувшійся постепенно талантъ не вывели на широкую дорогу славы

Въ біографіяхъ Некрасова этотъ періодъ его жизни (1840—18
г. г.) признается однимъ изъ самыхъ темныхъ. Извѣстны, прав
отрывочные разсказы самого поэта о нѣкоторыхъ исключительны
моментахъ его тогдашняго житья-бытья, о томъ, напр., какъ, го
дая и не имѣя ни гроша въ карманѣ, заходилъ онъ въ одинъ рес
ранъ на Морской, гдѣ дозволяли читать газеты и тѣмъ, кто нич
себѣ не заказывалъ: Некрасовъ бралъ для вида газету, а въ то
время придвигалъ незамѣтно тарелку съ хлѣбомъ и насыщался

другой разъ онъ заболѣлъ отъ продолжительной голодовки и
ого задолжалъ квартирному хозяину-солдату. Вернувшись однаж-
поздно вечеромъ отъ товарища совсѣмъ больнымъ, онъ не былъ
щенъ хозяиномъ въ свою каморку. Между тѣмъ, на дворѣ стояла
одная ноябрьская ночь... Будущему знаменитому писателю при-
ось бы замерзнуть подъ заборомъ, если бы надъ нимъ не сжа-
ися проходившій мимо нищій, который отвелъ его въ какую-то
лежку на окраинѣ города. Тамъ же Некрасовъ отыскалъ себѣ и
аботокъ, за 15 копеекъ написавъ кому-то изъ товарищей по
ключеніямъ прошеніе... Въ дополненіе къ этимъ отрывочнымъ
сказамъ-воспоминаніямъ, мы имѣемъ краткое глухое признаніе
та, что онъ попалъ въ эту пору въ такой литературный кружокъ,
которомъ «скорѣе можно было отупѣть, чѣмъ развиться»... Съ
гой стороны, если перебрать все написанное Некрасовымъ за эти
– 5 лѣтъ (за всю жизнь онъ написалъ, по собственному признанію,
300 печ. листовъ *прозы*, и, конечно, значительная доля ихъ па-
гъ на юношескіе годы), то станетъ вполнѣ ясно, что бѣдному
ошъ было въ это время не до «жизни» въ настоящемъ смыслѣ
го слова! Нужно отъ души пожелать, чтобы нашелся, наконецъ, до-
совѣстный изслѣдователь, который взялъ бы на себя трудъ внима-
ьно перечесть всю груду юношескихъ писаній Некрасова и про-
дить, насколько они вызваны были заботой о насущномъ кускѣ
ба, и насколько отразилась въ нихъ внутренняя жизнь поэта.
мѣ многочисленныхъ пародій и юмористическихъ куплетовъ
ь которыхъ въ общеизвѣстное собраніе стихотвореній вошелъ
ько «Говорунъ»), Некрасовымъ между 1840—1843 гг. напи-
ы слѣдующіе разсказы и повѣсти *): «Макаръ Осиповичъ Слу-
ный», «Безъ вѣсти пропавшій пінта», «Утро въ редакціи»,
ьвица», «Въ Сардиніи» «Двадцать пять рублей», «Ростовщикъ»,
питанъ Кукъ», «Необыкновенный завтракъ», «Помѣщикъ 23
ъ», «Карета, предсмертныя записки дурака», «Жизнь Алек-
дры Ивановны», «Опытная женщина», «Жизнь и люди (филосо-
ская сказка)»; затѣмъ слѣдовали водевили и драмы подъ псе-
нимомъ Перепельскаго: «Актеръ», «Шила въ мѣшкѣ не ута-
ь», «Феоктистъ Онуфріевичъ Бобъ», «Мужъ не въ своей тарелкѣ»,
душкины попуги», «Вотъ что значитъ влюбиться въ актрису»,

*) Свѣдѣнія эти взяты изъ статьи г. В. Горленко «Литературные дебюты
расова» («От. Зап.» 1878 г., дек.), дающей, къ сожалѣнію, лишь очень
кій и далеко не полный перечень и характеристику прозаическихъ опытовъ
расова.

«Материнское Благословеніе», «Похожденія Петра Столбикова» вся эта беллетристическая производительность должна, каже померкнуть передъ массой написанныхъ Некрасовымъ театральн и литературныхъ рецензій. О количествѣ ихъ можно судить по му обстоятельству, что за *одинъ* 1841 годъ и въ *одной* то «Литерат. Газетѣ» г. Горленко насчиталъ ихъ больше тридцат между тѣмъ, Некрасовъ писалъ рецензіи постоянно, изъ года въ г помѣщая ихъ почти во всѣхъ литературныхъ журналахъ 4(годовъ, въ «Русскомъ Инвалидѣ», «Прибавленіяхъ къ Инвали «Библіотекѣ для чтенія», «Отеч. Запискахъ», «Пантеонѣ» и д «Финскомъ Вѣстникѣ»!

Много работалъ также Некрасовъ въ качествѣ фельетонис Но всего этого мало: нужда привела его и къ лубочнымъ изд лямъ (Иванову и Полякову), для которыхъ онъ сочинялъ нѣско азбукъ и сказокъ. Въ числѣ послѣднихъ извѣстна большая «рус народная сказка въ стихахъ» (больше 2000 стиховъ) «Баба- костяная нога». Состояла она изъ восьми главъ: въ первыхъ дв авторъ пытается подражать манерѣ «Руслана и Людмилы», остальныхъ—народнымъ сказкамъ Пушкина.

Дѣйствительной народности въ этой «народной» сказкѣ, та какъ и поэзіи—ни капли; содержаніе вполнѣ нелѣпое, форма—п митивная *). Невольно приходитъ въ голову, что «Баба-Яга» пис Некрасовымъ не въ Петербургѣ, въ 1841 г., а еще въ Ярослав двумя-тремя годами раньше, теперь же, въ минуту жизни трудн лишь слегка, быть можетъ, подправлена и пущена на книжную т кучку...

Подъ гнетомъ этого безпросвѣтнаго чернаго труда проход годы, лучшіе годы молодости...

Кажется, лѣтомъ 1842 года въ жизни Некрасова случи

*) Вотъ небольшой образчикъ. Баба-Яга пытается соблазнить героя Булат

Да и чмокъ его тутъ въ губы...
Чуть Булатъ съ досады зубы
Тутъ колдуньѣ не разбилъ:
«Чтобы чортъ тебя любилъ!—
Закричалъ онъ,—я не стану...
Я люблю одну Любану.»
Ха-ха-ха! Да хи-хи-хи!
И пустилась во смѣхи:
«Полно, миленькій дружочекъ,
Мой прекрасный жизненочекъ,
Чѣмъ же я тебѣ худа?
Гдѣ же лучше красота?
Ротъ немножко широконекъ,
Носъ изрядно великонекъ.
На макушкѣ есть рога,
Слонно кость одна нога,
Да немножко ухо длинно,
Но за то вѣдь я невинна!
Вотъ что главное, дружокъ...»
И опять Булата чмокъ!
Чуть не выль Булатъ со злос

аменательное событіе—примиреніе съ отцомъ и поѣздка въ родe Грешнево. За время четырехлѣтняго отсутствія поэта тамъ онизошло много печальнаго. Умерла, прежде всего, любимая сестра , трагическую судьбу которой рисуютъ слѣдующія строки изъ одины»:

И ты, дѣлившая съ страдалицей безгласной
И горе, и позоръ судьбы ея ужасной,
Тебя ужъ также нѣтъ, сестра души моей!
Изъ дома крѣпостныхъ любовницъ и царей
Гонимая стыдомъ, ты жребій свой вручила
Тому, котораго не знала, не любила...
Но, матери своей печальную судьбу
На свѣтѣ повторивъ, лежала ты въ гробу
Съ такой холодною и строгою улыбкой,
Что дрогнулъ самъ палачъ, заплакавшій ошибкой.

Другихъ подробностей тяжелой драмы не сохранилось, но легко дставить себѣ, что переживала несчастная мать, сама давно уже равшая и таявшая, какъ свѣча. Повидимому, незадолго до ея ерти въ домѣ произошла какая-то дикая исторія, быть можетъ, а изъ многихъ, какія бывали между бѣдной страдалицей и ея стелиномъ; на это есть намекъ въ «Рыцарѣ на часъ»: «И гроза ъ тобой разразилася, *ты, не дрогнувъ, ударъ приняла*!...» Самъ лачъ» не выдержалъ своей роли и, въ позднемъ раскаяніи, упалъ ногамъ замученной имъ женщины: «Ты побѣдила! У ногъ твоихъ ей твоихъ отецъ...»

Некрасова вызвали изъ Петербурга; но, по всей вѣроятности, ьмо отца написано было въ успокоительномъ тонѣ, позволявмъ думать, что непосредственно близкой опасности больной не зитъ: по крайней мѣрѣ, поэтъ не торопился выѣхать,—и полилъ вскорѣ извѣстіе, что все уже кончено. Мать Некрасова умерла іюля 1841 года, и когда слѣдующимъ лѣтомъ онъ собрался поить Грешнево, на могилѣ ея уже лежала плита съ вырѣзанной ней надписью, а въ домѣ сдѣланы были перестройки и заведены ые порядки.

У той плиты, гдѣ ты лежишь, родная,
Припомнилъ я, волнуясь и мечтая,
Что могъ еще увидѣться съ тобой—
И опоздалъ... И жизни трудовой
Я преданъ былъ, и страсти, и невзгодамъ,
Захлестнутъ былъ я невскою волной...

Встрѣча съ отцомъ имѣла наружно-мирный характеръ. Къ -лѣтнему юношѣ уже нельзя было относиться, какъ къ мальчику,

и возможно, что старикъ испытывалъ теперь даже нѣкоторое поч
ніе къ сыну, къ его твердости и умѣнью стоять на собственн
ногахъ. «Съ усталой головой, ни живъ, ни мертвъ (я голодалъ
долгу), *но горделивъ*—пріѣхалъ я домой», находимъ въ по
«Мать» воспоминаніе объ этой поѣздкѣ на родину.

Послѣ смерти жены отецъ Некрасова прожилъ еще около
лѣтъ, но поэтъ уже рѣдко вспоминаетъ объ этомъ позднѣйшемъ
ріодѣ его жизни. а если и вспоминаетъ, то съ несравненно боль
мягкостью; иногда прорываются даже, какъ-будто, теплыя нот

Буря воетъ въ саду, буря ломится въ домъ...
Я боюсь, чтобъ она не сломила
Старый дубъ, *что посаженъ отцомъ*,
И ту иву, что мать посадила...
(1863 г.)

Мой черный конь, съ Кавказа приведенный.
Уменъ и смѣлъ,—какъ вихорь, онъ летитъ:
Еще отцомъ къ охотѣ пріученный,
Какъ вкопанный, при выстрѣлѣ стоитъ.
(1874 г.)

IV.

Гуманная школа Бѣлинскаго. — Неизгладим
вліяніе режима «ежевыхъ рукавицъ». Геро
рабъ.

Мы подошли къ событію, сыгравшему въ исторіи развитія нр
ственной личности Некрасова не меньшую, если не большую, ро
чѣмъ любовь къ матери: такимъ событіемъ было—знакомство
Бѣлинскимъ...

Впервые великій критикъ обратилъ на нашего поэта внима
какъ на автора нѣкоторыхъ понравившихся ему рецензій, дол
быть, еще въ 1842 году; но долгое время ихъ встрѣчи и бес
были мимолетны и незначительны. Некрасовъ уже давно пре
нялся передъ Бѣлинскимъ, но природная замкнутость и застѣн
вость мѣшали ему сдѣлать первый шагъ къ болѣе тѣсному сбли
нію; онъ глядѣлъ на себя, какъ на скромнаго литературнаго ра
ника, а Бѣлинскій былъ въ это время уже въ апогеѣ своей сл
и въ «Отеч. Зап.» занималъ мѣсто главнаго редактора.

Сближеніе началось, кажется, лишь съ осени 1844 г., к
Некрасовъ собиралъ матеріалъ для задуманнаго имъ въ то вр

тературнаго сборника «Физіологія Петербурга», для котораго и
Блинскій, въ числѣ другихъ писателей, далъ статью «Петербургъ
Москва». Между прочимъ, Бѣлинскаго сильно заинтересовалъ (еще
рукописи) назначенный для этого сборника очеркъ самого Не-
асова «Петербургскіе углы», одинъ изъ лучшихъ прозаическихъ
ытовъ поэта, посвященный жизни трущобныхъ обитателей и на-
санный въ духѣ и манерѣ «натуральной школы». Интересъ былъ
мъ сильнѣе, что до Бѣлинскаго, конечно, дошли уже въ это время
ухи о лично пережитомъ Некрасовымъ періодѣ нищеты и голода-
я, и въ «Петербургскихъ углахъ» онъ видѣлъ не столько худо-
ственное произведеніе, сколько глубоко выстраданную жизненную
авду. «Съ этихъ поръ,—разсказываетъ въ своихъ воспомина-
яхъ Пв. Панаевъ,—Некрасовъ съ каждымъ днемъ болѣе сходился
Бѣлинскимъ, разсказывалъ ему свои горькія литературныя по-
жденія, свои разсчеты съ редакторами различныхъ журналовъ...
ъ произвелъ на Бѣлинскаго съ самаго начала пріятное впечатлѣ-
. Послѣдній полюбилъ его за его рѣзкій, нѣсколько ожесточен-
й умъ, за тѣ страданія, которыя онъ испыталъ такъ рано, до-
ваясь куска насущнаго хлѣба, и за тотъ смѣлый, практическій
глядъ не по лѣтамъ, который онъ вынесъ изъ своей труженни-
ской и страдальческой жизни, и которому Бѣлинскій всегда му-
тельно завидовалъ... Ни въ комъ изъ своихъ пріятелей Бѣлин-
й не находилъ ни малѣйшаго практическаго элемента и, пре-
елпчивая его въ Некрасовѣ, смотрѣлъ на него съ какимъ-то
бенньмъ уваженіемъ». Бѣлинскій полагалъ, впрочемъ, что Не-
асовъ навсегда останется полезнымъ литературнымъ труженни-
мъ—не больше. Даже въ слѣдующемъ (45 г.), когда Некрасовъ
печаталъ уже во II части «Физіологіи» свою сатиру въ стихахъ
пповникъ», Бѣлинскій, осыпая ее въ печати похвалами, какъ
дно изъ тѣхъ въ высшей степени удачныхъ произведеній, въ
горыхъ мысль, поражающая своей вѣрностью и дѣльностью, яв-
ется въ совершенно соотвѣтствующей ей формѣ», ни однимъ еще
овомъ не обмолвился о *поэтическомъ* талантѣ автора. И только
вже, въ «Обзорѣ русской литературы за 1845 г.», онъ называетъ
пповника», «Соврем. Оду» и «Старушкѣ» *) «счастливыми вдох-
веніями таланта»... Но, кажется, передъ этимъ Бѣлинскій про-
лъ уже въ рукописи стихотвореніе «Въ дорогѣ», которое, по
идѣтельству Панаева, привело его въ полный восторгъ: «У Бѣ-

*) Забытое въ настоящее время стихотвореніе.

линскаго засверкали глаза, онъ бросился къ Некрасову, обнялъ
и сказалъ чуть не со слезами на глазахъ:—Да знаете ли вы,
вы поэтъ—и поэтъ истинный?..»

Съ этого момента, а особенно послѣ знаменитой «Родины»,
линскій начинаетъ возлагать на Некрасова, какъ на поэта, боль
надежды, и отношенія его къ автору оригинальныхъ стихотвор
принимаютъ нѣжный, почти любовный оттѣнокъ...

Посмотримъ же, чѣмъ былъ Бѣлинскій для Некрасова. «
видѣлъ во мнѣ,—вспоминалъ впослѣдствіи самъ поэтъ,—бо
одаренную натуру, которой недостаетъ развитія и образованія.
вотъ около этого-то держались его бесѣды со мною, имѣвшія
меня значеніе поученія». А какимъ обаяніемъ вѣяло на Некра
отъ личности Бѣлинскаго, видно хотя бы изъ разсказа Достоевс
объ его первомъ знакомствѣ съ Некрасовымъ по поводу «Бѣдн
Людей»: «Въ полчаса мы Богъ знаетъ сколько переговорили,
полслова понимая другъ друга, съ восклицаніями, торопясь, г
рили и о поэзіи, и о Гоголѣ, цитируя изъ «Ревизора» и изъ «Ме
выхъ душъ», но главное—о Бѣлинскомъ. «Я ему сегодня же св
вашу повѣсть, и вы увидите... Да вѣдь человѣкъ-то, человѣкъ
какой! Вотъ вы познакомитесь, увидите, какая это душа!»—
сторженно говорилъ Некрасовъ, тряся меня за плечи обѣими рукам
—О знакомствѣ его съ Бѣлинскимъ я мало знаю, но Бѣлинскій
угадалъ съ самаго начала и, можетъ быть, сильно повліялъ на
строеніе его поэзіи. Несмотря на всю тогдашнюю молодость Нек
сова и на разницу лѣтъ ихъ, между ними, навѣрное, ужъ и то
бывали такія минуты и уже сказаны были такія слова, котор
вліяютъ навѣкъ и связываютъ неразрывно». Или, вотъ, какой р
говоръ Некрасова съ Добролюбовымъ передаетъ въ своихъ вос
минаніяхъ Панаева-Головачева:

Жаль, что вы сами не знали этого человѣка! Я съ кажды
годомъ все сильнѣе чувствую, какъ важна для меня потеря его.
чаще сталъ видѣть его во снѣ, и онъ живо рисуется передъ мо
глазами. Ясно припоминаю, какъ мы съ нимъ вдвоемъ, часовъ
двухъ ночи, бесѣдовали о литературѣ и о разныхъ другихъ пред
тахъ. Послѣ этого я всегда долго бродилъ по опустѣлымъ улиц
въ какомъ-то возбужденномъ настроеніи, столько было для м
новаго въ высказанныхъ имъ мысляхъ... Вы, вотъ, вступили въ л
ратуру подготовленнымъ, съ твердыми принципами и ясными цѣ
ми. А я?.. Заняться своимъ образованіемъ у меня не было время
надо было думать о томъ, чтобы не умереть съ голоду! Я поп
въ такой литературный кружокъ, въ которомъ скорѣе можно бы
отупѣть, чѣмъ развиться. Моя встрѣча съ Бѣлинскимъ была

ня спасеніемъ... Чтобы ему пожить подольше! Я былъ бы не тѣмъ овѣкомъ, какимъ теперь!—Некрасовъ произнесъ послѣднюю фразу ожащимъ голосомъ, быстро всталъ и ушелъ въ кабинетъ.

Къ воспоминаніямъ Панаевой во многихъ частностяхъ позволиьно относиться cum magno grano salis, но въ данномъ случаѣ оаніе ея нисколько не стоитъ въ противорѣчіи съ отзывами самаго красова о Бѣлинскомъ, разсѣянными во многихъ мѣстахъ его ихотвореній и поэмъ *). Не станемъ цитировать всѣмъ извѣстную, аменитую тираду изъ «Медвѣжьей Охоты», обращенную къ «многорадальной тѣни» великаго «учителя», научившаго русское обство «гуманно мыслить». Но есть у Некрасова еще одно произеденіе, въ главномъ героѣ котораго изображенъ, думается намъ, же Бѣлинскій: это—Кротъ во II части «Несчастныхъ». Если кто не замѣчаетъ обыкновенно поразительнаго сходства этой гуры съ личностью Бѣлинскаго, то, конечно, лишь благодаря стоевскому, который пустилъ въ обращеніе совсѣмъ иное толкоаніе: «Однажды, въ 63, кажется, году,—разсказываетъ онъ въ невникѣ Писателя»,—отдавая мнѣ томикъ своихъ стиховъ, Некасовъ указалъ мнѣ на одно стихотвореніе «Несчастные» и внутельно сказалъ: я тутъ объ васъ думалъ, когда писалъ это (т. е. моей жизни въ Сибири).—это объ васъ написано». На этомъ ованіи и сложилось распространенное до сихъ поръ мнѣніе, будто отъ Некрасова—Достоевскій... Но, во-первыхъ,—и по разсказу аго Достоевскаго,—Некрасовъ отнюдь не сказалъ, что именно образѣ Крота изобразилъ его: онъ только *вообще* думалъ о горьй судьбѣ Достоевскаго, сочиняя «Несчастныхъ» (что и безъ его азнанія не подлежитъ, конечно, сомнѣнію). Что касается Крота, съ авторомъ «Записокъ изъ Мертваго Дома» въ немъ положиьно ничего нѣтъ общаго.

Напомнимъ читателю, что «Несчастные» писались въ 1856 г., олго до возвращенія Достоевскаго изъ Сибири, когда въ литераурѣ онъ былъ извѣстенъ еще только какъ авторъ «Бѣдныхъ Люей», «Двойника», «Хозяйки» и другихъ разсказовъ, въ которыхъ о его будущемъ *учительствѣ* не было еще и помина. Личнымъ

*) «Памяти пріятеля» (1853 г.); «О погодѣ» (1859); «Пикуетъ врагъ» (1866); едвѣжья Охота» (1867); «Кому на Руси жить хорошо» (1873); не вошедо сихъ поръ въ собраніе стихотвореній Некрасова поэма «Бѣлинскій».— смертномъ уже одрѣ, поэтъ не разъ вспоминаетъ своего учителя и записыъ въ дневникѣ отъ 16 іюня 1877 г.: «Любимое стихотвореніе Бѣлинскаго о—

Въ степи мірской, печальной и безбрежной...»

же своимъ характеромъ, нелюдимымъ, болѣзненно-самолюбив
онъ, какъ извѣстно, не внушилъ особенной любви членамъ кру
въ которомъ вращался до своего ареста, въ томъ числѣ и Нек
ву. Другое дѣло—Бѣлинскій...

Прежде всего—наружность послѣдняго. Вотъ какъ описыв
ее великій мастеръ такого рода описаній, Тургеневъ: «Это
человѣкъ средняго роста, на первый взглядъ довольно некрас
и даже нескладный, *худощавый, съ впалой грудью и пон
головой*... Всякаго, даже не медика, немедленно поражали въ
всѣ главные признаки чахотки, весь такъ наз. habitus
злой болѣзни... *Густые бѣлокурые волосы падали клоком*
бѣлый, прекрасный, хоть и низкій лобъ. Я не видалъ глазъ б
прелестныхъ, чѣмъ у Бѣлинскаго. *Голубые, съ золотыми ис
ками въ глубинѣ зрачковъ*, эти глаза, въ обычное время п
закрытые рѣсницами, *расширялись и сверкали въ мину
одушевленія*; въ минуты веселости взглядъ ихъ принималъ пл
тельное выраженіе привѣтливой доброты и безпечнаго счастья.
лосъ у Бѣлинскаго былъ слабъ, съ хрипотою, но пріятенъ; г
рилъ онъ съ особенными удареніями и *придыханіями*, «упорст
волнуясь и спѣша»...

Не тотъ же ли это портретъ, что и въ поэмѣ Некрасова:

Рука нетвердая въ трудѣ,
Какъ спицы ноги, дѣтскій голосъ
И, словно ленъ, пушистый волосъ
На головѣ и бородѣ.

. . . . . .

Кортъ, грозитъ! Дыханье трудно,
Лицо сурово какъ гроза,
И какъ-то бѣшено и чудно
Блестятъ глубокіе глаза.

Подобно Бѣлинскому, и Кротъ погибаетъ отъ злой чахотки: «п
два года, изъ тюрьмы не выходя, онъ разрушался»... Это внѣ
черты сходства, но внутреннія еще поразительнѣе.

Пусть рѣчь его была сурова
И не блистала красотой,
Но обладалъ онъ тайной слова,
Доступнаго душѣ живой.

. . . . . .

Онъ насъ учить не тяготился,
Онъ съ нами братски подѣлился
Богатствомъ сердца своего!

. . . . . .

Не на конѣ, не за сохою

Провелъ онъ свой недолгій вѣкъ,
Въ трудѣ ученья, но душою.
Какъ мы, былъ русскій человѣкъ.
Онъ не жалѣлъ, что мы не нѣмцы,
Онъ говорилъ: «Во многомъ насъ
Опередили иноземцы.
Но мы догонимъ въ добрый часъ!
Лишь Богъ помогъ бы русской груди
Вздохнуть пошире, повольнѣй.—
Покажетъ Русь, что есть въ ней люди,
Что есть грядущее у ней!..

Развѣ это не Бѣлинскій?.. Даже однимъ и тѣмъ же выраженіемъ «святое безпокойство» характеризуетъ Некрасовъ своего Крота и «Несчастныхъ», какимъ въ «Медвѣжьей Охотѣ»—Бѣлинскаго. Литературныя и историческія пристрастія обоихъ точно также однаковы: «вѣщія пѣсни» Кольцова, великія дѣянія великаго Петра, «отца Россіи новой»...

Онъ видѣлъ слѣдъ руки Петровой
Въ основѣ каждаго добра.

Но особенно ярко бросается въ глаза сходство Крота съ Бѣлинскимъ въ изображеніи его конца:

Но онъ надеждѣ вѣрилъ мало,
Едва бродя, едва дыша.
И только насъ бодрить хваталъ
Въ немъ силъ... Великая душа!
Его страданья были горды,
Онъ ихъ упорно подавлялъ,
Но иногда изнемогалъ
И плакалъ, плакалъ... Камни тверды,
Любой попробуй... Но огня
Добудешь только изъ кремня!
Таковъ онъ былъ...
Въ день смерти съ ложа онъ воспрянулъ.
И снова силу обрѣла
Нѣмая грудь—и голосъ грянулъ!
Мечтаньемъ чуднымъ окрылилъ
Его Господь передъ кончиной.
И онъ подъ небо воспарилъ
Въ красѣ и легкости орлиной.
Кричалъ онъ радостно: «Впередъ!»—
И гордъ, и ясенъ, и доволенъ...
Ему мерещился народъ
И звонъ московскихъ колоколенъ;
Восторгомъ взоръ его сіялъ,—
На площади, среди народа,
Ему казалось, онъ стоялъ
И говорилъ...

Вѣдь это вполнѣ реальное, яркое изображеніе предсмертн
минутъ Бѣлинскаго! «Присутствовавшіе при его смерти разск
вали—пишетъ г. Пыпинъ въ своемъ извѣстномъ сочиненіи «
линскій, его жизнь и переписка»,—что Бѣлинскій, лежа
уже въ постели безъ сознанія, за нѣсколько минутъ до ко
ны вдругъ быстро поднялся съ сверкавшими глазами, сдѣлалъ
сколько шаговъ по комнатѣ и проговорилъ невнятнымъ, преры
щимся голосомъ, но съ энергіей, какія-то слова, обращен
къ русскому народу, говорившія о любви къ нему... Его поддерж
уложили въ постель, и черезъ нѣсколько минутъ онъ умеръ».

Однако, быть можетъ, спросятъ: что за странная фантазія
шла Некрасову въ голову—послать Бѣлинскаго въ каторгу,
бразить на мрачномъ фонѣ клейменаго острожнаго міра, когда вс
извѣстно, что умеръ онъ у себя въ постели, въ Петербургѣ, о
женный близкими, женою и друзьями?.. Да, но извѣстно такж
другое: Достоевскій, арестованный одиннадцать мѣсяцевъ спу
осужденъ былъ въ каторгу, главнымъ образомъ, за чтеніе и
пространеніе письма Бѣлинскаго къ Гоголю... Слѣдовательно,
мать о великомъ покойномъ учителѣ во время писанія «Несч
ныхъ» Некрасову представлялось, во всякомъ случаѣ, не мен
поводовъ, чѣмъ о Достоевскомъ...

«Я находился въ такомъ литературномъ кружкѣ, въ котор
скорѣе можно было отупѣть, чѣмъ развиться; встрѣча съ Бѣл
скимъ была для меня спасеніемъ». Это признаніе поэта подт
ждается, какъ данными его біографіи и свидѣтельствами совре
никовъ, такъ, въ особенности, и всѣмъ ходомъ и развитіемъ
поэтической дѣятельности. Гуманная школа Бѣлинскаго налож
на мысль и душу поэта глубокій отпечатокъ. Къ 48 году (
смерти Бѣлинскаго) окончательно опредѣлился тотъ дѣйствит
ный «демонъ» Некрасова, который всегда господствовалъ какъ
жизненной его дѣятельности, такъ и въ поэтическихъ настроенія
Можно сказать, что до встрѣчи съ великимъ учителемъ онъ лишь
стинктомъ любилъ народъ, инстинктомъ стремился для него работ
какъ человѣкъ, самъ много страдавшій и вынесшій, какъ челов
превосходно изучившій и сумѣвшій понять душу народную со вс
ея тѣневыми и свѣтлыми сторонами; но интеллектуальную форм
этой любви и толчекъ къ активной работѣ во имя ея—Некрасовъ
лучилъ, несомнѣнно, отъ Бѣлинскаго. Идеи великаго критика уп
на богатую почву высокоодаренной натуры поэта, обладавшаго—
имущественно передъ всѣми членами кружка—глубокимъ знан

ниманіемъ народной жизни, и дали роскошный плодъ въ видѣ
дной только поэзіи: въ журнальной дѣятельности Некрасова,
равшей, по мнѣнію критики, ничуть не меньшую роль въ исто-
русской интеллигенціи, чѣмъ его стихи, точно также явственно
енъ могучій духъ «неистоваго Виссаріона» ..

Къ сожалѣнію,—потому ли, что благотворное вліяніе пришло
колько поздно и оборвалось слишкомъ рано, потому ли, что слож-
природа Некрасова не поддавалась одной какой-либо опредѣ-
ной окраскѣ,—онъ навсегда остался во власти глубокихъ проти-
рѣчій, отъ которыхъ самъ, разумѣется, прежде всего и больше
о страдалъ.

На мнѣ года гнетущихъ впечатлѣній
Оставили неизгладимый слѣдъ...

Идеалистъ, преданный, какъ никто другой, дѣлу служенія ро-
ѣ и народу, онъ всю жизнь оставался рабомъ среды и привычки,
илъ жизнь ради самой жизни и дорожилъ ея «минутными бла-
я». Конечно, и во времена Некрасова встрѣчались рыцари безъ
ха и упрека, подобные Бѣлинскому или, позже, Добролюбову,
то были люди—въ подлинномъ смыслѣ слова «не отъ міра
», съ юныхъ лѣтъ порвавшіе съ грубой матеріальной «суще-
нностью» и витавшіе въ свѣтлой области идеала. Изъ всѣхъ
стниковъ своихъ и соратниковъ Некрасовъ по преимуществу
ь человѣкомъ живой дѣйствительности, и меньше, чѣмъ кого
того, его можно разсматривать и судить внѣ, такъ сказать, вре-
и и пространства. «Мы выросли въ ежевыхъ рукавицахъ», вы-
лся Г. З. Елисеевъ о своемъ и некрасовскомъ поколѣніи, и
овьямъ позднѣйшей эпохи грѣшно было бы не принять въ раз-
съ этого обстоятельства при оцѣнкѣ работы своихъ предшествен-
овъ. Крѣпостное право бросало свою мрачную тѣнь на всѣ рѣши-
но явленія дореформенной жизни; въ душной атмосферѣ вѣч-
страха, унынія и рабской подавленности росли, жили и дѣй-
вали цѣлыя поколѣнія.

Недолгая насъ буря укрѣпляетъ,
Хоть ею мы мгновенно смущены.
Но долгая навыки поселяетъ
Въ душѣ привычки робкой тишины!..

Геройство всегда было и будетъ завидной долей лишь отдѣль-
ъ единицъ. Некрасовъ не могъ претендовать, да никогда и не
ендовалъ на титулъ героя: напротивъ, онъ всегда усиленно

казнилъ себя за душевную дряблость, усиленно подчеркивал достатки свои, какъ гражданина.

Народъ! народъ! Мнѣ не дано геройства
Служить тебѣ,—плохой я гражданинъ.

Повинную голову и мечъ не сѣчетъ... На голову же Некр сыпались и до сихъ поръ продолжаютъ сыпаться безконечныя ненія, вплоть до довольно-таки курьезныхъ. Онъ жилъ прибл тельно такъ же, въ той же обстановкѣ и съ тѣми же барским машками, какъ и очень многіе изъ его товарищей по профессіи, Тургеневу, напримѣръ, никто не предъявляетъ обвиненія въ что онъ любилъ комфортъ, не тачалъ самъ себѣ сапоговъ и не хо за сохою, какъ Левъ Толстой позднѣйшихъ лѣтъ. Но то, что проща большинству, Некрасову, оплакивавшему народную нищету и вмѣняется въ преступленіе... «Есть неумолимые, которые не щаютъ и непремѣнно желаютъ *развѣнчать* Некрасова. До быть, ихъ собственная совѣсть чиста, какъ зеркало, въ которое могутъ спокойно любоваться на свои добродѣтели и граждан подвиги. Должно быть, ихъ головы увѣнчаны безспорными лавра (Н. К. Михайловскій, «Литературныя воспоминанія», т. I). Не и пая съ подобными господами въ споръ, отошлемъ читателя къ ста изъ которой взята только что приведенная цитата: болѣе глубо и тонкаго проникновенія въ сложную природу души Некрасов русской литературѣ нѣтъ. Намъ хотѣлось бы только прибав кое-что по поводу «тѣни, которая четверть вѣка назадъ (а те уже сорокъ лѣтъ назадъ) пала на личность поэта и затуманил въ глазахъ самыхъ горячихъ поклонниковъ».

Дѣло происходило, какъ извѣстно, въ 1866 году, когда п выстрѣла Каракозова надъ «Современникомъ» и даже,—дума тогда многимъ,—надъ всей русской литературой нависла гро туча. Людямъ нашего поколѣнія трудно и представить себѣ ту м ную нелену паническаго страха, которая, по единогласному св тельству современниковъ, окутала въ тѣ дни даже неробкія се и недюжинные умы; «sauve qui peut» — было общимъ крик Къ сожалѣнію, многія любопытныя и поучительныя подробн тѣхъ событій еще не преданы печати... Въ этотъ-то моментъ общей растерянности и заботы о спасеніи дрогнулъ и Некрасов и рука его «исторгла у лиры невѣрный звукъ»: на публич обѣдѣ, который петербургское дворянство давало тогдашнему вла телю судебъ русскаго общества — графу Муравьеву-«Вѣшате Некрасовъ прочелъ свои, приноровленные къ этому торжествен

наю, стихи. Разсказывали, будто, выслушавъ ихъ, Муравьевъ чтеца отвернулся... Во всякомъ случаѣ, если Некрасовъ раз-ывалъ подобной жертвой отвести грозу отъ своего «Современ-а», то онъ горько ошибся: журналъ былъ вскорѣ закрытъ. Опас-ть оказалась, однако, не столь грозной, какъ ее рисовало нану-ное воображеніе: «вся литература» не погибла; первый нарок-лъ испуга прошелъ, и поэту пришлось по каплѣ испить всю ру горечи—злорадство враговъ, упреки друзей и собственной сти.

И вы, и вы отпрянули въ смущеньи,
Стоявшіе безсмѣнно предо мной,
Великія страдальческія тѣни.
О чьей судьбѣ такъ горько я рыдалъ,
На чьихъ гробахъ я преклонялъ колѣни
И клятвы мести грозно повторялъ.

Въ бумагахъ Н. К. Михайловскаго сохранилась въ высшей сте-и характерная и любопытная записка Г. З. Елисеева, имѣющая у отвѣта на письмо Худякова, горячаго когда-то поклонника расова, осужденнаго по дѣлу Каракозова и изъ глубины восточ-Сибири славшаго поэту горькіе и даже жестокіе упреки за вѣрный звукъ лиры». Письмо это получено было Елисеевымъ быть можетъ, самимъ Некрасовымъ еще въ концѣ 60-хъ или лѣ 70-хъ годовъ, защитительная же записка Елисеева относится, сей вѣроятности, къ концу 80-хъ годовъ, когда Худякова давно не было на свѣтѣ. Приводимъ ее здѣсь цѣликомъ *).

«Намъ понятно то глубокое негодованіе, которое кипѣло въ и автора каждый разъ при мысли, что Некрасовъ говорилъ лубѣ стихи въ честь М., въ которыхъ призывалъ карающую у... Понятно потому, что, можетъ быть, первыя чувства граж-кой доблести въ Х. были пробуждены и воспитаны музою Не-ова, и вотъ теперь... онъ слышитъ отъ этой самой музы вмѣсто пенія и благословенія проклятіе! Тѣмъ не менѣе, такое отноше-автора къ Некрасову мы признаемъ крайне несправедливымъ и окимъ. Извѣстно, что въ томъ мракѣ... ни одна публичная

*) Когда въ концѣ 1902 года я впервые печаталъ въ своей статьѣ о расовѣ эту записку, цензурныя условія «режима Плеве» заставили меня ести изъ нея нѣсколько строкъ и ослабить нѣкоторыя отдѣльныя слова раженія (да и то покойный Н. К. Михайловскій боялся, что цензоръ ея допуститъ). Въ настоящее время у меня нѣтъ, къ сожалѣнію, въ рукахъ иной записки Елисеева. П. Я.

мысль, ни одно публичное слово, а тѣмъ болѣе дѣло не могли яви
безъ компромиссовъ. А у Некрасова на рукахъ было большое
личное дѣло, дѣло расширенія и упроченія за прессою свобод
слова, съ цѣлью дать возможно широкое распространеніе въ об
ствѣ новой идеѣ. Изъ всѣхъ писателей 40-хъ годовъ Некра
одинъ съ самаго перваго появленія этой идеи предался ей вп
и сдѣлался неизмѣннымъ ея носителемъ и служителемъ и ост
такимъ до конца жизни. На это посвятилъ онъ весь свой громад
талантъ, дѣйствуя какъ поэтъ и какъ журналистъ. Теперь д
трудно опредѣлить, чѣмъ онъ болѣе принесъ пользы: своими
поэтическими произведеніями, или своей журнальной дѣятельнос
Въ то время, когда стихи его разсѣивали всюду «святое недов
ство» и возбуждали въ молодыхъ умахъ горячіе порывы къ об
вленію, журналъ указывалъ источники зла и тѣ пути, котор
нужно было идти для его истребленія, и гдѣ, и въ чемъ исп
новаго дѣла; около журнала группировались вѣрные борцы
новую идею, дѣлавшіе всегда первые смѣлые шаги впередъ.
даромъ «Современникъ» сдѣлался любимѣйшимъ журналомъ
лики и, въ особенности, молодежи; недаромъ ни на одинъ журн
не сыпалось столько обвиненій и тайныхъ доносовъ со стор
ретроградовъ и столько гоненій и притѣсненій со стороны цензу
какъ на «Современникъ». Съ назначеніемъ Муравьева все ставил
на карту. Передъ чѣмъ могъ остановиться, чего не могъ сдѣл
этотъ человѣкъ, который иногда осмѣливался не являться во
рецъ, несмотря на неоднократныя требованія, отзываясь дѣлам
недосугомъ? *). И вотъ, для умилостивленія этого человѣка, спо
наго и готоваго уничтожить всю новую литературу и останов
движеніе новой идеи на нѣсколько десятковъ лѣтъ, Некрасовъ п
несъ въ жертву свое самолюбіе, написавъ въ его честь и прочит
публично въ клубѣ стихотвореніе. Говорятъ: Некрасовъ все-таки
спасъ этимъ «Современника»... Но тѣ, которые говорятъ такъ, за
ваютъ, что дѣло шло не о спасеніи одного «Современника», а о
храненіи возможности существованія новой идеи, о предупрежде
гоненія на литературу, какъ на литературу только... Законност
необходимость принесенной Некрасовымъ жертвы, навѣрное, буд
выяснена для всѣхъ исторіей нашего времени. Къ сожалѣнію,

*) По другимъ свѣдѣніямъ, императоръ Александръ II не любилъ
равьева, и, благодаря только этому, послѣдній не могъ дать полную волю св
реакціоннымъ стремленіямъ. П. Я.

совъ былъ не настолько великъ, чтобы, сознавая необходимость его поступка, оставаться равнодушнымъ къ близорукимъ толкамъ ременной толпы о своемъ поступкѣ. Толки эти мучили его всю нь. Всѣмъ извѣстно написанное имъ въ 1866 же году прекрасное хотвореніе «Ликуетъ врагъ, молчитъ въ недоумѣньи вчерашній гъ, качая головой», гдѣ онъ изображаетъ себя оттолкнутымъ всѣхъ, къ кому лежали его симпатіи, и попавшимъ черезъ свое убное) стихотвореніе въ дружбу къ толпѣ *безличныхъ*, которые ѣшатъ въ объятья къ новому рабу и пригвождаютъ жирнымъ ѣлуемъ несчастнаго къ позорному столбу». Сокрушеніе о своемъ тупкѣ Некрасовъ высказывалъ и впослѣдствіи въ нѣсколькихъ хотвореніяхъ и лично говорилъ о немъ всѣмъ симпатизирующимъ лицамъ, стараясь оправдать его или объяснить необходимостью ашнихъ обстоятельствъ. Даже передъ смертью, мучимый страш- болѣзнью, едва дышавшій и говорившій, онъ не переставалъ носить покаяніе... Такъ давила и мучила его жертва, принесен- имъ въ пользу своего великаго дѣла.

«Но что руководило Некрасовымъ при его поступкѣ: мысль о ѣ, которому онъ служилъ, или о тѣхъ личныхъ выгодахъ, кото- были сопряжены съ этимъ дѣломъ? И если послѣднее, то не ужаетъ ли его поступокъ справедливаго порицанія, и не и ли тѣ страданія, которыя онъ испыталъ за него, вполнѣ за- кенной карой? На этотъ вопросъ можно отвѣчать другимъ во- омъ. Могъ ли бы Некрасовъ имѣть столько враговъ, сколько ихъ имѣлъ, если бы сталъ пѣть другія пѣсни и служить дру- , противоположному дѣлу? Наглядное, блистательное доказатель- того, какъ перемѣна идейнаго фронта можетъ обогатить и воз- чить даже и не такого талантливаго, какъ Некрасовъ, но бой- и ловкаго литератора, каждый можетъ видѣть на примѣрѣ рина. Этотъ робкій чижъ скромно чирикалъ свои либеральные ѣтоны у Корша, завидуя славѣ и блеску такого сокола-соловья, Катковъ. Но вдругъ у него родилось желаніе направить свое иканье во славу «сильныхъ и сытыхъ міра сего». Онъ попробо- —и на него полились деньги и слава. Онъ теперь признанъ тическимъ мудрецомъ...

«Чего же бы, какихъ почестей и какого богатства не достигъ расовъ, при его громадномъ умѣ и талантѣ, если бы захотѣлъ бы нѣсколько умѣрить свое направленіе? Но онъ не пошелъ дорогой. А не пошелъ потому, что не могъ пѣть фальшиво; е былъ скворецъ, наученный пѣть по-соловьиному, или чижикъ,

робко чирикающій ходячія пѣсенки, а — дѣйствительный солов
который могъ пѣть только своимъ голосомъ и пѣть то, что хват
его за живое. Талантъ Некрасова былъ вполнѣ самобытный, сое
ненный съ замѣчательною силою и крѣпостью ума. Некрасовъ ни
почти не воспитывался—онъ не окончилъ курса даже въ гимназіи
не могъ читать ни на одномъ иностранномъ языкѣ, а между тѣ
критическій умъ его былъ такъ силенъ, что никто лучше его
могъ оцѣнить значенія каждой новой мысли, являвшейся въ ли
ратурѣ по наукамъ соціальнымъ; при этомъ равно тонко был
его эстетическое чутье, такъ что можно смѣло сказать, что
былъ лучшимъ критикомъ для всѣхъ статей, которыя помѣщал
въ его журналѣ. Это самое критическое чутье давало ему возм
ность замѣчать каждое выдающееся дарованіе, появлявшееся
другихъ журналахъ, и вербовать его въ сотрудники своего изда
что онъ и дѣлалъ. Но еще болѣе вѣрно это критическое чутье ру
водило имъ въ области явленій міра политическаго. Вспомнимъ,
при самомъ первомъ появленіи новыхъ вѣяній, почувствовавши
въ обществѣ вскорѣ послѣ Крымской войны, Некрасовъ тотчасъ
нялъ новое положеніе вещей, круто порвалъ съ своими сверст
ками—литературными дѣятелями 40-хъ годовъ, набралъ себѣ
выхъ сотрудниковъ по журналу и сталъ во главѣ новаго лите
турнаго движенія. До какой степени это характеризуетъ не тол
тонкость критическаго чутья Некрасова, но и симпатію его къ
вой идеѣ, это мы можемъ видѣть изъ примѣра многихъ его сов
менниковъ; какъ-то—Писемскаго, Достоевскаго, самого Тургене
который, несмотря на свою замѣчательную чуткость ко всѣмъ
вымъ вѣяніемъ, безтактно выступилъ въ то время на борьбу
новой идеей въ своихъ «Отцахъ и Дѣтяхъ». Все это показывае
насколько былъ проницателенъ и твердъ умъ Некрасова въ рас
знаваніи и оцѣнкѣ проходящихъ передъ нимъ явленій и вѣя
политическаго міра. Онъ ясно понималъ ветошь и ничтожность до
форменнаго строя, видѣлъ невозможность его долгаго существова
и не могъ не быть борцомъ за новую идею. Только во имя ея
могъ слагать свои пѣсни, только ея дѣло онъ могъ нести та
усердно всю жизнь, какъ онъ его несъ. Правда, онъ не былъ тео
тикомъ, у него не было предвзятаго опредѣленнаго міросозерцан
но онъ, навѣрное, пошелъ бы за новою идеею до тѣхъ поръ, п
она не создала бы лучшаго строя жизни, возможнаго для разумн
человѣческаго существованія. Говоря все это, мы, однако же,
какъ не думаемъ возводить Некрасова въ герои въ томъ смыс

къ обыкновенно понимаютъ это слово *). Некрасовъ не пошелъ бы
смерть, на страданія за дѣло новой идеи, которое онъ несъ на
ѣ: мы не должны забывать, что онъ воспитанъ былъ въ ежовыхъ
кавицахъ дореформенной эпохи. Это былъ, если угодно, герой,
герой-рабъ, который поставилъ себѣ цѣлью добиться во что бы
ни стало свободы, упорно преслѣдуетъ эту цѣль,—по временамъ,
имѣняясь къ обстоятельствамъ, дѣлаетъ уступки, но на своемъ
авномъ пути постоянно держитъ ее въ умѣ; понимаетъ, что та-
мъ только образомъ онъ можетъ ея добиться, а, кромѣ того, по-
маетъ, что въ той средѣ, которая его окружаетъ, не найдется
ихъ людей, какъ онъ; хотя, быть можетъ, есть не мало лицъ
тронутыхъ новой идеей, которыя гораздо выше, т. е. самоот-
женнѣе и чище, лицъ, которыя готовы пожертвовать за нее
знью, но не найдется такихъ героевъ-рабовъ, которые бы такъ
рно шли въ теченіе десятковъ лѣтъ, шагъ за шагомъ, по тому
нистому пути, по которому идетъ онъ, подвергаясь изо дня въ
ь разнымъ мелкимъ мученіямъ и перепося сдѣлки со своей со-
стью. Герой-рабъ могъ признаваться, что его рука иногда «у лиры
къ невѣрный исторгала», что, «жизнь любя, къ ея минутнымъ
гамъ прикованъ онъ привычкой и средой», что онъ «къ цѣли
ъ колеблющимся шагомъ и для нея не жертвовалъ собой». Но
ствительный герой не могъ дѣйствовать въ то время на жур-
ьномъ поприщѣ. Мы, однако, не должны забывать, что каждый
ой долженъ оцѣниваться по условіямъ времени и цѣлямъ. Для
даго времени является свой *мужъ потребенъ*. Герой тотъ, кто
ялъ условія битвы и выигралъ побѣду. Хорошъ и тотъ герой,
рый умираетъ за свое дѣло, такъ сказать, мгновенно, всецѣло,
лично, запечатлѣвая передъ всѣми своею смертью свои убѣжде-
хорошъ и другого рода герой, герой-рабъ, который умираетъ
вое дѣло въ теченіе десятковъ лѣтъ, умираетъ, такъ сказать,
частямъ, медленною смертію въ ежедневныхъ мелкихъ пыткахъ
внѣшнихъ мелкихъ гоненій и стѣсненій, отъ сдѣлокъ съ своею
стью, умираетъ никѣмъ не признанный въ своемъ геройствѣ и
подъ общимъ тяжелымъ обвиненіемъ или подозрѣніемъ отъ
ы въ измѣнѣ дѣлу. По условіямъ нашей жизни, у насъ могъ
ботаться въ литературѣ только герой-рабъ. Скажемъ болѣе:
ко такой герой и могъ вынести дѣло новой идеи при первомъ

*) Все дальнѣйшее, кромѣ двухъ-трехъ заключительныхъ фразъ, было уже цитировано Н. К. Михайловскимъ въ его статьѣ о Некрасовѣ.

ея появленіи и утвержденіи въ обществѣ... Покойный Х. не поня
что герой-рабъ позволилъ своей рукѣ «у лиры звукъ невѣрн
исторгнуть» единственно для того, чтобы уровнять и сдѣлать ме
тернистымъ путь для героевъ иного типа, героевъ будущаго».

Повторяемъ, для людей нынѣшняго поколѣнія, выросшихъ
совсѣмъ иной общественной атмосферѣ, покажутся, навѣрное, стр
ными нѣкоторыя изъ мыслей Елисеева. Но вѣдь онъ самъ же и о
ворился, что рисуетъ образъ хотя и героя, но—«героя-раба»...
лично, разумѣется, понималъ Елисеевъ все нравственное превосх
ство героя—свободнаго человѣка; но было бы несправедливо от
цать своеобразное «величіе» въ той спокойной твердости, съ кото
онъ громко признается: «да, наше поколѣніе шло рабьей доро
къ своей великой цѣли,—потому, что иной дороги мы не видѣл

И Елисеевъ, этотъ «аскетъ текущей жизни и непосредств
ныхъ практическихъ результатовъ» (какъ опредѣляетъ его Н.
Михайловскій), человѣкъ съ исключительной идейной и душев
цѣльностью, былъ вполнѣ послѣдователенъ въ примѣненіи сво
теоретическихъ взглядовъ къ жизни. Оставляя въ сторонѣ оцѣ
этихъ взглядовъ самихъ по себѣ, мы хотѣли бы только выясн
вопросъ о томъ, насколько нарисованный Елисеевымъ образъ «гер
раба», дѣйствительно, подходилъ къ Некрасову. Было ли, точ
сознательнымъ жертвоприношеніемъ поведеніе его въ 1866 го
Михайловскій, говоря о запискѣ Елисеева, осторожно замѣчае
«Я не иду такъ далеко, я думаю, что Некрасовъ тогда просто р
терялся, испуганный надвигавшейся грозой, тѣмъ болѣе страшн
что неизвѣстно было, какъ и куда она направитъ свои удары. Ис
гался онъ, можетъ быть, частью за журналъ, но главнымъ образо
я думаю, за себя лично».

Не рѣшаясь, въ свою очередь, идти «такъ далеко», мы дума
только, что для самого Некрасова въ моментъ опасности могли б
не вполнѣ ясны руководившіе имъ мотивы. Во всякомъ случ
апологія поэта, написанная Елисеевымъ, кажется намъ чрезвыча
важной не по однимъ лишь крайне интереснымъ подробностямъ
и по существу, какъ голосъ не адвоката только, но и свидѣт
человѣка, который самъ, подобно Некрасову (хотя и въ значите
меньшей степени), «прошелъ черезъ цензуру незабываемыхъ годов
Изъ всѣхъ сотрудниковъ и единомышленниковъ Некрасова Елисе
(который и родился даже въ одномъ съ нимъ 1821 году), коне
наиболѣе походилъ на него по тѣсному, кровному соприкоснове
съ живой дѣйствительностью, такъ что, выслушивая Елисеева,

ыслушиваемъ отчасти какъ бы самого поэта... Упоминая о пред-
мертныхъ попыткахъ Некрасова высказаться, Н. К. Михайловскій
особенно подчеркиваетъ то обстоятельство, что оправдательно-по-
каянныя рѣчи поэта имѣли «затрудненный» характеръ,—какъ
будто онъ «не могъ ни другимъ разсказать, ни самому себѣ уяснить
ту смѣсь добра и зла», изъ которой состояла его жизнь и дѣятель-
ность. Но не могла ли зависѣть эта «затрудненность» отчасти и
оттого, что Некрасовъ своимъ тонкимъ, проницательнымъ чутьемъ
угадывалъ огромное психическое различіе между собою и младшими
своими сотрудниками, вродѣ самого Михайловскаго? Не боялся ли онъ,
что, при всемъ уваженіи и любви къ нему людей младшаго поколѣнія,
въ нѣкоторыхъ вещахъ они никогда съ нимъ не столкуются и не
поймутъ его, а если и поймутъ, то не посочувствуютъ? Этотъ
страхъ и могъ сковывать его языкъ, холодить душу. Съ Елисеевымъ
онъ чувствовалъ себя, вѣроятно, проще и высказывался прямѣе..

Но, имѣя такъ много общаго другъ съ другомъ, эти два чело-
вѣка въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ были глубоко различны. Eли-
сеевъ рисуется намъ натурой цѣльной, какъ бы высѣченной изъ
одного куска; Н. К. Михайловскій характеризуетъ его такъ: «де-
мократизмъ Елисеева былъ не дѣломъ только принциповъ и убѣж-
деній, а самихъ инстинктовъ», онъ былъ «какъ бы самъ народъ,
собственными усиліями пробившійся къ свѣту и достигшій вер-
ховъ самосознанія»; онъ «проще и непосредственнѣе относился по-
своему къ народу» («Литер. воспом. и соврем. смута», т. I). Некра-
совъ же, при всей глубинѣ и искренности своей любви къ народу,
при всемъ несравненномъ знаніи народной жизни и психики, лишенъ
былъ такой непосредственности. Елисеевъ всегда чувствовалъ себя
равноправнымъ членомъ того народа, для котораго всю жизнь рабо-
талъ; Некрасовъ никогда, въ сущности, не переставалъ чувствовать
себя барномъ-интеллигентомъ, находящимся въ неоплатномъ долгу
передъ народомъ...

Эта черта, которую Успенскій назвалъ «больной совѣстью»,
болѣе приближала Некрасова къ поколѣнію младшему, нежели стар-
шему. Герой-рабъ, не чуждый порой самой трезвой и даже черствой
положительности, умѣлъ въ то же время до страсти, до злобы не-
навидѣть эту свою положительность, и болѣе «тяжкой работы со-
сти», чѣмъ его скорбно-покаянныя пѣсни, вплоть до 70-хъ го-
въ русская литература не знала. Въ глазахъ юныхъ современ-
ковъ Некрасова покаянная нота его поэзіи была не недостаткомъ
величія» въ характерѣ поэта, а, напротивъ, лучшимъ правомъ его

на безсмертіе. Къ сожалѣнію, выяснить все огромное значеніе «муз
мести и печали» для самой жизни русской сможетъ лишь болѣе ил
менѣе отдаленная исторія; она же произнесетъ и окончательный при
говоръ Некрасову, какъ человѣку и гражданину.

V.

Поэтъ находитъ свое призваніе.

Какъ мы уже видѣли при разборѣ книжки «Мечты и звуки»
свою литературную дѣятельность Некрасовъ началъ въ тонѣ впол
нѣ серьезномъ, далекомъ отъ шутки и юмора. Исключеніе соста
вляетъ одна только юмористическая пьеса «Пиръ вѣдьмы».

Скачетъ вѣдьма на ухватѣ,
Ѣдетъ чортъ на помелѣ ..

Зато со времени фіаско, постигшаго этотъ первый сборникъ
Некрасовъ въ продолженіи цѣлыхъ пяти лѣтъ не напечаталъ,—
насколько намъ извѣстно,—ни одного серьезнаго лирическаго ст
хотворенія, и хотя стиховъ продолжалъ писать и печатать множеств
но все это были—шутки, народіи, обличительные куплеты. М
уже пытались объяснить настроеніе поэта, обусловившее подобны
характеръ его творчества за указанный періодъ. Нельзя отрицат
что эти сатирическіе опыты юнаго Некрасова отличались времена
ми неподдѣльнымъ остроуміемъ; въ нихъ встрѣчались ѣдкія выхо
ки, самый стихъ былъ легокъ и своеобразенъ. Вотъ, напримѣр
два маленькихъ отрывка изъ «Портретной галлереи», впослѣдств
забракованной авторомъ и преданной забвенію:

I.

Онъ у насъ осьмое чудо—
У него завидный нравъ.
Неподкупенъ, какъ Іуда,
Храбръ и честенъ какъ Фальстафъ.
Онъ съ татариномъ—татаринъ,
Онъ съ евреемъ самъ еврей,
Онъ съ лакеемъ—важный баринъ,
Съ важнымъ бариномъ—лакей!

II

Было года мнѣ четыре,
Какъ отецъ сказалъ:
«Вздоръ, дитя мое, все въ мі
Дѣло—капиталъ».
И совѣтъ его премудрой
Не остался такъ:
У родителя на утро
Я укралъ пятакъ...

Большой фельетонъ въ стихахъ «Говорунъ»,—эта пустѣйш
болтовня пустѣйшаго героя обо всемъ, что только взбредетъ въ

ву,—читается также безъ скуки, даже, пожалуй, съ нѣкоторымъ овольствіемъ; мѣстами невольно думаешь: «сколько труда и исства потрачено на подобный вздоръ!» Однако Некрасову случась уже касаться и болѣе серьезныхъ темъ. Заслуживаетъ, напримѣръ, вниманія сатира «Женщина, какихъ много».

Она росла среди перинъ, подушекъ,
Дворовыхъ дѣвокъ, мамушекъ, старушекъ,
Подобострастныхъ, битыхъ и босыхъ...
Ее поддерживали съ уваженьемъ,
Ей ножки цѣловали съ восхищеньемъ
Въ избыткѣ чувствъ почтительно-нѣмыхъ...
Сложилась барышня, потомъ созрѣла
И стала на свободѣ жить безъ дѣла,
Невыразимо презирая свѣтъ.
Она слыла дѣвицей идеальной,
Имѣла взглядъ глубокій и печальный,
Сидѣла подъ окошкомъ по ночамъ
И на луну глядѣла неотвязно...
Болтала лихорадочно-несвязно,
Торжественно молчала по часамъ,
. . . . . .
И вдругъ пошла за барина простого,
За русака дебелаго, степного!
. . . . . .
На мужа негодуя благородно,
Ему дѣтей рожала ежегодно
И двойней разрѣшилась, наконецъ.
Печальная, чувствительная Текла
Своихъ людей не безъ отрады сѣкла:
Играла въ дурачки до пѣтуховъ,
Гусями занималась да скотиной.—
И было въ ней передъ ея кончиной
Безъ малаго четырнадцать пудовъ...

Передъ читателемъ—характерный типъ провинціальной барыкрѣпостной эпохи; въ этомъ портретѣ каждый штрихъ дышетъ знью и правдой, и только заключительный, явно утрированный хъ, пожалуй, непріятно рѣжетъ ухо. Къ сожалѣнію, приходится зать, что такого рода шаржъ не есть случайное явленіе въ юноскихъ сатирахъ Некрасова, и, напримѣръ, въ упомянутомъ выше хотвореніи «Было года мнѣ четыре» онъ принимаетъ даже прямо овищные размѣры. У героя пьесы умираетъ отецъ:

Я не вынесъ тяжкой раны,
Я на трупъ упалъ
И, обшаривъ всѣ карманы,
Горько зарыдалъ,—

зарыдалъ не объ утратѣ отца, а о томъ, что карманы его оказались пусты...

Не этими, однако, частными недостатками обусловливалось нпчтожное значеніе некрасовской сатиры ранняго періода. Важнѣе было то, что для читателя оставалось все время неяснымъ, во имя какой общей идеи осмѣиваетъ и вышучиваетъ она людскія слабости и пороки. Это было именно только вышучиванье, а не грозная, бичующая сатира, одушевленная (какъ, напр., позже въ «Размышленіяхъ у параднаго подъѣзда») чувствомъ гражданскаго негодованія, согрѣтая искренней скорбью о торжествѣ зла и неправды. Такой сатиры мы не видимъ даже и въ столь восхитившемъ въ свое время Бѣлинскаго «Чиновникѣ», или въ «Современной одѣ», которой открывается обыкновенно собраніе некрасовскихъ стихотвореній.. Пьесы это, несомнѣнно, талантливыя; въ общей концепціи пхъ видна уже рука искуснаго мастера; отдѣльные стихи поражаютъ силой оригинальностью и легко остаются въ памяти, но, и за всѣмъ тѣмъ «Чиновникъ» и «Современная ода» не сатиры въ настоящемъ значеніи слова, а лишь хорошія обличительныя стихотворенія: въ нихъ нѣтъ еще главнаго—поэзіи...

Погоня за насущнымъ кускомъ хлѣба, спѣшность работы, прпвычка глядѣть на себя, какъ на литературнаго чернорабочаго, с котораго и спрашивать много нечего, нпзводятъ въ эту пору Некрасова, прп всемъ его талантѣ, до уровня писателя-ремесленника, который унижался до такихъ, напримѣръ, «пародій»:

И скучно, и грустно!.. И некого въ карты надуть
Въ минуту карманной невзгоды.
Жена?.. Но что пользы жену обмануть—
Вѣдь ей же отдашь на расходы.

Но уже близился глубокій внутренній переломъ. Къ средин 40-хъ годовъ Некрасовъ пересталъ терпѣть острую, доходившую д нищеты, нужду; у него уже составилось нѣкоторое литературно имя,—теперь легче было доставать работу, легче было и бороться съ кулаками-редакторами и издателями. Явился сравнительный д сугъ, и съ нимъ—возможность серьезно думать и работать. В этотъ-то благопріятный моментъ Некрасовъ и сблизился съ Бѣлин скимъ, услышалъ его страстную, полную зажигающаго убѣжденi проповѣдь... Общая идея, по которой все время тосковала душа б дущаго печальника горя народнаго, и отсутствіе которой такъ пл чевно отзывалось на его произведеніяхъ, была, наконецъ, отыскан формулирована. Горячимъ солнечнымъ лучемъ упала она въ др

авшую душу поэта, освѣтила и разбудила къ жизни могучія при-
одныя силы. Некрасовъ нашелъ, наконецъ, свое призваніе, свою
узу, ту «блѣдную, въ крови, кнутомъ пзсѣченную музу», на кото-
ую, по его собственному выраженію, «не русскій взглянетъ безъ
юбви»... Появилось знаменитое стихотвореніе «Въ дорогѣ», нѣчто
еслыханное до тѣхъ поръ какъ по формѣ, такъ и по содержанію.

Начало народнической струи въ русской литературѣ принято
быкновенно связывать съ «Деревней» и «Антономъ Горемыкой»
ригоровича, но съ несравненно большимъ правомъ могло бы пре-
ендовать на такую роль стихотвореніе Некрасова, раньше напеча-
анное и, къ тому же, талантливѣе выразившее новую идею. Извѣст-
ый критикъ Аполлонъ Григорьевъ, очень долго отрицавшій въ
екрасовѣ всякій поэтическій талантъ, признавался впослѣдствіи,
то пьеса «Въ дорогѣ» *ударила по сердцамъ съ невѣдомою силой*...
о его словамъ, она совмѣстила въ одну поэтическую форму цѣлую
ноху прошедшаго, забросила сѣти и въ будущее; въ ней не поддѣл-
ъ подъ народную рѣчь, а рѣчь человѣка изъ народа, съ народнымъ
рдцемъ, закала Кольцова. Даже враждебный Некрасову Эдельсонъ,
идѣвшій, наоборотъ, въ этомъ стихотвореніи фальшивую народную
ѣчь, признавалъ нарисованное Некрасовымъ положеніе трогатель-
ымъ и вызывающимъ сильное впечатлѣніе, «гуманное по своей
щности». Мнѣніе Бѣлинскаго мы уже знаемъ. Но если такъ встрѣ-
но было стихотвореніе Некрасова литературной критикой, то чи-
телями середины сороковыхъ годовъ оно принято было, какъ настоя-
ее откровеніе... И удивительнаго тутъ ничего нѣтъ, если и теперь
же, когда мрачная эпоха рабства отошла въ область преданія, и рус-
имъ обществомъ такъ уже много пережито, «Въ дорогѣ» все еще
изводитъ неотразимо-глубокое впечатлѣніе. Очевидно, поэту уда-
сь затронуть живой, до сихъ поръ еще болѣзненный нервъ... То
вое, чѣмъ было поражено здѣсь воображеніе общества, заключа-
сь не только въ изображеніи новой (крестьянской) среды, не только
мысли о томъ, что и мужики тѣ же люди съ живой, способной
радать отъ притѣсненій душою: рядомъ съ картиною огромнаго
ественнаго зла, передъ читателемъ пріоткрывался душевный
ръ интеллегентнаго человѣка, который чувствовалъ себя къ этому
у прикосновеннымъ.

— Скучно! Скучно!.. Ямщикъ удалой.
Разгони чѣмъ-нибудь мою скуку.
Пѣсню, что ли, пріятель, запой
Про рекрутскій наборъ и разлуку.—

уже этотъ начальный аккордъ, сразу дававшій почувствовать, чт
проѣзжаго барина грызетъ не простая скука, а—тоска, ищуща
отрады въ сближеніи съ народнымъ горемъ, долженъ былъ электри
ческимъ токомъ проходить по душѣ современнаго читателя.

— Ну, довольно, ямщикъ, разогналъ
Ты мою неотвязную скуку!—

саркастически прерываетъ баринъ грустный разсказъ ямщика,—
и какъ много сказано въ этихъ двухъ коротенькихъ желчныхъ
строчкахъ, заканчивающихъ пьесу! Нѣсколько позже, въ стихотво
реніи «Въ деревнѣ» у Некрасова прорывается та же горестна
нота:

Плачетъ старуха... *А мнѣ что за дѣло!*
Что и жалѣть, коли нечѣмъ помочь?

За видимой злостью слышится здѣсь тотъ же стонъ человѣка
силящагося заглушить червяка неспокойной совѣсти; это какъ бы
первый намекъ на то великое душевное смятеніе,—«больную со
вѣсть кающагося дворянина»,—которое съ такой яркостью и сило
выражено было во многихъ позднѣйшихъ стихотвореніяхъ Некрасова

Новое настроеніе, охватившее нашего поэта, не было чѣмъ-т
случайнымъ, мимолетнымъ: почти одновременно съ пьесой «В
дорогѣ», въ промежутокъ какихъ-нибудь полутора лѣтъ (1845—
1846), имъ было написано болѣе десятка замѣчательныхъ, про
никнутыхъ однимъ и тѣмъ же духомъ, стихотвореній, въ миніа
тюрѣ отражавшихъ какъ бы всю некрасовскую поэзію, намѣчав
шихъ почти всѣ главные мотивы, подробно развитые и разработан
ные поэтомъ впослѣдствіи *).

Въ «Тройкѣ», «Огородникѣ», «Псовой охотѣ» и «Родинѣ
передъ нами проходятъ яркія картины жизни деревенской кр
постной Россіи. Героиня «Тройки», въ сущности, та же Груш
(«Въ дорогѣ»); въ судьбѣ этихъ двухъ молодыхъ женщинъ, такж
какъ и въ несчастномъ романѣ огородника, поэтъ раскрываетъ во
безобразіе рабьихъ понятій о бѣлой и черной кости, раздѣленныхъ
непроходимой пропастью сословныхъ предразсудковъ. Живой чело
вѣческой души, по этимъ понятіямъ, нѣтъ; безъ жалости и по
щады приносится она въ жертву интересамъ кастовой выгоды
такъ называемой чести. Мрачное, злобное міровоззрѣніе, отравля

*) «Тройка», «Огородникъ», «Псовая охота», «Родина», «Въ невѣдом
глуши», «Пьяница», «Отрадно видѣть», «Старушкѣ», «Когда изъ мрака з
блужденья», «Передъ дождемъ», «Секретъ».

ее кругомъ себя атмосферу и развращающее мысль и чувство
ѣхъ, кто приходитъ съ нимъ въ соприкосновеніе,—одинаково
аба и рабовладѣльца!

Но уже въ эту раннюю пору, когда Некрасовъ впервые отдался
хватившей его волнѣ новыхъ мыслей и чувствъ, вопросъ обно-
ленія «стараго міра» представлялся ему въ очень широкихъ рам-
ахъ; онъ видѣлъ зло не въ одномъ только крѣпостномъ правѣ и
лялся защитникомъ отнюдь не одного крестьянскаго сословія, а
ѣхъ оскорбленныхъ, всѣхъ обездоленныхъ.

Сгораешь злобой тайною...
На скудный твой нарядъ
Съ насмѣшкой не случайною
Всѣ, кажется, глядятъ.
Все, что во снѣ мерещится,
Какъ-будто бы на зло
Въ глаза вотъ такъ и мечется.
Роскошно и свѣтло!
Все поводъ къ искушенію.
Все дразнитъ и язвитъ
И руку къ преступленію
Нетвердую манитъ.
Ахъ! если-бъ часть ничтожную!
Старушку полѣчить...
Но мгла отвсюду черная
Навстрѣчу бѣдняку...
Одна открыта торная
Дорога къ кабаку!

Такъ рисуетъ поэтъ въ стихотвореніи «Пьяница» душевное со-
яніе бѣдняка, озлобленнаго зрѣлищемъ несправедливыхъ общест-
нныхъ контрастовъ. Какъ и въ другомъ стихотвореніи того же
ріода—«Отрадно видѣть, что находитъ порой хандра и на глупца».
впервые встрѣчаемъ здѣсь характерную и оригинальную ноту
красовской поэзіи, ноту злобы, той «злобы тайной», которая тер-
тъ сердце приниженнаго человѣка, составляя мучительную отра-
его безпросвѣтнаго существованія.

Обликъ «неласковой и нелюбимой музы», «печальной спутницы
альныхъ бѣдняковъ, рожденныхъ для труда, страданья и оковъ»,
рисовывается передъ нами уже въ рѣзко опредѣленныхъ, свое-
азныхъ очертаніяхъ.

Со всей силой возмущеннаго чувства протестуетъ поэтъ про-
ъ «безсмысленнаго мнѣнія» толпы, «пустой и лживой», без-
ьно стонущей въ тискахъ нужды и горя и въ то же время го-
ой клеймитъ презрѣніемъ всякаго, кто въ жизненной борьбѣ яв-
ется не палачемъ, а жертвой. Стихотвореніе «Когда изъ мрака
нужденья» (даже на взглядъ враждебныхъ Некрасову критиковъ
«превосходное») было чуть ли не первой въ русской литературѣ
билитаціей падшей подъ гнетомъ нищеты и несчастія женщины.
близительно въ то же время написано и одобренное Бѣлинскимъ
хотвореніе «Старушкѣ», направленное вообще противъ «моралъ-
о вздора» опутавшихъ общество условій и предразсудковъ, от-

нимающихъ у него долю возможнаго счастья. Пьеса не была, однако включена авторомъ ни въ одно изданіе стихотвореній, да и въ журналѣ появилась не за полной подписью. Причина понятна: въ смыслѣ обработки она оставляетъ желать очень многаго *). Объясняется это, конечно, тѣмъ, что тема стихотворенія, хотя и вполнѣ реальная, не была подсказана Некрасову лично пережитымъ чувствомъ: вѣдь поэту было всего 23 года... Могучій лиризмъ Некрасова—и онъ самъ прекрасно чувствовалъ это—получалъ настоящій размахъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда вдохновлялся живой конкретной дѣйствительностью.

Таково оригинальное и сложное содержаніе стихотвореній, появившихся въ 1845—46 году и, несомнѣнно, глубоко поразившихъ современнаго читателя. Очевидно, новыя мысли и чувства бурей прошли по душѣ поэта, заставивъ зазвучать сразу всѣ ея струны...

Ощутивъ и сознавъ кровную связь съ роднымъ народомъ, Некрасовъ сразу нашелъ всѣ нужныя краски и для изображенія родной природы. Какъ пейзажистъ, уже въ 1846 году онъ является передъ нами съ своей особенной, ни на кого другого не похожей манерой.

Сторожъ вкругъ дома господскаго ходитъ.
Злобно зѣваетъ и въ доску колотитъ.
Мракомъ задернуты небо и даль,
Вѣтеръ осенній наводитъ печаль;
По небу тучи *угрюмыя* гонитъ,
По полю листья—и жалобно стонетъ...
Стало свѣтать . . . . . .
Чудная даль открывается взору:
Рѣчка внизу, подъ горою, бѣжитъ.

---

*) Напечатано въ августовской книжкѣ «Отеч. Зап.» за 1845 годъ.

Когда еще твой локонъ длинный
Вился надъ розовой щекой,
И я былъ юноша невинный,
Чистосердечный и пустой—
Ты помнишь: кой-о-чемъ мечтали
Съ тобою мы по вечерамъ,
И не забыла ты—давали
Свободу полную глазамъ.
И много высказалось взоромъ
Желаній тайныхъ, тайныхъ думъ;
Но побѣдилъ моральнымъ вздоромъ
Въ насъ сердце искаженный умъ.
И разошлись мы полюбовно,
И страсть разсѣялась, какъ дымъ...
И чрезъ полжизни хладнокровно
Опять сошлись мы—и хранимъ
Молчанье тягостное...
Такъ-то!
Когда-бъ къ избытку силъ младыхъ
Побольше разума и такта (?)—
Не такъ бы вялъ и горько-тихъ
Былъ часъ случайной поздней встрѣчи
Не такъ бы сжала насъ печаль,
Иной тоской звучали-бъ рѣчи,
Иначе было-бъ жизни жаль...

15 мая 1845 г. Н. Н—в

Инеемъ зелень долины блеститъ,
А за долиной, слегка бѣловатой,
Лѣсъ, освѣщенный зарей полосатой...
. . . . . .
Падаетъ *сизый* туманъ на долину,
Красное солнце *зашло вполовину*,
И показался съ другой стороны
Очеркъ безжизненно-блѣдной луны ..
Въ полѣ, завидѣвъ табунъ лошадей,
Ржетъ жеребецъ подъ однимъ изъ косарей...

унывный вѣтеръ гонитъ
ан тучъ на край небесъ,
ь *надломленная* стонетъ,
хо шепчетъ темный лѣсъ.
ь ручей, *рябой и пестрый*,
листкомъ летитъ листокъ,
струей *сухой и острой*
ибываетъ холодокъ.

Полумракъ на все ложится:
Налетѣвъ со всѣхъ сторонъ,
Съ крикомъ въ воздухѣ кружится
Стая галокъ и воронъ.
Надъ прорѣзжей тарантайкой
Спущенъ верхъ, передъ закрытъ;
И «пошелъ!»—привставъ съ нагайкой.
Ямщику денщикъ кричитъ.

Конечно, такого рода описаній природы не найдешь ни у Жуковскаго, ни у Пушкина съ Лермонтовымъ, ни даже у Кольцова. Все это очень мало походитъ на «Краснымъ полымемъ заря вспыхнула» или: «Въ небесахъ торжественно и чудно»... Краски Некрасова будничнo-сѣры, образы удивительно-просты, прозаически нальны; отдѣльные углы рисуемой картины кажутся порой грубыми и неэстетичными... И, однако, странное дѣло: читатель чувствуетъ себя захваченнымъ, покореннымъ этой сѣрой, но безконечно милой красотою сѣвернаго пейзажа; родная природа живетъ и дышитъ передъ его глазами, и невольно хочется воскликнуть: «Здѣсь русскій духъ, здѣсь Русью пахнетъ»!...

VI.

Основныя черты некрасовскаго лиризма. Мелкіе недостатки и великіе достоинства.

Долго зрѣвшее вдохновеніе вылилось въ могучемъ и широкомъ аккордѣ. Какъ мы только что видѣли, Некрасовъ сразу затронулъ почти всѣ главные мотивы своей поэзіи. Нельзя, однако, сказать, чтобы въ слѣдующіе затѣмъ годы муза его отличалась особенной плодовитостью. Выпадали періоды, когда онъ писалъ по одному, много—по три небольшихъ стихотворенія за цѣлый годъ (счастли-

вымъ исключеніемъ былъ только 1853 годъ, къ которому относит
цѣлыхъ двѣнадцать пьесъ). Напавъ на настоящую дорогу, сознав
настоящее свое призваніе, поэтъ все еще, казалось, не былъ въ себ
увѣренъ, и съ крайней осторожностью, почти робостью пользовал
своимъ поэтическимъ даромъ. Впрочемъ, слѣдуетъ принять и то в
разсчетъ, что для русской литературы это были исключительн
тяжелые годы, меньше всего благопріятствовавшіе расцвѣту тако
именно музы, какъ Некрасовская («музы гордой и несчастной, к
пѣвшей злобою безгласной»)...

...Нѣкій образъ посѣщать
Меня въ часы работы сталъ:
Съ перомъ, со склянкою чернилъ
Онъ надъ душой моей стоялъ,
Воображенье леденилъ,
У мысли крылья обрывалъ.

Такимъ образомъ за первое десятилѣтіе (1845—1854), кром
указанныхъ уже выше, можно отмѣтить еще лишь слѣдующія вы
дающіяся стихотворенія: «Ѣду ли ночью», «Муза», «Маша», «П
возчикъ», «Памяти Бѣлинскаго», «Буря», «Несжатая полоса
«Власъ», «Свадьба», «Блаженъ незлобивый поэтъ» и «Внима
ужасамъ войны». Все это, сравнительно, небольшія по объему вещ
Но зато въ теченіе слѣдующихъ десяти лѣтъ (1855—1864), о
крывшихъ собою новую эру для жизни всей Россіи, Некрасовъ о
наруживаетъ почти лихорадочную дѣятельность. Онъ приступает
къ созданію широкихъ картинъ общественной и народной жизни,
первымъ блестящимъ опытомъ этого рода является поэма «Саша
Большія вещи чередуются съ множествомъ мелкихъ лирическим
пьесъ. Рядомъ съ «Несчастными», «Поэтомъ и гражданиномъ»
«Тишиною», «Убогой и нарядной», «Въ больницѣ», «Размышле
ніями у парадная подъѣзда», «О погодѣ», «На Волгѣ», «Рыцарем
на часъ», «Папашей», «Дешевой покупкой», «Крестьянским
дѣтьми», «Деревенскими новостями», «Коробейниками», «Мор
зомъ-Краснымъ Носомъ», «Ориной» и «Желѣзной дорогой» необх
димо отмѣтить въ это время: «Праздникъ жизни», «На родинѣ
«Замолкни Муза», «Школьникъ», «Прости», «Забытая деревня
«Тяжелый годъ», «Въ столицахъ шумъ», «Ночь», «Одинокій, п
терянный», «Плачъ дѣтей», «Похороны», «Свобода», «Стихи мои
«Зеленый шумъ», «Въ полномъ разгарѣ страда деревенская», «На
рывается сердце», «Памяти Добролюбова», «Благодареніе Госпо
Богу». Уже изъ этого неполнаго перечня произведеній Некрасова
«шестидесятые» годы видно, что десятилѣтіе это было наиболѣе к

учнымъ и плодотворнымъ въ его творческой дѣятельности, какъ наолѣе кипучимъ и плодотворнымъ было оно и въ жизни всей оссіи. Муза Некрасова всегда чутко отражала біеніе общестеннаго пульса страны.

Съ паденіемъ этого пульса въ серединѣ 60-хъ годовъ, замѣчается временный отливъ и въ поэзіи Некрасова: для нея это—печальый періодъ возрожденія фельетона... Онъ пишетъ: «Притчу о писелѣ», «Крещенскіе морозы», «Кому холодно, а кому жарко», Газетную», «Пѣсни о свободномъ словѣ», «Балетъ», «Судъ», «Еще ойку»... Огромный талантъ и въ это время продолжаетъ, однако, спыхивать яркими искрами,—таковы стихотворенія: «Лукетъ рагъ», «Неизвѣстному другу», «Съ работы», «Стихотворенія для тей», «Медвѣжья охота».

Зато послѣднее десятилѣтіе жизни поэта (1868—1877) отмѣено новымъ чрезвычайнымъ подъемомъ и ростомъ поэтическаго ворчества: къ этому именно періоду относятся «Русскія женщиы», «Кому на Руси жить хорошо», «На смерть Писарева», «Душно зъ счастья и воли», «Страшный годъ», «Памяти Шиллера», «Три егіи», «Уныніе» и, наконецъ, несравненныя «Послѣднія пѣсни»...

Окидывая мысленнымъ взоромъ эту огромную поэтическую рату, раскинутую на пространствѣ тридцати двухъ лѣтъ порашешься прежде всего яркой опредѣленностью, если можно такъ вызиться—безспорностью писательской физіономіи Некрасова. Педъ нами рѣзко очерченная, удивительно-своеобразная индивидуьность, которую ни съ какой другой, на самое даже короткое новеніе, не смѣшаешь. Лишь очень немногіе изъ самыхъ крупихъ писателей нашихъ могли бы въ этомъ отношеніи посоперничть съ Некрасовымъ. Даже, напримѣръ, Пушкинъ, при всей исключительности его значенія для русской литературы, остается до къ поръ предметомъ разногласій для критики, хотя о сущности «пафоса» уже исписаны цѣлыя горы бумаги. Съ одинаковымъ, жно сказать, успѣхомъ пытаются перетянуть его на свою сторону едставители прямо враждебныхъ другъ другу литературныхъ отій... То же, или почти то же можно сказать про Лермонтова. залось бы, протестующій характеръ его поэзіи не подлежитъ ру. Но противъ чего, собственно, былъ направленъ его протестъ этотъ вопросъ каждый изъ критиковъ рѣшалъ и рѣшаетъ по ему. Для однихъ «въ поэзіи Лермонтова слышались слезы тяжобиды», вызванныя тѣмъ, что никогда съ такой безцеремонтью, какъ въ николаевское время, права, честь и достоинство

человѣка не приносились въ жертву идеѣ бездушнаго, холодна
формализма. Лермонтовъ, согласно этому мнѣнію, поистинѣ геніал
но выразилъ всю ту скорбь, какою преисполнены были его совр
менники... Между тѣмъ, одинъ изъ новѣйшихъ критиковъ Лермо
това высмѣиваетъ такое толкованіе его поэзіи. «Можно ли бол
фальшиво,—спрашиваетъ г. Андреевскій,—объяснять источни
скорби поэта?! Точно въ самомъ дѣлѣ послѣ николаевской эпохи,
періодъ реформъ, Лермонтовъ чувствовалъ бы себя, какъ рыба
водѣ! *) Точно послѣ освобожденія крестьянъ, и въ особенности
60-е годы, открылась дѣйствительная возможность «вѣчно любит
одну и ту же женщину? Или совсѣмъ искоренилась «месть враго
и клевета друзей»?.. Современный Лермонтову формализмъ не в
звалъ у него ни одного звука (?) протеста. Обида, которою страда
поэтъ, была причинена ему свыше—Тѣмъ, Кому онъ адресова
свою ядовитую благодарность».

Очевидно, не такъ легко найти опредѣляющую сущность и Ле
монтовской поэзіи. Относительно Некрасова такого затрудненія, ка
будто, не существуетъ. Одно имя—и у друзей такъ же, какъ
враговъ, сразу возникаетъ передъ глазами суровый и печальны
обликъ писателя, который «лиру посвятилъ народу своему». Поэ
самъ далъ своей поэзіи мѣткое и характерное опредѣленіе «му
мести и печали»—и оно стало ходячимъ. Одна ослѣпительно-ярка
скорбная, гнѣвно-рыдающая нота, не умолкая на протяженіи три
цати слишкомъ лѣтъ, звучитъ въ его стихахъ, «народному вра
проклятія суля, а другу у небесъ могущества моля». На народѣ
средоточены всѣ чаянія, тревоги, любовь и печаль Некрасова; счас
народа—всѣ его помыслы,—народа, какъ совокупности всѣхъ тр
дящихся и обремененныхъ. Но такъ какъ подавляющую массу р
скаго народа составляетъ крестьянство, то не мудрено, что поэ
всего чаще и охотнѣе воспѣваетъ мужицкое горе. Съ теченіе
времени русскій мужикъ становится для Некрасова какъ бы вопл
щеніемъ, символомъ человѣческаго страданія, живымъ образо
русскаго Прометея...

О личныхъ своихъ мукахъ поэтъ, такъ много выстрадавш
столько тяжелаго пережившій, говоритъ удивительно мало по ср
ненію съ другими поэтами-лириками, да когда и говоритъ, то бо

*) Мимоходомъ напомнимъ почтенному критику, что вѣдь и Некрасовъ,
«земномъ» характерѣ протеста котораго не можетъ быть сомнѣнія, не ст
чувствовать себя, «какъ рыба въ водѣ», съ наступленіемъ «эпохи реформ

лею частью для того только, чтобы заклеймить себя, какъ плохого
ражданина, разсказать о своихъ ошибкахъ и даже паденіяхъ... И
амое большое, чего проситъ онъ отъ читателя, отъ родины, это—
е вѣрить клеветѣ и простить его за дѣйствительныя вины... Много
ужно имѣть зложелательства и безстыдства, чтобы Некрасова съ
го цѣломудренно-скромной, можно сказать — самоотверженной музой
бвинять въ желаніи разыгрывать роль «гражданскаго мученика»!

Какъ поэтъ, Некрасовъ—лирикъ по преимуществу, лирикъ,
ереполненый однимъ сильнымъ и глубокимъ чувствомъ, всегда и
сюду одушевленный одной идеей, ни на минуту не выпускающій
и изъ виду. Пишетъ ли онъ коротенькое лирическое стихотворе-
іе, большую ли эпическую вещь, смѣется ли, плачетъ ли—онъ
се тотъ же; даже когда рисуетъ простую картинку природы,—по
роникающему ее грустно-щемящему или умиленно-любовному чув-
ству, по какому-то особенному *некрасовскому* тону вы тотчасъ же
огадываетесь, что поэтъ ни на секунду не разстается съ своей «со-
рушительной думой».

Поздняя осень. Грачи улетѣли.
Лѣсъ обнажился, поля опустѣли...
Только не сжата полоска одна...

Своеобразный складъ, своеобразная музыка: если бы вы не знали
аже наизусть всего стихотворенія, уже этими первыми строчками
ы настроены на тонъ грустнаго разсказа. Или, вотъ, отрывокъ изъ
Крестьянскихъ дѣтей»:

Опять я въ деревнѣ. Хожу на охоту,
Пишу мои вирши. Живется легко.
Вчера, утомленный ходьбой по болоту,
Забрелъ я въ сарай и заснулъ глубоко.
Проснулся: въ широкія щели сарая
Глядятся веселаго солнца лучи,
Воркуетъ голубка; надъ крышей летая,
Кричатъ молодые грачи.
Летитъ и другая какая-то птица—
По тѣни узналъ я ворону какъ разъ.
Чу! шопотъ какой-то... А вотъ вереница
Вдоль щели внимательныхъ глазъ.
Всѣ сѣрые, каріе, синіе глазки—
Смѣшались, какъ въ полѣ цвѣты...

Въ этой безподобной картинкѣ грусти и слѣда нѣтъ, но все же
о не объективно-спокойный, эпическій разсказъ. Развѣ вы не
ышите здѣсь разлитаго въ каждой строчкѣ чувства глубокаго уми-
нія, того умиленія, которое испытываетъ человѣкъ, разсказываю-

щій о самомъ дорогомъ для него и завѣтномъ? И таковъ Некрасов всегда. Даже въ произведеніяхъ, по внѣшности строго эпическихъ посвященныхъ изображенію народнаго быта («Коробейники», «Ком на Руси жить хорошо»), онъ остается, въ сущности, лирикомъ, раз сматривающимъ и природу, и жизнь сквозь призму личнаго чувства Въ этомъ отношеніи любопытно сравнить Некрасова, напримѣръ, с Пушкинымъ.

Лира Пушкина—дивный инструментъ, рѣшительно при вся комъ прикосновеніи издающій гармоническіе звуки. Всѣ явленія міра, какъ въ зеркалѣ, отражаются въ чуткой душѣ поэта, и он переливаетъ ихъ въ яркіе поэтическіе образы, часто совершенно не зависимые отъ собственныхъ его настроеній. Такъ, картины вре менъ года въ «Евгеніи Онѣгинѣ» никакого видимаго отношенія н имѣютъ къ внутреннему міру героевъ романа: онѣ вполнѣ объектив ны и безстрастны. Сейчасъ же послѣ трагической смерти Ленскаг идетъ такое описаніе весны:

Гонимы вешними лучами,
Съ окрестныхъ горъ уже снѣга
Сбѣжали мутными ручьями
На потоплённые луга.
Улыбкой ясною природа
Сквозь сонъ встрѣчаетъ утро года;
Синѣя, блещутъ небеса.
Еще прозрачные лѣса
Какъ будто пухомъ зеленѣютъ;
Пчела за данью полевой
Летитъ изъ кельи восковой.
Долины сохнутъ и пестрѣютъ,
Стада шумятъ и соловей
Ужъ пѣлъ въ безмолвіи ночей.

Поистинѣ «красою вѣчною сіяетъ равнодушная природа»! Или—какъ объективна, напр., пушкинская «Туча» («Послѣдня туча разсѣянной бури»): знаменитое стихотвореніе, какъ извѣстно внушено было поэту счастливо промчавшейся надъ его голово грозою изъ III отдѣленія, а между тѣмъ, въ самой пьесѣ уже н видно этого личнаго чувства. Вотъ это то умѣнье поэта какъ бы от рѣшаться отъ собственной личности и ея внутренняго міра и ест первое необходимѣйшее условіе эпическаго творчества. У Некрасов такого умѣнья почти не было; въ его произведеніяхъ все тѣснѣй шимъ образомъ связано съ общимъ душевнымъ строемъ автора...

Возьмите, напр , картину вырубки лѣса въ некрасовской поэм «Саша». Тутъ все до того отражаетъ субъективное настроеніе юно

роини, что читатель проникается даже злобой къ «явившимся съ
порами» мужикамъ!.. Эту сравнительную односторонность, эту не-
статочную широту поэтической воспріимчивости, быть можетъ,
ѣдуетъ признать крупнымъ недостаткомъ Некрасова, какъ худож-
ка, но въ немъ же, въ этомъ «недостаткѣ», нужно искать и при-
ну его огромной силы, секретъ необычайной власти надъ чуткими
отзывчивыми сердцами. Поэтъ пушкинскаго типа врядъ ли могъ
съ такимъ блестящимъ успѣхомъ выполнить поэтическую миссію
охи освобожденія...

Подобно миѳическому Антею, который дѣлался неодолимо-силь-
мъ, прикасаясь ногами къ матери-землѣ, Некрасовъ поднимает-
во весь ростъ своего могучаго таланта, и голосъ его пріобрѣ-
етъ полную силу всякій разъ, какъ поетъ о горѣ народномъ; на-
отивъ, удаляясь отъ этого главнаго возвышающаго источника,
ь какъ будто ослабѣваетъ, утрачиваетъ свои чары. «Чиновника»,
овременную оду», «Колыбельную пѣсню», «Нравственнаго чело-
ка», «Прекрасную партію», всѣ сатиры 65—67 гг., «Недавнее
емя», большую сатирическую поэму «Современники» мы знали
, можетъ быть, не больше, чѣмъ многія остроумныя стихотворе-
я Минаева и Курочкина, если бы не подкупающее, гипнотизирую-
е имя Некрасова... Съ другой стороны, въ нѣкоторыхъ и изъ
ько что названныхъ, сравнительно слабыхъ, вещей Некрасовъ
ругъ, точно по мановенію волшебнаго жезла, изъ юмориста средня-
таланта превращается снова въ перворазряднаго лирика и соз-
етъ лучшіе свои шедевры, какъ только «попадаетъ на своего
ька», вдохновляется впечатлѣніями и идеями извѣстнаго по-
дка. Вспомните, читатель, то мѣсто въ «Балетѣ», вяломъ и
льетонно-болтливомъ, гдѣ на сцену выходитъ въ крестьянской
бахѣ Петипа—«и театръ застоналъ».

Все—до ластовицъ бѣлыхъ въ рубахѣ—
Было вѣрно: на шляпѣ цвѣты,
Удаль русская въ каждомъ размахѣ.—
Не артистка—волшебница ты.
Все слилось въ оглушительномъ «браво»,
Дань народному чувству платя,
Только ты, моя муза, лукаво
Улыбаешься... Полно, дитя!
Неумѣстна здѣсь строгая дума,
Неприлична гримаса твоя...
Но молчишь ты, скучна и угрюма...
Что-жъ ты думаешь, муза моя?
На конекъ ты попала обычный,

На умѣ у тебя мужики,
За которыхъ на сценѣ столичной
Петина пожинаетъ вѣнки.
И ты думаешь: Гурія рая!
Ты мила, ты воздушно-легка,
Такъ танцуй же ты «Дѣву Дуная»,
Но въ покоѣ оставь мужика!
Въ мерзлыхъ лапоткахъ, въ шубѣ нагольной,
Весь запндевѣвъ, самъ за себя,
Въ эту пору онъ пляшетъ довольно...
. . . . . .
Прямикомъ черезъ рѣки, поля
Ѣдутъ путники узкой тропою:
Въ бѣломъ саванѣ смерти земля,
Небо хмурое, полною мглою.
Отъ утра до вечерней поры
Все однѣ предъ глазами картины:
Видишь, какъ, обнажая бугры,
Вѣтеръ снѣгомъ заноситъ лощины,
Видишь, какъ подъ кустомъ иногда
Пропорхнетъ эта милая пташка,
Что отъ насъ не летитъ никуда
(Любитъ скудный нашъ сѣверъ, бѣдняжка!).
Или, щелкая, стая дроздовъ
Пролетитъ и посядетъ на ели:
Слышишь дикіе стоны волковъ
И визгливое пѣнье мятели...
Снѣжно, холодно... Мгла и туманъ...
И по этой унылой равнинѣ
Шагъ за шагомъ идетъ караванъ
Съ сѣдоками въ промерзлой овчинѣ.

Это ѣдутъ мужики изъ города, гдѣ сдали въ солдаты сыновей и везутъ домой страшную кладь—крестьянское горе:

Гдѣ до солнца идетъ за порогъ
Съ топоромъ на работу кручина,
Гдѣ на бѣлую скатерть дорогъ
Позднимъ вечеромъ свѣтитъ лучина,
Тамъ найдется кому эту кладь
По суровымъ сердцамъ разобрать,
Тамъ она пріютится, попрячется,
До другого набора проплачется!..

Эта картина безъисходнаго мужицкаго горя на сумрачномъ фон зимней русской природы—даже и у Некрасова одна изъ наиболѣ сильныхъ, а, между тѣмъ, вкраплена она въ одно изъ самыхъ по средственныхъ стихотвореній...

Не менѣе замѣчательна бурлацкая пѣсня «Въ гору» («Хлѣ бушка нѣтъ!»), распѣваемая разбойничьимъ хоромъ «героевъ време

» въ остроумной мѣстами, но въ общемъ прозаической и растя-утой сатирической поэмѣ «Современники».

Итакъ, мы не отрицаемъ извѣстной односторонности поэтиче-ской воспріимчивости Некрасова, односторонности, вытекающей изъ его душевнаго строя поэта. Съ точки зрѣнія требованій «чистаго кусства» это, конечно, болѣе или менѣе существенный недоста-къ. Но, подобно тому, какъ въ живомъ человѣческомъ лицѣ наи-льшую прелесть составляетъ иногда то, что меньше всего отвѣ-етъ отвлеченнымъ требованіямъ эстетики, въ Некрасовѣ,—какъ ы уже сказали,—теоретическій недостатокъ является нерѣдко ис-чникомъ силы и обаянія поэта. Говоря такъ, мы вовсе не думаемъ, нечно, утверждать, что поэзія Некрасова свободна рѣшительно ъ всякихъ изъяновъ и недочетовъ; напротивъ, ихъ очень много... ы знаемъ это ничуть не хуже его многочисленныхъ недруговъ, ыскивающихъ малѣйшій предлогъ, чтобы отнять у своего идей-го противника самый титулъ поэта. Мы только твердо увѣрены, о Некрасову не страшна никакая критика, и что наши потомки дутъ еще читать и любить его произведенія въ то время, когда останется уже и слѣда отъ крикливой славы тѣхъ геніевъ, ко-рыхъ намъ ставили и ставятъ въ примѣръ настоящей красоты и личія. Мы даже думаемъ, что, добросовѣстно отмѣтивъ недостатки красова, мы тѣмъ лучше сумѣемъ понять, чѣмъ въ дѣйствитель-сти силенъ Некрасовъ, что есть въ его поэзіи великаго и не-ходящаго.

Безъ обиняковъ слѣдуетъ, прежде всего, признать тотъ при-орбный фактъ, что періодъ долгой подневольной работы, писанія льетоновъ, водевилей, мелодрамъ, пародій и юмористическихъ плетовъ не прошелъ для нашего поэта безнаказанно, испортивъ нѣкоторой степени его природное чутье художественной мѣры и кта и отучивъ тщательно работать надъ воплощеніемъ поэти-скаго образа въ стихотворную форму. У насъ есть блестящій разчикъ того, чего могъ достичь Некрасовъ, слѣдуя собственному авилу:

Стихъ, какъ монету, чекань
Строго, отчетливо, честно:
Правилу слѣдуй упорно—
Чтобы словамъ было тѣсно.
Мыслямъ просторно!

Мы имѣемъ въ виду «Бурю» («Долго не сдавалась Любушка-ѣдка»). Напечатанное первоначально въ «Современникѣ» 1850 г.,

стихотвореніе это было длинно и безцвѣтно; въ печати его осмѣяли. Но три года спустя Некрасовъ передѣлалъ пьесу, сокративъ больш чѣмъ на половину, снабдивъ болѣе пѣвучимъ метромъ и расцвѣ тивъ удивительно жизненными красками: «Буря» стала неузнава мой! Къ сожалѣнію, такую виртуозность въ обработкѣ формы поэт проявлялъ далеко не всегда; обыкновенно онъ почти не дѣлалъ по правокъ въ напечатанномъ разъ текстѣ, оставляя безъ внимані всѣ указанія и насмѣшки критики.

Примѣровъ не только стилистическихъ, но и поэтическихъ про маховъ Некрасова можно привести не мало. Однимъ изъ самыхъ важныхъ, на нашъ взглядъ, является уже много разъ отмѣченно критикой центральное мѣсто въ стихотвореніи «Ѣду ли ночью» Эта превосходная въ общемъ вещь пользовалась и пользуется вполн заслуженной популярностью; чего стоятъ хотя бы первыя строки:

Ѣду ли ночью по улицѣ темной,
Бури ль заслушаюсь въ пасмурный день,—
Другъ беззащитный, больной и бездомный,
Вдругъ предо мной промелькнетъ твоя тѣнь!

Тутъ опять сказывается обычная способность Некрасова нѣ сколькими словами, сразу создать у читателя извѣстное душевно настроеніе: вы не прочли еще слѣдующаго стиха, а сердце уж стѣснилось «мучительной думой». И вотъ, въ этомъ-то удивитель номъ стихотвореніи Некрасовъ допустилъ психологически-невѣроят ную мелодраму: молодая, гордая женщина, сейчасъ же послѣ смерт ребенка, въ виду его еще не остывшаго трупа и на глазахъ у боль ного мужа, «принаряжается, будто къ вѣнцу» и идетъ на улиц продавать себя... Для чего? Для того только, чтобы купить «гробик ребенку и ужинъ отцу». Но для этого такъ немного нужно, чт было бы, конечно, достаточно—продать «вѣнчальный» наряд Если бы моментъ былъ выбранъ поэтомъ нѣсколько иной, если бы напр., мать отправилась на улицу, видя страданія своего ребенк и надѣясь еще спасти его, мы бы ее поняли; но то положеніе, ко торое изображаетъ Некрасовъ, не вызываетъ къ себѣ ни малѣйша го сочувствія, потому что оно по существу фальшиво. Разумѣется ни одна въ мірѣ женщина такъ не поступитъ...

Той же мелодрамой, немыслимой въ живой дѣйствительности слѣдуетъ назвать и ту сцену во II части «Несчастныхъ», гд каторжники хоромъ отпѣваютъ «въ бѣшеномъ весельи» своег *умирающаго* товарища. Совсѣмъ не такъ ведутъ себя въ подобны минуты русскіе арестанты (вспомнимъ, напримѣръ, сцену смерт

Михайлова въ «Зап. изъ Мертваго дома» Достоевскаго)... Не говоримъ уже о томъ, что нигдѣ въ Россіи каторжныхъ не держатъ въ подземельяхъ (у Некрасова дѣйствіе происходитъ вечеромъ—значитъ, не въ рабочее время). Въ тѣхъ же «Несчастныхъ» Кротъ заинтересовываетъ арестантовъ разсказами о Петрѣ Великомъ. Казалось бы, достаточно посвятить этимъ разсказамъ два-три, много—пять вечеровъ, у Некрасова же «*сто* вечеровъ до поздней ночи онъ говорилъ намъ про него»! Къ слову сказать въ цыфрахъ нашъ поэтъ вообще не знаетъ мѣры. Чиновникъ изъ «Филантропа» (напечатаннаго въ 873 г.) разсказываетъ про себя: «Минетъ *сорокъ* лѣтъ зимой, какъ щеку сталъ подвязывать, отморозивши хмѣльной». Дѣйствіе разсказа относится этимъ фактомъ ко времени нашествія французовъ. Некрасовъ имѣетъ, конечно, въ виду обличеніе современной ему эпохи. Помѣщикъ изъ «Кому на Руси жить хорошо» тоже *сорокъ* лѣтъ безвыѣздно живетъ въ деревнѣ, а, между тѣмъ, не умѣетъ отличить ржаного колоса отъ ячменнаго... Въ лютый крещенскій морозъ въ Петербургѣ Некрасовъ на пространствѣ *пяти* саженей насчитываетъ «*до сотни*» отмороженныхъ щекъ и ушей... У присутственныхъ мѣстъ въ томъ же Петербургѣ стоятъ *сотни сотенъ* (значитъ, самое меньшее—сорокъ тысячъ!) крестьянскихъ дровней..

Вычурнымъ и неестественнымъ кажется намъ конецъ прелестнаго стихотворенія «Выборъ», гдѣ дѣвушка, задумавшая наложить на себя руки, ничего лучшаго не находитъ, какъ броситься внизъ головой... съ огромнаго дерева. Въ поэмѣ «Дѣдушка» сынъ, встрѣчающій возвращеннаго изъ ссылки отца-декабриста, «предъ отцомъ преклонился, *ноги омылъ старику*»... Княгиня Волконская скатывается вмѣстѣ съ кибиткой «съ высокой вершины Алтая»—и ничего, остается жива и здорова (ужъ не подчеркиваемъ, что «вершины Алтая» стоятъ далеко въ сторонѣ отъ ея дороги). *) Фигура Лавелія, «богатыря святорусскаго», носитъ явный отпечатокъ ги-

*) Теперь, послѣ опубликованія подлинныхъ записокъ кн. М. Н. Волконской, изъ предисловія къ нимъ мы знаемъ, что Некрасовъ писалъ 2-ю часть своихъ «Русскихъ женщинъ», строго придерживаясь документальныхъ свидѣтельствъ. Не одинъ упрекъ критики въ тенденціозной и сантиментальной выдумкѣ разъ и навсегда отпадаетъ... Между прочимъ, Алтай оказывается фигурирующимъ и въ подлинныхъ запискахъ кн. Волконской, такъ что Некрасовъ повторилъ только ея ошибку; но у него употреблено двусмысленное выраженіе «*поѣхала* съ кибиткой», тогда какъ кн. Волконская пишетъ, что лошади «*повезли* ее съ самой высокой горы Алтая». См. интересную статью А. Г. Горнфельда «*Русскія женщины* Некрасова въ новомъ освѣщеніи» («Русск. Бог.» 1904 г. № 4).

перболы и шаржа, а сантиментальная исторія съ губернаторше точно будто, взята изъ какого-нибудь пасторальнаго романа... В главѣ «Счастливые» (въ той же поэмѣ «Кому на Руси жить хор шо») бросается въ глаза слѣдующій досадный недосмотръ. Въ пьяну праздничную ночь, расположившись за деревней подъ густой липо странники «проклинаютъ кличъ» въ бродящей кругомъ подвы пившей толпѣ мужиковъ: «Нѣтъ ли гдѣ счастливаго? На слав угостимъ!» И вотъ, вмѣстѣ съ разными другими счастливцам «пришелъ съ *тяжелымъ молотомъ* каменотесъ-олончанинъ» Спрашивается: откуда и зачѣмъ взялся у него въ такую пору м лотъ? Конечно, онъ явился на сцену единственно для красоты слога. Подобныхъ промаховъ и недосмотровъ у Некрасова не оберешься. В первоначально напечатанномъ текстѣ стихотворенія «Въ деревнѣ были стихи: «Добрая барыня Марья Романовна на три *молебн* дала» (вм. «панихиды»)... И еще: «Деньги семнадцать рублей з упокой *его* душеньки подали» (выходило: за упокой душеньк медвѣдя)... Но эти обмолвки были позже устранены поэтомъ. За т въ «Бурѣ» такъ и остался навсегда стихъ:

Промочила ножки и хоть выжми *шубку*,

хотя рѣчь идетъ о лѣтней грозѣ... Но всего досаднѣе недосмотръ в превосходной картинѣ рубки лѣса въ поэмѣ «Саша»:

Тамъ, изъ-за старой нахмуренной ели,
Красныя грозди калины глядѣли...

Значитъ, дѣло происходитъ осенью (осенью и производитс обыкновенно рубка лѣса); но дальше появляются вдругъ на сцен разѣвающіе желтые рты галчата, которые выводятся только весною.

Прозаическіе обороты и цѣлыя тирады, къ сожалѣнію, нерѣдк врываются у Некрасова диссонансомъ въ самыя безукоризненны вещи, написанныя «безсмертной красоты стихамп». Въ «Рыцарѣ н часъ», напр., читаемъ:

Даль глубоко-прозрачна, чиста,
Мѣсяцъ полный плыветъ надъ дубровой,
И господствуютъ въ небѣ цвѣта
Голубой, бѣловатый, лиловый...

Или, въ замѣчательную по поэтическому, чисто-народному ко лориту пѣсню воеводы-Мороза (въ поэмѣ «Морозъ—Красный Носъ» обходящаго дозоромъ свои лѣсныя владѣнья, замѣшиваются какимъ то образомъ такіе грубые стихи:

Безъ мѣлу всю выбѣлю рожу,
А носъ запылаетъ огнемъ,

И бороду такъ приморожу
Къ возжамъ—хоть руби топоромъ!

Наконецъ, въ «Крестьянскихъ дѣтяхъ» есть такое стихотворное разсужденіе:

Положимъ, крестьянскій ребенокъ свободно
Растетъ, не учась ничему... и т. д.

Этотъ, какъ видитъ читатель, довольно длинный перечень проаховъ и изъяновъ Некрасова, при желаніи, можно бы увеличить, о зачѣмъ? Что этимъ было бы доказано? По нашему мнѣнію, только одно, что высокодаровитый поэтъ, превосходно знавшій русскую йствительность и русскую природу, на зарѣ жизни, когда другіе ноши еще учатся, спокойно и безпрепятственно развивая свои юсобности, прошелъ уже тяжелую школу черной литературной аботы, постоянной спѣшки и лихорадочнаго возбужденія. Не поучивъ систематическаго образованія, Некрасовъ, по всей справедивости, можетъ быть названъ геніальнымъ самородкомъ. Указыать на слабости и частные промахи его, въ доказательство того, го онъ не былъ поэтомъ,—нелѣпо, дико. Если бы мы захотѣли ривести изъ Некрасова—въ качествѣ не аргумента, а лишь приѣра—какое-нибудь стихотвореніе, отрывокъ высокой художественной цѣнности, мы сильно затруднились бы выборомъ: до того ного у Некрасова истинно поэтическихъ, прекрасныхъ стиховъ, и акъ много каждый изъ насъ знаетъ ихъ наизусть. Но, конечно, итатель съ удовольствіемъ перечитаетъ еще разъ слѣдующія строки, авныхъ которымъ по красотѣ не много знаетъ русская поэзія:

се рожь кругомъ, какъ стѣнъ живая,
и замковъ, ни морей, ни горъ...
асибо, сторона родная,
твой врачующій просторъ!
дальнимъ Средиземнымъ моремъ,
одъ небомъ ярче твоего.
скалъ я примиренья съ горемъ—
не нашелъ я ничего!..
твой. Пусть ропотъ укоризны
мною по пятамъ бѣжалъ,
е небесамъ чужой отчизны—
пѣсни родинѣ слагалъ!
нынѣ жадно повѣряю
ечту любимую мою
въ умиленьи посылаю
сему привѣтъ...
рамъ Божій на горѣ мелькнулъ
дѣтски-чистымъ чувствомъ вѣры

Внезапно на душу пахнулъ.
Нѣтъ отрицанья, нѣтъ сомнѣнья,
И шепчетъ голосъ неземной:
Лови минуту умиленья,
Войди съ открытой головой!
Какъ ни тепло чужое море,
Какъ ни красна чужая даль—
Не ей поправить наше горе,
Размыкать русскую печаль!
Храмъ воздыханья, храмъ печали—
Убогій храмъ земли твоей:
Тяжеле стоновъ не слыхали
Ни римскій Петръ, ни Колизей!
Сюда народъ, тобой любимый,
Своей тоски неодолимой
Святое бремя приносилъ—
И облегченный уходилъ!
Войди! Христосъ наложитъ руки

И сниметъ волею святой
Съ души оковы, съ сердца муки
И язвы съ совѣсти больной...
Я внялъ... я дѣтски умилился...
И долго я рыдалъ и бился
О плиты старыя челомъ,
Чтобы простилъ, чтобъ заступился
Чтобъ осѣнилъ меня крестомъ
Богъ угнетенныхъ, Богъ скорбящихъ
Богъ поколѣній, предстоящихъ
Предъ этимъ скуднымъ алтаремъ!

Напомнимъ еще картину другого возвращенія поэта на роди
—въ началѣ поэмы «Саша»; также—изображеніе дѣвичьей тос
по миломъ въ «Коробейникахъ» («Хорошо было дѣтинушкѣ»), и
горя оскорбленной, поруганной женщины-матери въ «Крестьянк
(«Я пошла на рѣчку быструю»). А какія оригинальныя, чист
народныя картины родной природы встрѣчаются въ главномъ с
зданіи Некрасова—«Кому на Руси жить хорошо».

Весной, что внуки малые,
Съ румянымъ солнцемъ-дѣдушкой
Играютъ облака:
Вотъ правая сторонушка
Одной сплошною тучею
Покрылась-затуманилась,
Стемнѣла и заплакала!..
Рядами нити сѣрыя
Повисли до земли.
А ближе, надъ крестьянами,
Изъ небольшихъ, разорванныхъ
Веселыхъ облачковъ
Смѣется солнце красное,
Какъ дѣвка изъ сноповъ.
Но туча передвинулась.
Попъ шляпой накрывается
Быть сильному дождю.
А правая сторонушка
Уже свѣтла и радостна.
Тамъ дождь перестаетъ:
Не дождь—тамъ чудо Божіе
Тамъ съ золотыми нитками
Развѣшаны мотки...

Мы намѣренно не называемъ здѣсь стихотвореній, посвящен
ныхъ памяти мученицы-матери, или такихъ, какъ «Ликует
врагъ», «Душно безъ счастья», «Баюшки-баю» и т. п., чтобы нам
не сказали: въ этихъ вещахъ плѣняетъ васъ не поэзія собственн
а глубина человѣческаго страданія, или высота гражданскаго чу
ства... Никакого отношенія къ этому послѣднему не имѣетъ, напр
слѣдующее, мало почему-то извѣстное, но удивительно-поэтическ
стихотвореніе:

Тяжелый годъ—сломилъ меня недугъ,
Бѣда застигла, счастье измѣнило:
И не щадитъ меня ни врагъ, ни другъ,
И даже ты не пощадила!
Истерзана, озлоблена борьбой
Съ своими кровными врагами,
Страдалица! Стоишь ты предо мной
Прекраснымъ призракомъ съ безумными глазами!
Упали волосы до плечъ,
Уста горятъ, румянцемъ рдѣютъ щеки,
И необузданная рѣчь

Сливается въ ужасные упреки,
Жестокіе, неправые... Постой!
Не я обрекъ твои младые годы
На жизнь безъ счастья и свободы.
Я другъ, я не губитель твой!
Но ты не слушаешь...

Вѣдь это цѣлая повѣсть разбитаго существованія... Видишь со-очію эту женщину, ожесточенную долгими страданіями и обидами жизни, измученную подозрѣніями, утратившую вѣру въ любовь и дружбу...

Жрецы и поклонники чистаго искусства не любятъ, между прочимъ, Некрасова за его «тенденціозность». Но, прежде всего, что такое тенденціозность? Стремленіе уложить живую жизнь на Прокрустово ложе предвзятыхъ мнѣній и выводовъ. Разумѣется, каждый писатель, каждый художникъ изображаетъ жизнь такъ, какъ она *ему* представляется, т. е. до извѣстной степени всегда субъективно. Если уголъ его зрѣнія необыченъ, исключителенъ, то мы можемъ получить одностороннее, невѣрное изображеніе жизни; и, однако, тенденціознымъ его можно будетъ назвать лишь въ томъ случаѣ, если художникъ сознательно, намѣренно извратитъ истину. Такого намѣреннаго, холодно-разсудочнаго извращенія у Некрасова нѣтъ. Это лучше всего можно видѣть на анализѣ его пѣсенъ «О погодѣ», чаще всего подвергавшихся нападкамъ критики. Говорятъ: какая сплошная гипербола! Какія кричащія краски! Вотъ—погонщикъ, бьющій полѣномъ замореннную клячу; вотъ—мчащаяся во весь опоръ и задѣвающая за похоронныя дроги коляска: «гробъ упалъ и раскрылся»... Въ немъ оказывается трупъ чиновника, поморавшаго четырнадцать разъ...

Всѣ больны, торжествуетъ аптека
И варитъ свои зелья гуртомъ:
Въ нынѣшнемъ городѣ нѣтъ человѣка,
Въ комъ бы желчь не кипѣла ключомъ...

Гипербола, не споримъ, на лицо, сгущенныя, рѣжущія глаза краски—также. И, тѣмъ не менѣе, въ пѣсняхъ «О погодѣ» мы видимъ сильную, горячую, искреннюю лирику. Все дѣло въ томъ, что авторъ и не имѣлъ вовсе въ этомъ произведеніи въ виду психику и логику здоровыхъ, счастливыхъ людей. Къ ихъ числу не принадлежалъ, конечно, русскій писатель того времени, когда слагались пѣсни о погодѣ (1859 г.), истосковавшійся по идеалу, издерганный жизнью, которая на каждомъ шагу съ ожесточеніемъ била по его туго натянутымъ нервамъ. Въ эти томительно-долгіе предразсвѣт-

ные годы, когда надежды на близкое обновленіе то разгорали
яркимъ пламенемъ, то внезапно гасли и исчезали, жилось особенн
тяжело, и Некрасовъ, и безъ того мало отраднаго испытавшій в
жизни, въ пѣсняхъ «О погодѣ» съ несомнѣнно глубокой искрен
ностью и вѣрностью дѣйствительности выразилъ тогдашнее больно
желчно-озлобленное настроеніе петербургскаго интеллигента, то на
строеніе, когда при утреннемъ пробужденіи кажется, что «начи
нается день безобразный, мутный, вѣтряный, грязный», когд
«злость беретъ, сокрушаетъ хандра, такъ и просятся слезы из
глазъ»...

Дикій крикъ продавца-мужика
И шарманка съ пронзительнымъ воемъ,
И кондукторъ съ трубой, и войска,
Съ барабаннымъ идущія боемъ,
Понуканье измученныхъ клячъ,
Чуть живыхъ, окровавленныхъ, грязныхъ,
И дѣтей раздирающій плачъ
На рукахъ у старухъ безобразныхъ—
Все сливается, стонетъ, гудѣтъ,
Какъ то глухо и грозно рокочетъ,
Словно цѣпи куютъ на несчастный народъ,
Словно городъ обрушиться хочетъ!

Вѣдь не надо было обладать умомъ Некрасова, чтобы понимать
что «всѣ» не могутъ быть больны въ Петербургѣ даже и въ самую
ужасную осеннюю погоду; и задумай Некрасовъ написать вещь
искусственно и хладнокровно разсчитанную на эффектъ, онъ, ко
нечно, сумѣлъ бы обойтись безъ подобныхъ Iapsus'-овъ. Но он
былъ поэтъ искренняго, могущественно захватывающаго чувства
онъ глубоко переживалъ тѣ настроенія, которыя передавалъ в
своихъ произведеніяхъ, и отсюда-то, быть можетъ, произошли мно
гіе изъ тѣхъ мелкихъ промаховъ, о которыхъ мы выше говорили
которые, при первомъ взглядѣ, такъ поражаютъ въ этомъ quasi-хо
лодномъ, quasi-практическомъ талантѣ. Почти каждое стихотворені
Некрасова написано кровью сердца и сокомъ нервовъ. Вотъ почему
у него совсѣмъ мало вещей *неинтересныхъ*, которыми такъ богать
жрецы чистаго искусства... Недостатки формы отыщутся у Некра
сова въ самыхъ безукоризненныхъ (вродѣ даже «Рыцаря на часъ»
произведеніяхъ, но зато и въ самыхъ слабыхъ вы подмѣтите у
него достоинства, которыми онъ головой возвышается надъ своими
собратьями. Стихи его всегда вытекаютъ изъ живого человѣческаго
чувства, изъ бодрой. дѣятельной мысли...

VII.

Некрасовъ, какъ пѣвецъ трудящихся и обездоленныхъ.

«Онъ проповѣдывалъ любовь враждебнымъ словомъ отрицанья». ь отрицанія, конечно, и долженъ былъ начать всякій передовой исатель эпохи борьбы за освобожденіе. Но если Некрасовъ и послѣ ого, какъ «порвалась цѣпь великая», вмѣсто ликующихъ гимновъ родолжалъ прежнюю отрицательную работу, будя общество тре-ожнымъ вопросомъ: «народъ освобожденъ, но счастливъ ли народъ?» -то и въ этомъ отношеніи онъ не занималъ исключительнаго по-женія среди нашихъ лучшихъ писателей. По общимъ условіямъ ашей гражданственности только такая работа и была у насъ воз-ожна: развитіе положительной стороны передового міровоззрѣнія стрѣчало всегда неодолимыя препятствія...

«Иныхъ временъ, иныхъ картинъ провижу я начало въ случай-ой жизни береговъ моей рѣки любимой»,—мечтаетъ поэтъ въ ма-ленькой поэмѣ «Горе стараго Наума»:—«освобожденный отъ оковъ, ародъ неутомимый созрѣетъ; густо заселитъ прибрежныя пустыни; ука воды углубитъ... По гладкой ихъ равнинѣ суда-гиганты по-бгутъ несчетною толпою, и будетъ вѣченъ бодрый трудъ надъ бчною рѣкою!.. Мечты!.. Я вѣрую въ народъ...» Если не считать ѣдующихъ затѣмъ строкъ выразительныхъ точекъ, то нарисован-ую въ приведенныхъ стихахъ картину грядущаго народнаго счастья льзя не признать довольно-таки смутной... Кого, однако, винить ъ этомъ?

Не разъ упрекали Некрасова въ томъ, что онъ и современную у дѣйствительность изображалъ однѣми мрачными, отрицатель-ыми красками, не видя въ ней рѣшительно ничего свѣтлаго, от-раднаго. Но эти упреки совершенно неосновательны: поэзія Некра-ова изображаетъ и то положительное, что было въ русской жизни. акова хотя бы цѣлая галлерея обаятельныхъ портретовъ народ-ыхъ заступниковъ и печальниковъ, нарисованныхъ поэтомъ въ ломъ рядѣ произведеній; предъ нашими глазами проходятъ: Гра-овскій, Бѣлинскій (непосредственно и въ образѣ Крота въ «Не-частныхъ»), Добролюбовъ, поэтъ-семинаристъ Гриша, Ермила Ги-гинъ, Саша (этотъ прелестный степной цвѣтокъ, еще не вполнѣ спустившійся), «дѣдушка»-декабристъ, герои и героини стихотво-

реній «Пророкъ», «Кузнецъ», «Ты не забыта», собственная, нак нецъ, мать поэта... Но главнымъ положительнымъ героемъ Некр сова является самъ русскій народъ, въ лицѣ его главной составно части — крестьянства... Мы только что привели признаніе поэт «Мечты!.. Я вѣрую въ народъ». Въ устахъ Некрасова это не кр сивая только фраза, а дѣйствительная «мечта» пострадавшаго сердца, его послѣднее прибѣжище и святыня.

Воспѣвать мужицкія страданія поэтъ началъ, какъ мы видѣл рано, съ перваго же стихотворенія, создавшаго ему извѣстность; н нота настоящей влюбленности въ народъ зазвучала въ стихахъ е не сразу. Когда, по окончаніи Крымской войны, всѣмъ стало ясн что идти дальше по пути мрака и застоя Россія не можетъ, р рискуя своимъ историческимъ существованіемъ, общество русск вдругъ поняло, что есть *нѣкто*, чьи интересы въ тысячу ра важнѣе для блага и счастья родины, чѣмъ интересы небольш своекорыстной кучки дворянъ. То былъ великій историческій м ментъ... Могучая общественная волна подняла и Некрасова; в поэзіи его, болѣе свободно звучавшей теперь, чѣмъ въ сороковы годы, появились новыя—то гнѣвныя, то восторженныя ноты... Од за другимъ, стали выходить въ свѣтъ наиболѣе сильныя и хара терныя его произведенія *). Къ сожалѣнію, размѣры настоящ статьи не позволяютъ намъ распространиться о томъ, какую ви ную роль сыграли эти произведенія въ возникновеніи и развит того замѣчательнаго идеалистическаго движенія въ нашей литер турѣ, которое извѣстно подъ именемъ народничества. Не даром такъ любилъ Некрасова одинъ изъ главныхъ его представителей— Г. И. Успенскій.

Но какъ же, собственно, рисовалъ себѣ Некрасовъ выступи шаго на псторическую сцену «прекраснаго незнакомца»? Не видѣл ли онъ въ русскомъ народѣ, подобно славянофиламъ-почвенникам особую мистическую подоплеку, дѣлающую его народомъ-избран никомъ, образцомъ и поученіемъ для «гнилого» Запада? Ради вел кихъ страданій, выпавшихъ на долю народа, не закрывалъ ли глаз на его тѣневыя, отрицательныя стороны? Ничего подобнаго. Н квасного, ни мистическаго элемента нѣтъ и слѣда въ любви Н

*) «Тишина», «Размышленія у пар. подъѣзда», «Въ столицахъ шумъ «Ночь», «На Волгѣ», «Дерев. Новости», «Крестьянскія дѣти», «Похороны «Коробейники», «Свобода», «Зеленый шумъ», «Въ полномъ разгарѣ страда «Орина», «Морозъ—Красный носъ», «Жел. дорога», «Съ работы» и пр.

расова къ крестьянину, доходящей порою до восторженнаго удив-ѣнія, но остающейся всегда здоровой и трезвой.

Въ рабствѣ спасенное
Сердце свободное,
Золото, золото
Сердце народное!—

отъ что въ особенности привлекаетъ поэта къ русскому народу: го гуманность, терпимость даже къ врагу, его героическая бодрость ь страданіи.

Его ли горе не скребетъ?
Онъ бодръ, онъ за сохой шагаетъ,
Безъ наслажденья онъ живетъ,
Безъ сожалѣнья умираетъ.
Его примѣромъ укрѣпись.
Сломившійся подъ игомъ горя,
За личнымъ счастьемъ не гонись
И Богу уступай, не споря!

ресловутое мужицкое терпѣніе, которое въ минуты отчаянія поэтъ имъ клеймитъ не разъ именемъ рабскаго отупѣнія, въ моменты олѣе спокойные представляется ему свойствомъ того же, спасен-аго въ рабствѣ, «золотого» сердца. Это—не холопство, не нравствен-ое паденіе, а, напротивъ, результатъ сознанія своей могучей сти-йной силы, которую никакое испытаніе сломить не можетъ, без-цвѣтная вѣра въ конечное торжество правды, глубокое чувство бщественной солидарности, наконецъ—органическое отвращеніе ь насилію, природное добродушіе...

Княгиня Волконская, по дорогѣ къ мужу-декабристу оскор-ленная офицеромъ-бурбономъ, заходитъ въ убогую сибирскую ерковь и проситъ попа отслужить молебенъ.

За что мы обижены столько, Христосъ,
За что поруганьемъ покрыты?
И рѣки давно накопившихся слезъ
Упали на жесткія плиты.

Толпа богомольцевъ-простолюдиновъ остается молиться вмѣстѣ ъ нею.

Казалось, народъ мою грусть раздѣлялъ.
Молясь молчаливо и строго,
И голосъ священника скорбью звучалъ.
Прося объ изгнанникахъ Бога.
Убогій, въ пустынѣ затерянный храмъ!
Въ немъ плакать мнѣ было не стыдно,
Участье страдальцевъ, молящихся тамъ,
Убитой душѣ не обидно!

И въ другой разъ, при мысли о народѣ, изъ измученной груди княгини вырываются слѣдующія трогательныя слова, несомнѣнно выражающія мысль самого поэта:

Быть можетъ, вамъ хочется дальше читать,
Да просится слово изъ груди:
Помедлимъ немного... Хочу я сказать
Спасибо вамъ, русскіе люди!
Въ дорогѣ, въ изгнаньи, гдѣ я ни была,
Все трудное каторги время—
Народъ! я бодрѣе съ тобою несла
Мое непосильное бремя.
Пусть много скорбей тебѣ пало на часть,—
Ты дѣлишь чужія печали,
И гдѣ мои слезы готовы упасть,
Твои ужъ давно тамъ упали!..
Ты любишь несчастнаго, русскій народъ...

Превосходными образчиками гуманности этого народа и его способности сочувствовать всему живому и страдающему служатъ два прекрасныхъ стихотворенія: «Похороны» (отношеніе крестьянина къ захожему человѣку, который по неизвѣстной причинѣ наложилъ на себя руки) и «Съ работы» (голодный крестьянинъ прежде всего заботится о томъ, чтобы была накормлена его голодная лошадь). Съ рѣдкимъ добродушіемъ и терпимостью выслушиваютъ некрасовскіе мужики (въ «Кому на Руси ж. х.») самозащиту помѣщика и попа, которыхъ не имѣютъ, конечно, особенныхъ причинъ любить и жаловать, а выслушавъ—признаютъ въ этой защитѣ долю правды и рѣшаютъ выключить попа и помѣщика изъ списка предполагаемыхъ счастливцевъ...

Такое пониманіе «сердца народнаго» не мѣшаетъ Некрасову, какъ мы уже говорили, ясно видѣть всѣ недостатки и даже пороки народа, и прежде всего—его умственную темноту и закорузлое невѣжество, дѣлающія его способнымъ на поступки, о которыхъ въ лучшемъ случаѣ только и можно сказать: sancta simplicitas! какъ о той старухѣ, которая, желая угодить Богу, принесла вязанку дровъ на костеръ Гуса. Достаточно указать на стихотвореніе «Такъ, служба! самъ ты въ той войнѣ дрался—тебѣ и книги въ руки», гдѣ разсказывается ужасная исторія идіотски-добродушнаго избіенія мужиками цѣлой семьи плѣнныхъ французовъ. Стихотвореніе это подвергалось не разъ ожесточеннымъ нападкамъ «патріотической» критики, какъ грубая фальшь и чуть ли даже не злостная выдумка на народъ, и поэтъ, очевидно внявъ ей, отнесъ, въ концѣ концовъ, пьесу въ отдѣлъ «Приложеній». Между тѣмъ, въ доказательство

ого, что сюжетъ ея не придуманъ, что въ «великомъ» двѣнадца-омъ году подобныя исторіи случаться могли, можно бы привести налогичную исторію, разсказанную Тургеневымъ въ «Однодворцѣ всянниковѣ» («Зап. Охотника»). Сравнивъ двѣ эти исторіи, мы идимъ, что у Некрасова есть нѣчто, если не оправдывающее, то, о крайней мѣрѣ, объясняющее ужасный поступокъ крестьянъ: они биваютъ француза, очевидно, въ порывѣ «патріотическаго» оз-обленія:

Поймали мы одну семью,
Отца да мать съ тремя *щенками*:
Тотчасъ ухлопали мусью,
Не изъ фузеи—кулаками!

А дальше въ убійцахъ просыпается человѣческое чувство со-алѣнія, хотя и нашедшее себѣ исходъ въ уродливо-дикомъ, ужас-омъ поступкѣ. У Тургенева дѣло происходитъ несравненно проще потому, ужаснѣе. Крестьяне Смоленской губерніи, поймавъ «фран-уза» Леженя, не «тотчасъ ухлопываютъ» его, а запираютъ на ночь ъ пустую суконвальню и лишь на утро приводятъ къ проруби и редлагаютъ «уважить» ихъ—нырнуть подъ ледъ рѣчки Гнилотерки. ранцузъ, конечно, упрямится; тогда мужики, не оставляя добро-шной насмѣшливости, начинаютъ поощрять его «легкими» толч-ками въ шею... Патріотическое озлобленіе до такой степени отсут-вуетъ, что когда проѣзжій помѣщикъ предлагаетъ крестьянамъ въ чествѣ выкупа за Леженя двугривенный на водку, они отвѣчаютъ му хоромъ: «Спасибо, батюшка, спасибо. Извольте, возьмите его».

Но если стихотвореніе «Такъ служба!» далеко отъ идеализаціи сскаго народа, то надо сказать, что оно не единственное у Некра-ва. Можно отыскать не мало страницъ въ его произведеніяхъ, гдѣ суются даже прямо отталкивающіе нравы и типы народные: Тройка». «Проводы», «Кумушки», «Власъ» (до его перерожденія), Крестьянскій грѣхъ» въ «Пирѣ на весь міръ». Отнюдь не могутъ ить названы идеализированными и такія лица, какъ Ванька и ихонычъ, главные герои «Коробейниковъ» (этой лучшей народ-ей поэмы Некрасова).

За всѣмъ тѣмъ, не подлежитъ, конечно, спору, что достоин-ва народнаго характера безконечно перевѣшиваютъ въ глазахъ шего поэта всѣ недостатки и пороки. И въ общемъ поэзія Не-расова можетъ быть разсматриваема именно, какъ сплошной восторг-нный гимнъ трудящимся, рабочимъ слоямъ русскаго народа. я иллюстраціи этого положенія намъ пришлось бы выписать чуть половину его книги... Чѣмъ, напримѣръ, инымъ, какъ не гим-

номъ труду, слѣдуетъ назвать всю поэму «Морозъ-Красный Носъ». Какой теплотой и любовью дышитъ каждый штрихъ хотя бы этой прелестной, изумительной по реальности красокъ, картинки лѣтней крестьянской работы:

Возили снопы мужики,
А Дарья картофель копала
Съ сосѣднихъ полосъ у рѣки.
Свекровь ея тутъ же, старушка,
Трудилась; на полномъ мѣшкѣ
Красивая Маша, рѣзвушка,
Сидѣла съ морковкой въ рукѣ.
Телѣга, скрипя, подъѣзжаетъ—
Савраска глядитъ на своихъ,
И Проклушка крупно шагаетъ
За возомъ сноповъ золотыхъ.
—Богъ помощь! А гдѣ же Гришуха?
Отецъ мимоходомъ сказалъ.
«Въ горохахъ», сказала старуха.
—Гришуха! отецъ закричалъ,
На небо взглянулъ.—Чай, не рано?
Испить бы...—Хозяйка встаетъ
И Проклу изъ бѣлаго жбана
Напиться кваску подаетъ.
Гришуха, межъ тѣмъ, отозвался:
Горохомъ опутанъ кругомъ.
Проворный мальчуга казался
Бѣгущимъ зеленымъ кустомъ.
Бѣжитъ!.. У, бѣжитъ пострѣленокъ,
Горитъ подъ ногами трава...
Гришуха черёнъ, какъ галченокъ,
Бѣла лишь одна голова...
Машутка отцу закричала:
—Возьми меня, тятька, съ собой—
Спрыгнула съ мѣшка и упала,
Отецъ ее поднялъ: «Не вой!
Убилась—не важное дѣло,
Дѣвченокъ не надобно мнѣ.
Еще вотъ такого пострѣла
Рожай мнѣ, хозяйка, къ веснѣ!
Смотри же...» Жена застыдилась
—Довольно съ тебя одного!
(А знала—подъ сердцемъ ужъ бы
Дитя)... «Ну, Машукъ, ничего!»
И Проклушка, ставъ на телѣгу,
Машутку съ собой посадилъ:
Вскочилъ и Гришуха съ разбѣгу
И съ грохотомъ возъ покатилъ.
Воробушковъ стая слетѣла
Съ сноповъ, надъ телѣгой взвилась
И Дарьюшка долго смотрѣла,
Отъ солнца рукой заслонясь.
Какъ дѣти съ отцомъ приближались
Къ дымящейся ригѣ своей,
И ей изъ сноповъ улыбались
Румяныя лица дѣтей...

Во избѣжаніе какихъ-либо недоразумѣній, спѣшимъ повторить сдѣланную уже въ предыдущей главѣ оговорку. «Народъ», сосредоточивающій на себѣ все вниманіе, всѣ тревоги и чаянія поэта есть *совокупность всѣхъ трудящихся массъ населенія*, безъ различія классовъ и орудій труда; на Некрасова нельзя смотрѣть, по этому, какъ на пѣвца и адвоката исключительно крестьянскаго горя. Если послѣднее онъ воспѣвалъ, дѣйствительно, всего чаще и охотнѣе, то объясняется это вполнѣ естественно и просто: крестьянство составляло во времена Некрасова (какъ, впрочемъ, и до сихъ поръ составляетъ) подавляющую по своей численности массу русскаго населенія и, притомъ, являлось главной жертвой царившаго зла (крѣпостное право—лишь наиболѣе яркимъ его проявленіемъ). Страданія мужика были, такимъ образомъ, въ глазахъ Некрасова какъ бы символомъ страданій всего русскаго народа... Но всѣ забитые, вс

бездоленные одинаково имѣли въ немъ своего пѣвца и друга... *).

Среди жертвъ человѣческаго насилія, жестокости и невѣжества, быть можетъ, наиболѣе беззащитной является женщина:

Ключи отъ счастья женскаго,
Отъ нашей вольной волюшки
Заброшены, потеряны
У Бога самаго!

И русская женщина на всѣхъ ступеняхъ общественной лѣстницы нашла въ лицѣ Некрасова одного изъ пламеннѣйшихъ своихъ цвокатовъ. Устами любимаго героя (Гриши) Некрасовъ высказываетъ увѣренность, что затерянные ключи отъ счастья женскаго удутъ все же когда-нибудь разысканы («Еще ты въ семействѣ *окуда* раба, но мать уже вольнаго сына!»).

Нарисованные имъ женскіе образы—одни изъ самыхъ плѣнительныхъ въ русской литературѣ. Прежде всего это—образъ собственной матери поэта, воспѣтой во множествѣ стихотвореній и поэмъ; затѣмъ—Катерина изъ «Коробейниковъ», Саша изъ поэмы того же названія, Дарья изъ «Мороза», княгиня Трубецкая и Вол-

*) Въ высшей степени курьезными представляются намъ утвержденія г. Ашешова («Образованіе» 1902, № 12), будто любовь Некрасова къ народу и вѣра его «были смутны и неопредѣленны, ибо были лишь романтическими терзаніями народничества безъ яснаго анализа по существу». — «Некрасовъ, какъ романтикъ народничества, даже тѣ, которые рѣзко подчеркивали свое тяготѣніе къ опредѣленному трудящемуся слою, представленіе о народѣ имѣли слишкомъ общее, быть можетъ, только немногимъ болѣе рельефное, чѣмъ люди 40-хъ годовъ, когда они мечтали объ освобожденіи крестьянъ, какъ массы вообще (!), независимо отъ составляющихъ ее элементовъ». — «Какъ романтикъ неопредѣленной народной скорби, Некрасовъ устарѣлъ. Его тоска не можетъ развиться (?) элементы нашего міровоззрѣнія, стремящагося быть точнымъ и опредѣленно-устойчивымъ».—«Но за исключеніемъ этой особенности (неопредѣленности народной скорби и самого народа) у Некрасова все же остается цѣлое колоссальное богатство мотивовъ, въ которыхъ ярко свѣтится любовь *не къ народу вообще, а къ обездоленнымъ, несчастнымъ и униженнымъ*». Путаница точныхъ и опредѣленно-устойчивыхъ» взглядовъ самого г. Ашешова въ послѣднихъ, подчеркнутыхъ нами, словахъ выступаетъ особенно ярко.—Любопытны также его чисто эстотическіе взгляды. «Въ сферѣ любви и личныхъ настроеній Некрасовъ никнетъ» (это, напр., въ «Трехъ элегіяхъ», или «Я посѣтилъ твое кладбище» ?!)... «Его сатиры умрутъ скоро, если еще не умерли» (что не мѣшаетъ строгому критику въ другомъ мѣстѣ назвать *классическими* «Размышленія у парадная подъѣзда»)... «Его мелкія лирическія стихотворенія долговѣчны еще менѣе»... Однимъ росчеркомъ развязнаго пера г. Ашешовъ, очевидно, приписываетъ смертный приговоръ такимъ общепризнаннымъ перламъ русской поэзіи, какъ «Родина», «Пикуетъ врагъ», «Не рыдай такъ безумно», «Душно! Безъ счастья и воли», «Баюшки-баю», «О, муза, я у двери гроба» и пр., и пр.!

конская, Матрена Тимофеевна изъ «Кому на Руси жить хорош
Далѣе слѣдуютъ героини мелкихъ стихотвореній: «Я посѣтилъ т
кладбище», «Памяти Асенковой», «Свадьба», «Въ больницѣ», «Т
желый крестъ достался ей на долю», «Дешевая покупка», «
полномъ разгарѣ страда», «Пѣсня Любы»...

Рядомъ съ женщиной не мало теплыхъ страницъ посвяще
Некрасовымъ и дѣтямъ.

Равнодушно слушая проклятья
Въ битвѣ съ жизнью гибнущихъ людей,
Изъ-за нихъ вы слышите ли, братья,
Тихій плачъ и жалобы дѣтей?—

съ болью и ужасомъ спрашивалъ поэтъ, и въ произведеніяхъ
то и дѣло встрѣчаются—то глубоко-трогательныя картинки и
дѣтской жизни, то негодующія обращенія къ обществу, котор
недостаточно озабочено охраной этихъ безпомощныхъ, беззащи
ныхъ существъ («Морозъ-Красный Носъ», «Плачъ дѣтей», «Н
счастные» I ч., «О погодѣ», «Крестьянскія дѣти», «Деревенскія в
вости», «Демушка» и «Волчица» въ «Кому на Руси жить хорошо»
Спеціально для дѣтей написанъ имъ цѣлый рядъ всѣмъ извѣс
ныхъ и столь любимыхъ дѣтьми стихотвореній.

«Любитъ *несчастнаго* русскій народъ», писалъ поэтъ,—и
его собственной душѣ тоже нашелся уголокъ для несчастныхъ
верженцевъ человѣческаго общества. Кромѣ стихотвореній «Е
тройка» и «Благодареніе Господу Богу», у Некрасова есть цѣл
большая поэма («Несчастные»), посвященная ссылкѣ и катор
Къ сожалѣнію, поэма эта, нестройная въ цѣломъ (первая часть ч
сто формально связана со второй), страдаетъ крупными частны
недостатками. Лицо, отъ имени котораго ведется разсказъ, до кон
остается неяснымъ и блѣднымъ; образъ убитой имъ женщины
выдержанъ: въ I ч.—это «ангелъ въ грозѣ и демонъ у прист
желанной», а во II ч.— «женщина пустая, съ тряпичной дюжин
душой»... Растянутость (особенно первой части) также вредитъ в
чатлѣнію. И при всемъ томъ, «Несчастные», благодаря проникающе
ихъ теплому, гуманному чувству, массѣ поэтическихъ подробност
а главное—яркой и оригинальной фигурѣ Крота (Бѣлинскаго),
сихъ поръ остаются одной изъ популярнѣйшихъ поэмъ Некрасо
Описывая каторгу задолго до появленія «Записокъ изъ Мертв
Дома», Некрасовъ, естественно, сдѣлалъ нѣсколько крупныхъ п
маховъ въ обрисовкѣ этого совершенно невѣдомаго тогда русско
обществу міра. Замѣчательно, однако, что поэтическимъ чутьё
онъ сумѣлъ угадать нѣкоторыя чрезвычайно жизненныя и пр

ивыя черты изъ быта «Несчастныхъ». Таково, напримѣръ, страстное стремленіе арестантовъ къ свѣту знанія, ихъ любовно-внимательное отношеніе къ разсказамъ попавшаго въ ихъ среду образованнаго человѣка:

Забыты буйныя проказы,
Наступитъ вечеръ—тишина,
И стали намъ его разсказы
Милѣй разгула и вина ..
Никто сомкнуть не думалъ очи
И не промолвилъ ничего.
Онъ говоритъ—ему внимаемъ
И, полны новыхъ думъ, тогда
Свои оковы забываемъ
И тяжесть чернаго труда *).

Изъ многочисленныхъ и разнообразныхъ мотивовъ некрасовской поэзіи отмѣтимъ еще чувство пробуждающагося человѣческаго достоинства у приниженнаго и обезличеннаго раба. Впервые былъ затронутъ Некрасовымъ этотъ мотивъ еще въ 1848 г. въ стихотвореніи «Вино» («Безъ вины меня баринъ посѣкъ, самъ не знаю—что сталось со мной...»), и къ нему не разъ возвращался онъ впослѣдствіи: вспомнимъ хотя бы «На постояломъ дворѣ» («Изъ ночлеговъ») и своеобразное проявленіе того же чувства въ притчѣ «Про холопа примѣрнаго—Якова вѣрнаго»:

Крѣпко обидѣлъ холопа примѣрнаго,
Якова вѣрнаго
Баринъ,—холопъ задурилъ!

Полное духовное перерожденіе человѣка, нравственно, казалось, совершенно погибшаго, поэтъ рисуетъ намъ отчасти въ «Горѣ стараго Наума», особенно же ярко—въ знаменитомъ «Власѣ», который какъ бы символизируетъ таящіяся въ русскомъ народѣ огромныя силы...

Рядомъ съ народною жизнью вниманіе Некрасова часто останавливается и на разныхъ теченіяхъ русской общественной жизни, на нарождающихся типахъ интеллигенціи. Въ лицѣ Агарина передъ нами оригинальная разновидность Рудина; въ «Медвѣжьей охотѣ»—насмѣшливая характеристика русскаго «общественнаго мнѣнія» и «либерализма»; въ «Современникахъ»—типы всевозможныхъ дѣльцовъ и аферистовъ (еще въ 1846 г. въ стихотвореніи «Секретъ» Некрасовъ крайне отрицательно отнесся къ зарождавшейся русской «буржуазіи»). Стихотворенія: «Пѣсня Еремушкѣ», «Она была исполнена печали», «Пѣсня Любы», «Я сбросила мертвящія оковы» и пр. рисуютъ любопытныя общественныя настроенія иного характера. Гриша («Пиръ на весь міръ»)—представитель поколѣнія 70-хъ

*) Не забыты гуманнымъ поэтомъ даже животныя, такъ много страдающія отъ людской жестокости («На улицѣ», «О погодѣ», «Дѣдушка Мазай и зайцы», «Соловьи», «Морозъ-Красный носъ», «Съ работы»).

годовъ, которое несло въ народъ свои знанія и любовь... Поэт вѣритъ, что русская интеллигенція посѣетъ добрыя сѣмена на почв богатаго, но дремлющаго народнаго духа,—и русскій народъ скажет ей «спасибо сердечное»...

Остается отмѣтить рядъ наиболѣе проникновенныхъ и трога тельныхъ стихотвореній Некрасова, въ которыхъ онъ высказывает свой взглядъ на роль писателя вообще и свое писательское призва ніе въ частности. Назначеніе поэта, по его мнѣнію,—«напоминат человѣку высокое призваніе его», чтобъ «человѣкъ не мертвым очами могъ созерцать добро и красоту».

Казни корысть, убійство, святотатство,
Сорви вѣнцы съ предательскихъ головъ!

Таковъ идеалъ поэта-гражданина, поэта-бойца, который ри суется Некрасову въ его задушевнѣйшихъ мечтаніяхъ, но которы для себя самого онъ считаетъ недосягаемымъ:

Мнѣ борьба мѣшала быть поэтомъ,
Пѣсни мнѣ мѣшали быть бойцомъ.

Идея эта съ особенной настойчивостью высказана въ извѣст номъ діалогѣ «Поэтъ и гражданинъ». Смѣлый призывъ гражданина «Въ такое время стыдно спать!»—встрѣчаетъ въ душѣ поэт одно отчаяніе. Въ свободномъ словѣ есть отрада, соглашается онъ —но дѣло въ томъ, что лира его никогда не была свободной: пр первыхъ же звукахъ ей пришлось умолкнуть... А гибнуть—н хватило мужества:

Лукаво жизнь впередъ манила,
Какъ моря вольныя струи,
И ласково любовь сулила
Мнѣ блага лучшія свои.—
Душа пугливо отступила...
. . . . . .
Склонила муза ликъ печальный
И, тихо зарыдавъ, ушла.

И поэтъ рѣшаетъ: «шелъ одинъ вѣнокъ терновый къ ея угрю мой красотѣ»...

Самооцѣнка, несомнѣнно, крайне субъективная и несправедли вая, но характерно, что она проходитъ яркою нитью черезъ вс поэзію Некрасова. Самодовольство ей чуждо, противно,—черта дѣлающая нравственный обликъ нашего поэта особенно симпатич нымъ и привлекательнымъ. Только въ очень рѣдкихъ, исключи тельныхъ случаяхъ съ лиры его срывается гордый, счастливы звукъ: поэтъ сознаетъ, что по мѣрѣ силъ выполнилъ свою велику миссію служенія народу... Таково предсмертное стихотвореніе:

О, муза! я у двери гроба!
Пускай я много виноватъ,
Пусть увеличитъ во сто кратъ
Мои вины людская злоба.—
Не плачь! завиденъ жребій нашъ.
Не наругаются надъ нами:

Межъ мной и честными сердцами
Порваться долго ты не дашь
Живому, кровному союзу!

Не русскій взглянетъ безъ любви
На эту блѣдную, въ крови,
Кнутомъ изсѣченную музу...

VIII.

Критики и читатели.—Болѣзнь и смерть.—Прочность славы Некрасова.

Поэтъ не ошибался въ своемъ предсмертномъ провидѣніи. Если тыскивались и, быть можетъ, не разъ еще отыщутся отдѣльные удьи, неправедные и немилостивые, то въ общемъ «живой кровый союзъ» межъ нимъ и всѣми «честными сердцами» установился рочно, и, нужно думать, съ годами онъ будетъ лишь расти и рѣпнуть. Но Некрасову пришлось вести долгую и тяжелую борьбу ля того, чтобы завоевать общее признаніе.

«Если бы дать больше мѣста выдержкамъ изъ отзывовъ крики, то каждый наглядно убѣдился бы, какъ долго и упорно нерать наша не признавала всей силы поэтическаго значенія Некрова, и какъ публика сама поняла и полюбила поэта. Некрасовъ нялъ самъ съ бою, безъ союзниковъ, свое настоящее положеніе ъ русской литературѣ».

Такъ писалъ въ 1879 г. С. П. Пономаревъ въ послѣсловіи къ ервому посмертному изданію стихотвореній поэта, которое онъ ректировалъ. Въ самомъ дѣлѣ, просматривая три части изданнаго Зелинскимъ «Сборника критическихъ статей о Некрасовѣ» (довеннаго лишь до 1877 г.), мы видимъ, что въ теченіе почти всѣхъ соковыхъ годовъ критика наша хранила о поэтѣ глубокое безмолвіе, за слѣдующее десятилѣтіе появилось всего лишь нѣсколько незнательныхъ отзывовъ, въ одномъ изъ которыхъ Эрастъ Благонравъ писалъ: «Трудно найти стихотворца, который былъ бы меньше оэтъ, чѣмъ Некрасовъ». Авторъ другого отзыва, Аполлонъ Григорьевъ, заявлялъ (уже въ 1855 г.), что не находитъ поэзіи въ долѣ напечатанныхъ стихахъ Некрасова, за исключеніемъ лишь ститворенія къ падшей женщинѣ («Когда изъ мрака заблужденья...»).

Вышедшее въ 1856 г. первое изданіе стихотвореній Некрасова быраскуплено публикой съ изумительной быстротою, но въ печати вызвало ни одной статьи, ни одной самой коротенькой рецензіи!

Объясняется это, конечно, тѣмъ, что «Современникъ», отравшій взгляды и настроеніе молодой Россіи, въ сердцѣ которой ихи Некрасова нашли такой сочувственный откликъ, издавался

самимъ поэтомъ, и на страницахъ этого журнала похвала Некрасову не могла найти себѣ мѣста. Одинъ только разъ Добролюбовъ (и то не называя имени Некрасова, хотя имѣя въ виду, очевидно, его) высказалъ мнѣніе, что Пушкинъ, Лермонтовъ и Кольцовъ уже нашли себѣ достойнаго продолжателя... Что касается остальныхъ органовъ печати, то они находились въ рукахъ людей поколѣнія отживающаго, понимавшаго поэзію, прежде всего, какъ служеніе «красотѣ». Само собой разумѣется, что въ такихъ критикахъ поэзія Некрасова въ лучшемъ случаѣ вызывала недоумѣніе...

Только въ началѣ 60-хъ годовъ, когда свѣжая струя общественности широкимъ потокомъ разлилась по всѣмъ уголкамъ обновленной Россіи, отразившись прежде всего на печати, послѣдняя сразу заговорила о Некрасовѣ, какъ о признанномъ уже «властителѣ сердецъ» молодого поколѣнія. Въ это время, какъ бы поддавшись общему энтузіазму, перемѣнили о немъ къ лучшему мнѣніе и наиболѣе искренніе представители поколѣнія старшаго, вродѣ Ап. Григорьева, который съ восторгомъ отзывался теперь о «народномъ сердцѣ» Некрасова и о «почвенности» его поэзіи.

Но вотъ схлынула живая волна... «Призванная къ порядку», русская жизнь опять начала замирать и принимать «благообразный» видъ. Свѣжіе, молодые голоса замолкли, и это опять не замедлило сказаться на отношеніяхъ критики къ Некрасову. Къ тому же, какъ мы видѣли, послѣдній самъ не устоялъ въ этотъ тяжелый періодъ на прежней высотѣ и, поскользнувшись, далъ новую пищу злорадству враговъ; клевета «снѣжнымъ комомъ покатилась по Руси, по родной»... Наиболѣе тяжелымъ и мучительнымъ для Некрасова моментомъ былъ 1869 годъ. Гг. Антоновичъ и Жуковскій, недавніе друзья, поддавшись чувству мелкаго, самолюбиваго озлобленія, выпустили противъ Некрасова цѣлую обличительную брошюру, «Матеріалы для характеристики современной русской литературы», гдѣ, развѣнчивая Некрасова, какъ журналиста и человѣка, пытались подкопаться и подъ его поэзію. «Вамъ такъ же легко перестроить вашу лиру на совершенно новый ладъ,—развязно обращался г. Антоновичъ къ Некрасову,—какъ вашему другу (?) г. Краевскому легко промѣнять прежній образъ мыслей на новый; вы съ одинаковымъ увлеченіемъ и искусствомъ можете и восхвалять, и порицать одинъ и тотъ же предметъ, вамъ ничего не стоитъ метать громы гражданскаго негодованія въ какого-нибудь вельможу, швейцаръ котораго отогналъ отъ его подъѣзда «деревенскихъ русскихъ людей», а завтра рабски льстить ему и прославлять его доблести восторженнымъ мадригаломъ; вамъ нужна только тема, какова

ы она ни была, а вы ужъ обработаете ее поэтически...» Словомъ, грицалась въ поэтѣ всякая искренность, всякое убѣжденіе *).

Нечего и говорить, что, несмотря на искусную и сильную отовѣдь П. А. Рождественскаго, въ томъ же году выпустившаго— езъ вѣдома Некрасова—отвѣтную брошюру «Литературное наде-іе гг. Антоновича и Жуковскаго», во враждебномъ Некрасову лиературномъ лагерѣ нападки на него встрѣтили самый радостный ріемъ. Страховъ писалъ въ «Зарѣ»: «Наболѣе значительная часть ашей печати (либеральная) живетъ одною фальшью, сознательно постоянно кривитъ душою. Не раздается ни одного искренняго, рямого голоса; все лукавитъ, іезуитствуетъ, прислуживается (!), се покорно гнетъ передъ чѣмъ-нибудь или передъ кѣмъ-нибудь вою совѣсть и свои помыслы... Книжка гг. Антоновича и Жуковаго представляетъ, очевидно, реакцію. Лжи накопилось столько, то, наконецъ, сознаніе ея начинаетъ прорываться наружу... бличеніе Некрасова важно для тѣхъ, кто видѣлъ въ немъ нѣкотое свѣтило либерализма; но многіе, и давно уже, смотрѣли иначе. амые стихи Некрасова, въ которыхъ такъ много говорится о наодныхъ страданіяхъ, давно уже, несмотря на ихъ несомнѣнныя заѣчательныя достоинства, признаны (?) не выражающими полнаго очувствія народу, не проникнутыми его дѣйствительнымъ пониманіемъ. Это—сатиры, карикатуры, изліянія хандры и желчи, и лишь

*) Только въ февралѣ 1903 г. г. Антоновичъ счелъ, наконецъ, нужнымъ возможнымъ покаяться (въ «Журналѣ для всѣхъ»). «Я откровенно сознаюсь,— шетъ онъ,—что мы ошиблись относительно Некрасова. Вопреки нашимъ опаеніямъ, онъ снова пошелъ твердымъ и бодрымъ шагомъ по своему прежнему ути... Онъ не измѣнилъ себѣ и своему дѣлу, но продолжалъ всегда его горячо, ергично и успѣшно.—за что ему честь, слава и вѣчная память въ лѣтопияхъ русской литературы!» — «Общимъ итогомъ и характеромъ своей поэтической дѣятельности Некрасовъ вполнѣ искупилъ свои недостатки. Его огромныя слуги во много кратъ превышаютъ и покрываютъ его однократное отреченіе: сею своею дѣятельностью онъ заслужилъ полное всепрощеніе». Признанія доольно-таки запоздалыя, но... лучше поздно, чѣмъ никогда. Отмѣтимъ, кстати, гранное пониманіе г. Антоновичемъ (въ той же статьѣ) чисто-поэтическихъ заугъ Некрасова: «Противъ поэзіи Некрасова раздались и раздаются только олоса тѣхъ, которые судятъ о ней исключительно съ эстетической точки зрѣія, или даже не съ обще-эстетической, а съ узко-эстетической, исключительно *лирической* точки зрѣнія и которые воображаютъ, не только вопреки литературѣ всѣхъ вѣковъ и народовъ, но и вопреки риторикѣ и піитикѣ, будто вся оэзія состоитъ только въ лирикѣ. Некрасовъ не лирикъ (?); слѣдовательно, онъ не поэтъ». Оказывается при этомъ, г. Антоновичъ главнымъ призваніемъ лирики считаетъ воспѣваніе красоты, неземныхъ сферъ и заоблачныхъ высей: южеты ея пѣсенъ должны, по его мнѣнію, непремѣнно быть свѣтлы и жизнеадостны... Удивительное пониманіе лирики!

изрѣдка правдивыя и неискаженныя картины» (въ качествѣ при мѣра того, «какъ мало сходится Некрасовъ съ народомъ въ своихъ сочувствіяхъ и воззрѣніяхъ», Страховъ указывалъ на пожеланіе по эта, чтобы русскій народъ понесъ съ базара Бѣлинскаго и Гоголя!)

Въ томъ же 69 г. выступилъ съ своими «разоблаченіями» Тур геневъ, опубликовавшій въ «Вѣстникѣ Европы» извѣстныя письма Бѣлинскаго... А вслѣдъ затѣмъ тотъ же Тургеневъ, раздраженный недостаточно почтительнымъ, по его мнѣнію, отзывомъ «Отеч. Запи сокъ» о поэзіи Полонскаго, выступилъ въ «С.-Петерб. Вѣдомостяхъ» съ открытымъ письмомъ, въ которомъ говорилось: «Я убѣжденъ, что любители русской словесности будутъ перечитывать лучшіе стихи Полонскаго, когда самое имя Некрасова покроется забвеніемъ. Почему же это? А просто потому, что въ дѣлѣ поэзіи живуча только одна поэзія, и что въ бѣлыми нитками сшитыхъ, всякими пряностями приправленныхъ, мучительно выспренныхъ измышленіяхъ «скорбной» музы г. Некрасова ея-то, поэзіи-то, и нѣтъ на грошъ».

И такіе отзывы, къ стыду русской литературы, нигдѣ не вызвали въ свое время рѣзкаго, негодующаго отпора,—опять-таки, быть можетъ, потому, что всѣ наиболѣе свѣжія литературныя силы группировались вокругъ «От. Зап.», во главѣ которыхъ стоялъ самъ Некрасовъ. Даже въ серединѣ 70-хъ годовъ не въ рѣдкость было встрѣтить на страницахъ журналовъ нелѣпое мнѣніе, будто Некрасовъ пріобрѣлъ себѣ значеніе въ родной литературѣ «только оригинальными, новыми мотивами, а отнюдь не силой и глубиной содержанія»; или даже—будто «поэзія Некрасова вырабатывалась въ либеральныхъ редакціяхъ, служила постоянно какъ бы иллюстраціей направленій, попеременно господствовавшихъ въ извѣстной части журналистики». О поэмѣ «Кому на Руси жить хорошо» одинъ критикъ писалъ (и тоже нигдѣ не встрѣтилъ отпора): «поэма эта принадлежитъ къ такимъ, о которыхъ гораздо пріятнѣе было бы хранить молчаніе».

Между тѣмъ, бурная жизненная карьера нашего поэта приближалась къ окончанію. Мы говоримъ—бурная, но должны съ прискорбіемъ констатировать фактъ, что о второй половинѣ жизни и дѣятельности Некрасова біографы его знаютъ, въ сущности, не многимъ больше, чѣмъ и о первой (о годахъ ранней молодости). Они знаютъ, главнымъ образомъ, исторію журналовъ, которые издавалъ Некрасовъ, общественную сторону его жизни и дѣятельности въ зрѣлую пору, но отнюдь не личную и, тѣмъ болѣе, интимную жизнь. Единственнымъ ключемъ къ послѣдней являются его собственныя лирическія признанія, слишкомъ мало удовлетворяющія наше любопыт-

ство. Они даютъ, впрочемъ, достаточно основаній утверждать, что, и достигнувъ въ концѣ жизни условій матеріальной обезпеченности, Некрасовъ не сопричислился къ сонму тѣхъ «счастливцевъ», которыхъ съ такимъ упорствомъ отыскивали на Руси его знаменитые «странники». Извѣстно, напр., что семьею онъ до конца дней не обзавелся, и только на смертномъ одрѣ сочетался законными узами съ той женщиной, которую считалъ своей женою: съ какихъ однако поръ и какія именно отношенія были у него съ этой женщиной, каковъ былъ ея нравственный обликъ, и даже какъ ее звали (въ предсмертныхъ стихахъ онъ воспѣвалъ ее подъ именемъ Зины)— все это вопросы, на которые у насъ пока нѣтъ отвѣта...

Улыбнулась ему слава знаменитаго писателя, но и къ славѣ, какъ мы видѣли, было подмѣшано много горькой отравы; колючія терновыя иглы, вплетенныя въ лавры блестящаго вѣнка, слишкомъ больно давали о себѣ знать.—И, быть можетъ, только передъ самой смертью, въ горячихъ изъявленіяхъ любви со стороны молодежи, Некрасовъ узналъ, наконецъ, подлинную безпримѣсную сладость широкой популярности.

Не дала ему судьба и крѣпкихъ физическихъ силъ, рано надломленныхъ лишеніями и борьбой всякаго рода. Еще въ серединѣ 50-хъ годовъ у него открылась какая-то серьезная горловая болѣзнь, вызывавшая опасенія чахотки; самъ Некрасовъ уже считалъ себя приговореннымъ къ смерти... Но поѣздка въ Италію и въ Африку остановила болѣзненный процессъ (хотя голосъ послѣ того навсегда остался глухимъ и хриплымъ). Съ начала 70-хъ годовъ появились тяжелыя желудочныя страданія (ракъ), которыя въ концѣ концовъ и свели поэта въ безвременную могилу. Ни новая поѣздка на югъ (въ Крымъ), ни операція, сдѣланная знаменитымъ Бильроомъ, ничто уже не могло принести спасенія,—и на 56 году жизни, съ полнымъ расцвѣтѣ таланта, 27 декабря 1877 г. Николай Алексѣевичъ Некрасовъ скончался. Похороны его были чуть ли не первымъ на Руси громкимъ и торжественнымъ проявленіемъ общественныхъ симпатій къ любимому писателю,—гробъ его, несмотря на суровый морозный день, провожала еще невиданная въ такихъ случаяхъ въ Петербургѣ толпа народа въ 4—5 тысячъ человѣкъ.

Слухи о тяжкой болѣзни поэта и послѣдовавшая затѣмъ смерть его вызвали настоящій взрывъ непритворной скорби въ обществѣ и особенно въ молодежи,—тотчасъ же смолкли и всѣ враждебные голоса въ печати; со страницъ газетъ и журналовъ въ теченіе цѣлаго года не сходили сочувственныя некрологическія статьи и разборы стихотвореній Некрасова; вышли и отдѣльные сборники, по-

священные памяти поэта... Но уже въ 78 г., на столбцахъ либерально-буржуазнаго «Голоса» возобновлено было въ самой рѣзкой формѣ нападеніе: появились, въ пяти огромныхъ фельетонахъ, нашумѣвшія въ свое время «Критическія бесѣды» Евгенія Маркова... Эти широковѣщательныя бесѣды, яко бы безпристрастно отмѣчавшія недостатки и достоинства некрасовской поэзіи, а, въ сущности, стремившіяся доказать ея ничтожество и эфемерность, имѣли большой успѣхъ въ тѣхъ кругахъ общества и литературы, которые и до того съ плохо скрываемой непріязнью относились къ необычайной популярности Некрасова. Марковъ задалъ тонъ и собралъ матеріалъ, можно сказать, для всей послѣдующей отрицательной критики, и отзвуки его «Бесѣдъ» явственно слышались даже двадцать лѣтъ спустя, въ двадцатилѣтнюю годовщину смерти поэта. Мы думаемъ, не мѣшаетъ поэтому (особенно въ виду того, что «Голосъ» представляетъ теперь библіографическую рѣдкость) изложить съ нѣкоторой подробностью критику Евгенія Маркова.

Некрасовъ,—утверждаетъ критикъ «Голоса»,—поэтъ предшествовавшей освобожденію крестьянъ эпохи. Проникнутый сознаніемъ коренного общественнаго зла, онъ видитъ роковую безобразность даже въ сферахъ жизни, повидимому, не имѣющихъ связи съ крѣпостнымъ бытомъ. У читателя получается впечатлѣніе какого-то предвзятаго намѣренія не останавливаться ни на какихъ другихъ явленіяхъ міра, кромѣ излюбленныхъ (?) авторомъ. Преувеличеніе, неестественность, надутость, сентиментальность и риторика—роковыя послѣдствія такой односторонности... Этимъ поэтъ вызываетъ и несочувствіе читателя къ той самой средѣ, которая выставляется жертвою безобразія... Защищая русскій народъ противъ Некрасова, Марковъ въ качествѣ примѣра приводитъ стихотвореніе «Родину», гдѣ, будто бы, чудовищно невѣрно утвержденіе, будто русскіе крѣпостные «завидовали житью послѣднихъ барскихъ псовъ»... «Кто, напримѣръ, узнаетъ,—патетически восклицаетъ критикъ,—ту охоту, которая обыкновенно наполняла радостью удали не только охотника-барина, но и псарей его, и лошадей, и собакъ (какова собачья идиллія! П. Я.), въ невѣрной и мрачной картинѣ «Псовой охоты» Некрасова? «Лира» Некрасова—вообще патологическая лира: пѣсни «О погодѣ», напримѣръ, не столько поэзія, сколько «воркотня досужаго капризника»... Изображенія народнаго быта, народной души и даже народная рѣчь въ его стихахъ полны фальши, неискренности и тенденціозности. Многочисленные примѣры, приводимые Евгеніемъ Марковымъ, мы опустимъ; упомянемъ лишь объ одномъ, которымъ критики Некрасова пользуются

котно и донынѣ. Въ стихотвореніи «Тишина», говоря объ окончаіи Крымской войны, поэтъ прибѣгаетъ къ такому образу: «*Прибитая къ землѣ слезами рекрутскихъ женъ и матерей*, пыль е стоитъ уже столбами надъ бѣдной родиной моей». Г. Андреевскій, лѣдуя примѣру Маркова, подсмѣивался: «Этотъ невообразимый ождь, освѣжившій большую дорогу, совершенно нестерпимъ» («Лиер. Чтенія» 1891 г.). Между тѣмъ, прекрасная и сильная, на нашъ зглядъ, метафора Некрасова становится вполнѣ понятной, если зять ее въ связи съ слѣдующими стихами изъ той же «Тишины»:

. . . . Надъ Русью безмятежной
Возсталъ немолчный скрипъ тельжный,
Печальный, какъ народный стонъ:
Русь поднялась *со всѣхъ сторонъ*,
Все, что имѣла, отдавала
И на защиту высылала
Со всѣхъ проселочныхъ путей
Своихъ покорныхъ сыновей...

Какъ извѣстно, изъ этихъ «покорныхъ сыновей» лишь «неногіе вернулись съ поля», и поэтъ имѣлъ полное основаніе сравить съ потоками дождя слезы, пролитыя рекрутскими женами и атерями... Казалось бы, надъ чѣмъ тутъ зубоскалить?..

Некрасову по плечу,—продолжаетъ Марковъ,—только сказочое геройство, баснословный идіотизмъ, голубиное смиреніе, крожадность тигра. Онъ не постигаетъ среднихъ типовъ *). Искренимъ мыслителемъ-поэтомъ и безпристрастнымъ наблюдателемъудожникомъ онъ бываетъ только одинъ часъ изъ десяти натянуаго и выдуманнаго сочинительства. Вина всего этого—жизнь въ ружкахъ, которые дѣйствовали не путемъ поэтическаго и худоественнаго воспитанія общества, а—логическаго убѣжденія, начнаго знанія, практическихъ интересовъ... Подъ вліяніемъ кружовъ, Некрасовъ поднялъ знамя тенденціозной поэзіи, но, какъ все ыдуманное, насильственное, какъ всякій ублюдокъ, она осуждена статься безъ потомства: «лишенная одушевляющаго огня и искрен-

*) Некрасовъ изображается здѣсь, какъ ультра-романтикъ. Но вся поэзія го, глубоко-реальная и правдивая, служитъ краснорѣчивымъ опроверженіемкого мнѣнія. Упомянемъ лишь объ одной сторонѣ некрасовской поэзіи, которой до сихъ поръ намъ не пришлось коснуться. Это—любовная лирика. У оэтовъ предшествовавшихъ, не исключая Пушкина и Лермонтова, любовь изображается всегда въ праздничные ея моменты, являясь какъ бы принаряженой и приподнятой; Некрасовъ перенесъ любовь съ неба на землю, въ обстановку будничныхъ, реальныхъ человѣческихъ отношеній: онъ рисуетъ чувства одей именно средняго, а не героическаго типа.

ности, какъ можетъ она холодными процедурами своего творчества зажечь божественную искру въ новомъ организмѣ?..»

Некрасовъ, по мнѣнію Маркова, до того тенденціозенъ, до того свыкся съ необходимостью громить крѣпостное право, что чуть ли не готовъ отрицать самый фактъ освобожденія (игривая мысль, которую охотно повторяли потомъ гг. Андреевскіе, Платоны Красновы и имъ подобные). Некрасовъ былъ поэтомъ исключительно отрицанія, отрицаніе же есть только преходящій моментъ. Въ творческомъ духѣ поэта были скудны элементы любви (!)... «Побольше любви!»—въ заключеніе укоризненно наставляетъ Марковъ Некрасова, а кстати ужъ и «родственнаго ему» Щедрина, умѣвшаго только «отрицать» и совсѣмъ не умѣвшаго любить...

Тому, кто знаетъ Некрасова и Щедрина, конечно, нечего разъяснять, какъ много самодовольной узости и приторной фальши скрывалось въ этихъ «либеральныхъ» назиданіяхъ!

За послѣдніе двадцать лѣтъ въ критикѣ появилось мало новаго и интереснаго о некрасовской поэзіи. Слѣдуетъ отмѣтить развѣ упомянутую уже статью г. Андреевскаго, въ которой, быть можетъ, много злого остроумія и красивыхъ софизмовъ, но конечный выводъ которой таковъ: «Вкладъ Некрасова въ вѣчную сокровищницу поэзіи гораздо меньше его славы, его имени».

Съ средины 80-хъ годовъ, когда въ литературѣ повѣяло замѣтнымъ охлажденіемъ къ мужику, къ народу,—и имя Некрасова все рѣже и рѣже стало мелькать на страницахъ журналовъ. Выплыли на сцену вопросы личнаго совершенствованія, личной морали; шумно прокатилась мишурная волна «эстетическаго идеализма» и доморощеннаго декадентства... Увлеченіе марксизмомъ обѣщало, казалось, значительное отрезвленіе,—возвратъ искусства къ реализму, къ соціальнымъ интересамъ, хотя и съ перенесеніемъ центра вниманія съ мужика на городского пролетарія; но тутъ случилось нѣчто странное и неожиданное: марксизмъ въ собственномъ, безпримѣсномъ его видѣ почти нисколько не отразился въ нашей художественной литературѣ и въ художественной критикѣ... Заявляли о себѣ и шумѣли одни только марксисты «не настоящіе», марксисты-индивидуалисты, марксисты-ницшеанцы, марксисты-символисты... Эти господа, понятно, не могли любить Некрасова съ его простой, безхитростной поэзіей, чуждой всякихъ современныхъ кривляній и вычуръ!

Къ счастью, движеніе впередъ, въ сторону все большей демократизаціи литературы и искусства, продолжается безостановочно и непрерывно, и видимые зигзаги и отступленія въ нашемъ общественномъ развитіи не имѣютъ въ послѣднемъ счетѣ особеннаго зна-

ченія. Литература у насъ не впервые отстаетъ отъ жизни, и судить
вкусахъ и настроеніи наиболѣе бодрыхъ и жизненныхъ круговъ
бщества по мнѣніямъ гг. Андреевскихъ, Мережковскихъ, Бердяе-
ыхъ et tutti quanti,—было бы совершенно неосновательно. Некра-
совъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названъ забытымъ и
тжившимъ свое время поэтомъ. Стихотворенія его, довольно доро-
гія по цѣнѣ, раскупаются съ прежней, если не большей быстротою.
Но если бы даже на «верхахъ» нашей много всякихъ видовъ ви-
давшей интеллигенціи, и дѣйствительно, можно было подмѣтить
нѣкоторое охлажденіе къ музѣ мести и печали, то жизнь съ каж-
дымъ днемъ все замѣтнѣе выдвигаетъ впередъ новаго, свѣжаго чи-
тателя, могучаго какъ своею численностью, такъ и всепобѣждающей
вѣрой въ торжество свѣта и правды. Не сегодня-завтра этотъ но-
вый читатель заполнитъ всю жизненную сцену, и никакого сомнѣ-
нія не можетъ быть въ томъ, что для Некрасова онъ явится «чи-
тателемъ-другомъ».

Какъ ночные призраки, разлетятся тогда и растаютъ туманомъ
всѣ современные «символизмы», поиски «новой красоты» и «новыхъ
настроеній». Жажда правды—вотъ настроеніе, которое одно имѣетъ
подъ собой твердую почву. Свѣтлое и широкое будущее предстоитъ,
поэтому, «музѣ мести и печали», не устававшей твердить:

Пускай намъ говоритъ измѣнчивая мода,
Что тема старая—страданія народа,
И что поэзія забыть ее должна.—
Не вѣрьте, юноши: не старѣетъ она!

IX.

Объ изданіяхъ Некрасова.

Не знаемъ, въ какомъ числѣ экземпляровъ выпускались каж-
дый разъ стихотворенія Некрасова при жизни поэта, но за два-
цать лѣтъ времени (1856—1877) они выдержали шесть послѣдо-
ательныхъ тиражей. Первое посмертное изданіе, вышедшее въ свѣтъ
ъ февралѣ 1879 г. въ 6000 экз., разошлось въ два года, а въ
881—1882 гг. выпущены были, одно за другимъ, два дешевыхъ
омпактныхъ изданія, каждое по 10 тыс. экземпляровъ. То и дру-
ое распродано было съ изумительной быстротой... Цѣна слѣдовав-
ихъ затѣмъ изданій была, къ сожалѣнію, повышена съ 3 до 5 руб-
ей; но и они всѣ долго не залеживались, несмотря на то, что
ечатались въ 10—15 т. экз. каждое. Въ 1902 году вышло уже

восьмое посмертное изданіе, отпечатаное въ 20 т. экземпляров
Такимъ образомъ, въ общемъ, за четверть вѣка, протекшую со дн
смерти Некрасова, было выпущено около *ста тысячъ* экземпляров
книги, и если принять въ разсчетъ, съ одной стороны, ея сравни
тельно высокую цѣну (въ $2^1/_2$ раза превышающую цѣну, напр
стихотвореній Надсона), съ другой—прискорбно-продолжительны
и лишь въ самое недавнее время, по счастію, окончившійся отлив
вниманія въ русскомъ обществѣ къ долѣ народной массы, то цифр
эта представится довольно-таки внушительной...

Очевидно, широкіе круги читающей публики не перестают
питать горячій интересъ къ поэту, надъ гробомъ котораго раздава
лись восторженные молодые голоса: «Онъ выше, выше Пушкина
Лермонтова!»

«Года минули, страсти улеглись». Для Некрасова насталъ уж
судъ потомства. Никто, вѣроятно, не скажетъ теперь, что он
«выше» Пушкина и Лермонтова, но за то, думаемъ, никто, кром
ошалѣлыхъ декадентовъ, не раздѣлитъ и мнѣнія знаменитаго ху
дожника, «друга юности», а потомъ «врага» поэта, несправедлив
утверждавшаго, будто «поэзія даже и не ночевала въ его стихахъ»
никто не рѣшится теперь назвать эту поэзію гнѣва и печали явле
ніемъ эфемернымъ, фальшивымъ и дутымъ (мнѣніе, которое в
разъ, въ пылу партіозныхъ увлеченій, высказывалось современны
ми Некрасову критиками). Лишь немногіе въ настоящее время н
согласятся, что изъ всего легіона русскихъ поэтовъ XIX вѣка один
только Некрасовъ по праву можетъ стать рядомъ съ Пушкинымъ
Лермонтовымъ, какъ въ смыслѣ общественнаго значенія своей лири
ки, такъ и энергіи и силы поэтическаго вдохновенія.

Къ сожалѣнію, тѣ, кто является посредникомъ между обще
ствомъ и писателемъ, издатели сочиненій Некрасова, заботились во
время лишь о собственномъ преуспѣяніи и ровно ничего не сдѣла
ли, съ своей стороны, для того, чтобы связь между публикой и е
любимымъ поэтомъ росла и крѣпила. Конечно, слова эти не относятс
къ давно уже покойной сестрѣ поэта, Аннѣ Алексѣевнѣ Буткевичъ
подъ наблюденіемъ которой вышло первое посмертное изданіе стихо
твореній (въ 1879 г.),—изданіе, во всѣхъ отношеніяхъ замѣча
тельное, сдѣланное любящей и умѣлой рукой. Главное достоинств
его составляли обширныя и въ высшей степени цѣнныя примѣча
нія С. И. Пономарева, въ основу которыхъ положены были соб
ственноручныя замѣтки поэта, сдѣланныя имъ на поляхъ авторска
го экземпляра предыдущаго изданія стихотвореній. Г. Пономарев
руководился слѣдующимъ справедливымъ соображеніемъ: «О стр

хахъ такого жизненнаго содержанія, какъ некрасовскіе, весьма интересно было бы знать многое—и поводы, по которымъ написаны пьесы, и лица, которыхъ очерчиваетъ поэтъ, и то впечатлѣніе, которое возбуждали его произведенія въ нашемъ обществѣ, въ нашей журналистикѣ въ минуту своего появленія и пр. Но вполнѣ удовлетворить этимъ требованіямъ *пока* невозможно». Въ настоящее время невозможность эта, по всей вѣроятности, значительно уменьшилась, а между тѣмъ—позднѣйшіе издатели Некрасова не только не расширили примѣчаній С. И. Пономарева, но даже и совсѣмъ ихъ устранили... Вначалѣ это сдѣлано было подъ предлогомъ экономіи мѣста въ дешевомъ однотомномъ изданіи, но потомъ, съ возвратомъ къ изданію дорогому (двухтомному) и переходомъ его въ собственность г. Суворина, «примѣчанія» были просто забыты... И не вспоминаютъ о нихъ вотъ уже двадцать лѣтъ! Къ чему? Вѣдь книжка и безъ того хорошо расходится...

Съ той же цѣлью удешевленія, біографія Некрасова, составленная г. Скабичевскимъ, была сокращена въ 1881 году до одной трети, т. е. до блѣднаго краткаго перечня всѣмъ извѣстныхъ фактовъ, и въ такомъ видѣ, безъ малѣйшаго измѣненія, она преподносится читателю и до нашихъ дней...

«При всемъ стараніи сдѣлать новое изданіе какъ можно болѣе достойнымъ памяти покойнаго поэта,—писала сестра его въ предисловіи къ изданію 1879 г.,—я не считаю себя вполнѣ достигшею предположенной цѣли: *иное было невозможно по недостатку времени, многое оказывалось пока несовременнымъ*».

Ни тѣмъ, ни другимъ мотивомъ нынѣшніе издатели не могли бы отговориться, а между тѣмъ—за столько лѣтъ владѣнія духовнымъ наслѣдствомъ знаменитаго поэта—они не только не «старались» сдѣлать новыя изданія «болѣе достойными его памяти», но сдѣлали ихъ, по сравненію съ изданіемъ 1879 г., положительно менѣе достойными. Въ дѣлѣ изученія текста стихотвореній Некрасова, возстановленія стиховъ, замѣненныхъ точками или искаженныхъ въ угоду «независящимъ обстоятельствамъ», а также розысканія новыхъ, не напечатаныхъ при жизни поэта пьесъ,—не говоримъ уже о корреспонденціи Некрасова,—ими ровно ничего не сдѣлано, несмотря на прямое и категорическое утвержденіе А.А. Буткевичъ (а она ли ужъ не знала истиннаго положенія вещей!), что «многое» оставалось еще сдѣлать... Досадно подумать, что упущено двадцать пять лучшихъ лѣтъ: сколько рукописей, стихотвореній, варіантовъ, писемъ могло безслѣдно затеряться за этотъ промежутокъ времени!

Но издатели могутъ, пожалуй, указать въ свое оправданіе на

первую же страницу 1-го посмертнаго изданія, гдѣ поэтъ яснымъ русскимъ языкомъ проситъ своихъ наслѣдниковъ *ничего*, кромѣ ука заннаго *имъ* самимъ, не перепечатывать послѣ его смерти.

Справедливо; нужна только маленькая поправка. «Завѣщаніе» это написано Некрасовымъ еще въ 1864 году и, естественно, должно относиться лишь къ стихамъ, сочиненнымъ *до* этого года, главнымъ же образомъ—къ сборнику «Мечты и Звуки» и другимъ, боль шею частью неудачнымъ, стихотворнымъ опытамъ 1838—1844 г. Если распространить смыслъ некрасовскаго распоряженія и на весь послѣдующій періодъ (1864—1877), то придется, напр., назвать самоуправствомъ поступокъ Салтыкова, черезъ три года послѣ смерти поэта напечатавшаго въ «Отеч. Зап.» его поэму «Пиръ на весь міръ», которую при жизни автора цензура не соглашалась пропустить. Повидимому, такъ именно и разсуждаютъ нынѣшніе собственники изданія: если они и перепечатываютъ эту поэму въ «Собраніяхъ стихотвореній», то потому только, что ихъ предупредила сестра поэта, успѣвшая, незадолго до смерти, распорядиться внесеніемъ «Пира на весь міръ» въ первое дешевое изданіе... За то всѣ новыя стихотворенія Некрасова, опубликованныя позже, современными издателями упорно игнорируются *).

Нельзя, въ заключеніе, не посѣтовать на дороговизну книги, которую, право не грѣшно бы уменьшить, по крайней мѣрѣ, въ полтора раза... При пятирублевой цѣнѣ надолго еще сохранятъ свою силу горькія слова поэта:

Тотъ, о комъ пою въ вечерней тишинѣ.
Кому посвящены мечтанія поэта,—
Увы! не внемлетъ онъ и не даетъ отвѣта...

КОНЕЦЪ.

*) «Время-то есть, да писать вѣтъ возможности», «Вамъ, мой даръ цѣнившимъ и любившимъ» (автографъ, подаренный студентамъ), «Смолкли честные, доблестно павшіе», «Вчерашній день часу въ шестомъ» и пр. Поэму «Пиръ на весь міръ» слѣдовало бы печатать по полному тексту, издаввому въ 1879 году «Народной волей», съ пѣснями «Средь міра дольнаго», «Кушай тюрю, Яша», «Бѣдень, вечесанъ Калинушка» и пр. Напомнимъ еще, что, по указанію покойнаго Гербеля (см. посмертное изданіе 1879 г., т. IV, стр. CXLVI), Некрасовъ собирался передъ самой смертью взять для новаго собранія своихъ стихотвореній пять юмористическихъ пьесъ изъ «Свистка», до сихъ поръ остающихся тамъ погребеввыми. Не слѣдовало бы, думается, пропускать и двухъ предсмертныхъ стихотвореній, имѣющихся въ «Примѣчаніяхъ» С. И. Пономарева, а теперь всѣми забытыхъ: «Пускай чуть слышенъ голосъ твой» и пѣсни изъ вновь задуманной главы «Кому на Руси жить хорошо».

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ.

БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА.

ъ составъ ея вошло 197 біографій замѣчательныхъ людей въ 0 книжкахъ. объемомъ отъ 80 до 160 страницъ, снабженныхъ аждая портретомъ. Къ біографіямъ путешественниковъ, художниковъ и музыкантовъ прилагаются: географическія карты, снимки съ картинъ и ноты.

I. Представители религіи и церкви: удда (Сакіа-Муни), Григорій VII, Гусъ, альвинъ, Конфуцій, Лойола, Лютеръ, Магометъ. Савонарола, Торквемада, Францискъ ссизскій, Цвингли. — Аввакумъ (глава сскаго раскола), патріархъ Никонъ.

II. Государственные люди и народные рои: Александръ Македонскій и Юлій Цезарь (2 біогр. въ одной книжкѣ), Бисмаркъ, шингтонъ, Гарибальди, Гладстонъ, Гракхи, мосѳенъ и Цицеронъ (2 біогр. въ одной нижкѣ), Кромвель, Линкольнъ, Меттернихъ, рабо, Томасъ Моръ, Наполеонъ I, Ришелье.—Ворошцовы, Дашкова, Іоаннъ Грозный, Канкринъ, Меншиковъ, Петръ Великій, Потемкинъ, Скобелевъ, Сперанскій, воровъ, Богданъ Хмельницкій.

III. Ученые: Беккарія и Бентамъ (2 б. одной книжкѣ), Бокль, Вирховъ, Галлей, Гарвей, А. Гумбольдтъ, Даламберъ, Дарвинъ, Дженнеръ, Кеплеръ, Кетле, Кондорсе, перникъ, Кювье, Лануазье, Лаплассъ и лерь (2 б. въ одной книжкѣ), Лассаль, Линней, Ляйель. Мальтусъ, Милль, Монтескье, ютонъ, Паскаль, Пастеръ, Прудонъ, Адамъ итъ, Фарадей.—К. Бэръ, Боткинъ, Колевская. Лобачевскій. Пироговъ, Соловьевъ (историкъ), Струве.

IV. Философы: Аристотель, Бэконъ, к. Бруно, Гегель, Декартъ, Кантъ, Огюстъ нтъ, Лейбницъ, Локкъ, Платонъ, Сенека, кратъ, Спиноза, Шопенгауэръ, Юмъ.

V. Филантропы и дѣятели по народному просвѣщенію: Говардъ, Оуэнъ, Пеллодженъ, Франклинъ. — Каразинъ (основатель хар. университета), баронъ П. А. рфъ, Новиковъ. К. Д. Ушинскій.

VI. Путешественники: Колумбъ, Ливингстонъ, Стэнли.—Пржевальскій.

VII. Изобрѣтатели и люди широкаго почина: Гутенбергъ, Дагеръ и Ніэпсъ (изобрѣтатели фотографіи), Лессепсъ, Ротшильды, Стефенсонъ и Фультонъ (изобрѣт. жел. дорогъ и пароходовъ), Уаттъ, Эдисонъ и Морзе (2 біогр. въ одной книжкѣ). — Демидовы.

VIII. Писатели иностранные и русскіе: *Иностранные писатели:* Андерсенъ, Байронъ, Бальзакъ, Берне, Беранжс, Боккачіо, Бомарше, Вольтеръ, Гейне, Гёте, Гюго, Дантъ, Дефо, Дидро, Диккенсъ, Жоржъ-Зандъ, Золя, Ибсенъ, Карлейль, Лессингъ, Маколей, Мильтонъ, Мицкевичъ, Мольеръ, Рабле, Ренанъ, Руссо, Сервантесъ, В. Скоттъ, Теккерей, Шекспиръ, Шиллеръ, Джоржъ Эліотъ.

Русскіе писатели: Аксаковы, Бѣлинскій, Герценъ, Гоголь, Гончаровъ, Грибоѣдовъ, Державинъ, Добролюбовъ, Достоевскій, Жуковскій, Кантемиръ, Карамзинъ, Кольцовъ, Крыловъ, Лермонтовъ, Ломоносовъ, Некрасовъ, Никитинъ, Островскій, Писаревъ, Писемскій, Пушкинъ, Салтыковъ (Щедринъ), Сенковскій (баронъ Брамбеусъ), Левъ Толстой, Тургеневъ, Фонвизинъ. Шевченко.

IX. Художники: Леонардо да Винчи, Микель Анджело, Рафаэль, Рембрандтъ. — Ивановъ, Крамской, Перовъ, Ѳедотовъ.

X. Музыканты и актеры: Бахъ, Бетховенъ, Вагнеръ, Гаррикъ, Мейерберъ, Моцартъ, Шопенъ, Шуманъ.—Волковъ (основатель русск. театра), Глинка, Даргомыжскій, Серовъ, Щепкинъ.

на каждой книжки 25 к. Біографіи продаются во всѣхъ книжн. магазинахъ.

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Сочиненія А. И. Герцена и переписка съ Н. А. Захарьиной.

Съ примѣчаніями, указателемъ и 8-ю свимками (7 портретовъ и 1 статуя). 7 томовъ. Ц. по 1 руб. за томъ.

Содержаніе:

Томъ I. Повѣсти, разсказы и романы 495 стр. *Томъ II.* Былое и Думы. Часть I, II, III и IV. 514 стр. *Томъ III.* Былое и Думы. Часть V. 590 стр. *Томъ IV.* Публицистическія и критическія статьи. 464 стр. *Томъ V.* Публицистическія и критическія статьи (въ томъ числѣ «Письма изъ Франціи и Италіи», «Съ того берега» и друг.). 460 стр. *Томъ VI.* Дневникъ. Статьи изъ «Колокола». 400 стр. *Томъ VII.* Переписка А. И. Герцена съ Н. А. Захарьиной. 649 стр.

Отдѣльныя произведенія А. И. Герцена (безъ пропусковъ).

А. И. Герценъ. Русскій народъ и Соціализмъ. Ц. 10 к.

А. И. Герценъ. Старый міръ и Россія. Ц. 10 к.

А. И. Герценъ (Искандеръ). Кто виноватъ? Ц. 50 к.

А. И. Герценъ. Робертъ Оуэнъ. Ц. 12 к.

А. И. Герценъ. Александръ I и В. Н. Каразинъ. Ц. 12 к.

А. И. Герценъ. Княгиня Екатерина Романовна Дашкова. Ц. 20.

А. И. Герценъ. Крещеная собственность. Ц. 8 к.

А. И. Герценъ. (Искандеръ). Съ того берега. Ц. 40 к.

А. И. Герценъ. О развитіи революціонныхъ идей въ Россіи. Ц. 40 к.

Искандеръ (А. И. Герценъ). Русскій з говоръ 1825 г. Ц. 6 к.

Культурно-историческая библіотека Н. Николина.

Древнѣйшіе жители Европы. (32 рис. Ц. 20 к.

Древняя Греція. Съ 36 рис. и 2 ка тами. Ц. 40 к.

Древній Римъ. Съ 32 рис. и 4 ка тами. Ц. 40 к.

(Готовятся къ печати: На зарѣ государственности, Борьба христіанства с язычествомъ, Средневѣковье, Крестовые походы и борьба съ императорствомъ, Французская революція, Трудъ и капиталъ и др.).

Бухъ, Л. О государственныхъ финансахъ въ Россіи. Ц. 25 к.

Николинъ, Н. Государственное устройство Россіи и Государственная Дума Ц. 20 к.

Уоллесъ, А. Статьи по вопросу о націонализаціи земли. (Научн. и соціальныя изслѣдованія, т. II). Пер. Л. Лакіера Ц. 80 к.

Мигула, В. Біологія растеній. Перев. Бедельяна. Съ 37 рис. Ц. 40 к.

Г. Гауптманъ, Ткачи. Драма изъ жизни нѣмецкихъ ткачей сороковыхъ годовъ. Въ 5-ти дѣйствіяхъ. Полный перев. съ нѣм. Д. Гальперина. Ц. 25 к.

Левъ Бухъ. Краткій курсъ политической экономіи. Ц. 70 к.

Лабулэ. Принцъ-пудель. Полный перев. съ франц. П. Казановича. Ц. 50 к.

Геро. Воспоминанія и достопамятныя происшествія изъ жизни одного раба чаго. Перев. съ нѣм. подъ ред. А. Пасковской. Ц. 1 р.

Дополнительный выпускъ къ „Сочиненіямъ Д. И. Писарева“. (Статьи: Бѣдная русская мысль. Мыслящій пролетаріатъ. Наши усыпители. Статья о Шедо-Ферроти). Съ приложеніемъ «Литературнаго процесса» по 2-й части «Сочиненій Д. И. Писарева» біографическаго очерка и портрета Ф. Павленкова. Ц. 35 к.

Остроумно-изобрѣтательный идальго Донъ-Кихотъ Ламанчскій. Соч. Мигеля де-Сервантеса Сааведра. Полный перев. съ испанск М. В. Ватсонъ (съ примѣчаніями, біографическимъ очеркомъ и портретомъ Сервантеса). Изд. на лучшей бумагѣ съ черными и цвѣтными рисунками,—ц. за 2 тома 7 р.; изданіе только съ черными рисунками,— ц. за 2 тома 3 р. Альбомъ цвѣтныхъ рисунковъ (43 рисунка и 1 портретъ Сервантеса) въ папкѣ,—ц. 3 р. 50 к.

DUKE UNIVERSITY LIBRARIES
N.A. Nekrasov / P.IA.
891.71 N418ZI
D90351687$